

КОРОНА СЪМЫ

СУМЕРЕЧНЫЕ
БОГИ

18+

ЛАУРА КНАЙДЛЬ

Корона тьмы

Лаура Кнайдль

Корона тьмы. Сумеречные боги

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

Кнайдль Л.

Корона тьмы. Сумеречные боги / Л. Кнайдль — «Эксмо»,
2021 — (Корона тьмы)

ISBN 978-5-04-168784-7

Многовековая война разделила мир на две части. Тобрия принадлежит людям, навсегда отрекшимся от колдовства. В Мелидриане живут фэйри, жизнь которых тесно связана с магией. И лишь стена на Свободной земле между ними разделяет враждующие стороны. Миру между Тобрией и Мелидрианом пришел конец. Темные силы, словно волны, поднимаются над Лаварусом. Король Тобрии намерен захватить Мелидриан и начать войну. После предательства со стороны семьи Фрейя понимает, что в одиночку ей не спасти королевство. В отчаянии она снова отправляется в столицу Неблагого двора, чтобы предупредить молодого принца о зловещих планах отца. Фэйри Неблагого и Благого двора будут вынуждены объединиться, чтобы снова стать одним народом и противостоять смертным. Только бояться им следует вовсе не их, а Бога Смерти, который решил сжечь весь мир дотла.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-168784-7

© Кнайдль Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Лаура Кнайдль	5
Корона тьмы	6
Пролог – Цернуннос	24
Часть I	26
Глава 1 – Зейлан	26
Глава 2 – Киран	32
Глава 3 – Фрейя	38
Глава 4 – Ли	41
Глава 5 – Вэйлин	46
Глава 6 – Зейлан	54
Глава 7 – Киран	56
Глава 8 – Ларкин	59
Глава 9 – Фрейя	63
Глава 10 – Киран	72
Глава 11 – Зейлан	76
Глава 12 – Ли	80
Глава 13 – Ларкин	84
Глава 14 – Зейлан	89
Глава 15 – Киран	101
Глава 16 – Зейлан	106
Глава 17 – Ларкин	112
Глава 18 – Элрой	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лаура Кнайдль
Корона тьмы. Сумеречные боги

© Косарим М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Мне

Корона тьмы
В предыдущих книгах серии...

Фрейя Драэдон

Принцесса Фрейя очарована магией, что однажды может стоить ей жизни. После того как брата девушки, Талона, похитили, она обратилась к алхимии, чтобы найти его. И хотя волшебство у нее на родине строжайше запрещено, Фрейю это не остановило. С помощью Хранителя Ларкина она нашла Талона, но им оказался принц Неблагих Киран. По возвращении к своей семье Фрейе приходится столкнуться с последствиями побега: теперь она против своей воли должна выйти замуж за принца Диглана, коим является не кто иной, как пират Элрой. Несмотря на то что принцесса любит Ларкина, запланированная свадьба дает ей одно решающее преимущество, потому что свадьба с Элроем должна состояться в Вайдаре – городе на юге страны, где располагается секретная библиотека ее отца, содержащая запрещенные и магические писания, которые Фрейя хочет присвоить себе. Девушке удастся проникнуть в библиотеку, когда отец застает ее врасплох, и между ними возникает конфронтация, которая может стоить Фрейе ее языка...

Ларкин Вэлборн

Ларкин Вэлборн, бессмертный Хранитель, десятилетиями служил на Свободной земле. Он охранял стену, отделяющую волшебную и смертную земли друг от друга, и до недавнего времени был верховным главнокомандующим. Однако инцидент, который произошел семь лет назад и уничтожил целую деревню мирных жителей, привел Ларкина в королевскую темницу. Там он должен был коротать вечность своей жизни, но у принцессы Фрейи на него другие планы. Девушка освобождает Хранителя, чтобы вместе с ним найти ее пропавшего брата Талона. Пока они ищут принца, Ларкин влюбляется в Фрейю и обретает свою былую силу. Все еще оставаясь разыскиваемым преступником, он в одиночестве бродит по стране и прячется в тени, помогая тем людям, которые не могут помочь себе сами. Ларкин расследует серию убийств. Следы ведут его в Аскану, город, где находится черный рынок магических предметов...

Зейлан Аларион

Зейлан Аларион выросла в деревне, что находится на краю Свободной земли. Она была еще ребенком, когда эльвы убили ее родителей и разрушили ее дом, – выжила только Зейлан. Теперь девушка хочет любой ценой предотвратить повторение подобного. Но чтобы противостоять кровожадным созданиям, она должна стать бессмертной Хранительницей. Зейлан – единственная женщина на Стене, и поэтому ей приходится бороться за свои права. Упрямый характер и бунтарство девушки доставляют ей все новые и новые неприятности. Когда Зейлан отправляется в Нихалос, город Неблагих фейри, в качестве сопровождения фельдмаршала Кори Томбелла и Ли, ее арестовывают по ложному обвинению в убийстве матери Кирана, королевы Зарины. Однако сам Киран верит в ее невиновность. С его помощью Зейлан удается сбежать из темницы, в процессе чего раскрываются ее невиданные силы. Девушка обладает даром подавлять стихийную магию фейри.

Киран

Принц Киран в свои восемнадцать лет должен взойти на трон после неожиданной кончины своего отца, короля Невана, в качестве самого юного правителя Неблагих. Его народ, состоящий из фейри, возраст многих из которых насчитывает несколько веков, недоволен этим так же, как и сам Киран. Хотя бы потому, что принц окружен темной тайной, о которой знают только его самые близкие люди. В детстве Киран был похищен прямо из колыбели и провел первые годы своей жизни в качестве принца Талона в человеческом мире, и теперь частенько чувствует себя скорее человеком, чем фейри. И только лучший друг принца Олдрен и Хранительница Зейлан дарят ему чувство уверенности. После нескольких покушений на его жизнь и растущее количество восстаний в стране Киран решает передать корону Олдрену. Но этот Неблагодетель – не тот, кем кажется. На самом деле он – Цернуннос, Бог Смерти, который пытается убить Кирана и Зейлан, ввергнув их в огонь. Но эти двое чудом избегают смерти, только вот Киран получает сильные ожоги.

Ли Форэш

Ли Форэш – один из бессмертных Хранителей и инструктор новичков. Для многих мужчин служба на Стене – дело чести, но для Ли она изначально была неизбежным злом. Мужчина присоединился к Хранителям несколько дней назад, чтобы погасить свой долг, потому что в прошлом обокрал не тех людей. Мужчина очень привязан к Зейлан, которая тоже одно время жила на улице. Когда Хранительницу обвиняют в убийстве матери Кирана, девушка попадает в темницу, Ли остается с ней, чтобы доказать невиновность послушницы, заставив полукровку – Вэйлина – признаться. Но чем больше времени Ли проводит с полуэльфом, тем сильнее его тянет к этому мужчине, который тоже является всего лишь жертвой в этой игре.

Вэйлин

Вэйлин – полукровка: наполовину фейри, наполовину человек. Кровная клятва связывает мужчину с Валеской, королевой Благих, лишая собственной воли. Правительница заставляет своего раба пытаться, убивать и делить с ней постель. Вэйлину все это претит. В отчаянии полукровка ищет способ разрушить клятву, потому что каждый день под тиранией Валески – это мучение, а каждое поручение королевы отнимает частичку его души. Полуэльф близок к тому, чтобы сдаться, когда встречает бессмертного Хранителя Ли, который проявляет к нему больше доброты и уважения, чем кто-либо другой. А еще Ли обещает Вэйлину найти вместе с ним способ снять проклятие. Благодаря Ли Вэйлин наконец снова обретает надежду на будущее, но над страной нависла Тьма, которая угрожает поглотить то самое светлое будущее.

Валеска

Валеска, королева Благих фейри, правит на юге волшебной страны. Она известна своей красотой и преданностью своему народу. Нет ничего, чего бы эта королева не сделала для своих фейри. Ради них она в буквальном смысле шагает по трупам. Когда провидица королевы рассказывает ей, что принц Неблагих принесет стране великое несчастье, Валеска приказывает своему кровному рабу Вэйлину убрать Кирана с дороги. Вэйлин намеренно неверно интерпретирует приказ своей госпожи и переносит Кирана в мир людей, где тот живет под именем Талона. Несколько лет спустя юный фейри возвращается, и перед Валеской снова встает проблема, как избавиться от принца. Вэйлин терпит неудачу, а у Валески, беременной его ребенком, не остается другого выбора, кроме как смотреть, как распространяется Тьма...

Олдрен

Олдрен родом из уважаемой семьи Неблагих фейри. Он не только лучший друг Кирана, но и его правая рука, а также прекрасно обученный воин. Олдрен уважает юного принца и поддерживает его словом и делом, что не всегда бывает легко, потому что еще никогда прежде ни один наследник престола не был так презираем своим народом, как Киран. И все же Олдрен всегда находится рядом с принцем и даже отдает за него свою жизнь в день коронации. Фейри умирает, но его тело занимает Цернуннос, Бог Смерти. Под видом Олдрена Цернуннос незаметно дергает за ниточки, чтобы заставить Кирана отказаться от прав на трон и получить власть для претворения своих планов в жизнь...

Элрой

Элрой одержим идеей вечной жизни. Вместе со своей великой любовью Хеленией он хотел объехать весь мир, но Хеления умерла раньше, чем они смогли это сделать. На смертном одре девушки Элрой поклялся ей исследовать весь мир, для того чтобы он мог рассказать ей об этом, как только они воссоединятся после его смерти. Но одной жизни для этого недостаточно, поэтому Элрой, к неудовольствию своей матери, императрицы Атессы, покидает свой родной Зеакис, чтобы, став пиратом, исследовать мир в поисках легенды о бессмертии.

На континенте Лаварус пират идет по следу, который ведет его к бессмертным Хранителям. Но эти люди защищают знание о бессмертии своей жизнью, что заставляет Элроя искать другие пути. Он женится на принцессе Фрейе, чтобы, став принцем Тобрини, получить доступ к знанию, уверенный в том, что король Андроис надеется возглавить силы Элроя в запланированной им войне против фейри.

Пролог – Цернунос

– Даария –

Дым, поднимающийся с Вулканической высоты, плотным, тяжелым покрывалом нависал над Даарией, и хлопья черного пепла, которые выплевывали в воздух бурлящие горы, порывистый, хлесткий ветер нес в город Благих. Словно легкие снежинки, они мягко опускались на землю, погружая все вокруг в унылую серость. Казалось, вулкан и его сестра Лита, Богиня Огня, гневались. Некоторые фейри видели в этом дожде из пепла дурное предзнаменование. Он же наслаждался гневом своей сестры, что делало этот день со всеми его примитивными ритуалами чуточку терпимее.

Он стоял перед алтарем в центре праздничной площади, в окружении фейри – Благих и Неблагих, – которые пришли полюбоваться зрелищем его свадьбы. Они не пожалели денег и усилий, чтобы оформить площадь в соответствии со своими традициями. Гирлянды, сотканные из цветов, по обычаю Неблагих фейри тянулись от одного дома к другому. Повсюду, куда бы он ни посмотрел, были расставлены огненные чаши Благих в честь его сестры и ветряные колокольчики, которыми поминали его брата – Мабона, Бога Ветра. Ему не терпелось положить конец этому идолопоклонству и почитанию и разрушить храмы, где возносили молитвы его братьям и сестрам.

Сам он был облачен в праздничную одежду Неблагих фейри и носил светлую мантию, расшитую золотым орнаментом, с эполетами из перьев на плечах. Голову его венчала корона в виде тернового венка, а на бедре справа покачивался меч, который должен был символизировать, что он не только король, но и Олдрен, чье тело он занимал и который когда-то был воином. Никто еще не подозревал, что за этой брэнной оболочкой скрывается божество.

Однако переход из иного мира в этот измотал его, и потребуются еще много страданий, боли и мучений, пока он не войдет в свою полную силу. Тем не менее одной лишь его мысли было бы достаточно, чтобы целое стадо эльв ворвалось в город. Шевельни он только пальцем – и они послушно разорвут на части любого, кто осмелится встать у них на пути.

Отгнав это восхитительное представление, он скользнул взглядом по присутствующим фейри, которые в напряжении ожидали свадьбы. Тупые идиоты. Ему самому вся эта церемония была совершенно ни к чему, но если большое торжество принесет благосклонность народа, на него стоило потратить время. Конечно, он, будучи королем – и Богом, – не нуждался в их благосклонности и лояльности. Однако знал, что эти просто скроенные умы будут сражаться охотнее и лучше, если будут любить его, а позже – даже подчинятся его приказам по доброй воле.

Наконец раздался колокольный звон, возвестивший о начале церемонии. Голоса на площади в благоговении смолкли, когда в сопровождении гвардейцев к ней подъехала черная карета. Два вороных жеребца в золотой сбруе издали взволнованное ржание. Один из гвардейцев, выступив вперед, распахнул дверцу кареты. Вышла Самия, провидица Валески. Неизменная мантия из белых, серых и черных перьев облекала ее фигуру. Рано поседевшие волосы убраны в косу, а совершенно черные, непроницаемые глаза провидицы скрывали в своей тени каждое чувство, любую мысль.

Эту женщину боялись, и ее появление вызвало страх и дискомфорт в толпе собравшихся. Он наслаждался этими чувствами так же, как болью и страданием, но здесь их было немного. Похоже, в этот день страдала только одна фейри – Валеска. Он чувствовал ее печаль и страх до самого алтаря, смакуя сладостный вкус слез, которые эта слабая женщина пролила утром.

Королева вышла из кареты – и над толпой поднялся гул голосов. Рыжие волосы Валески сияли ярче языков пламени на площади, но лицо ее было серовато-бледным, словно хлопья пепла, кружившие в воздухе. Темное платье женщины, расшитое по подолу золотыми символами, длинным шлейфом тянулось по земле. Золотой корсаж вызывающе вздымал грудь, скрывая тайну во чреве Валески.

Беременность была еще почти незаметна, но скоро, очень скоро зачатый от незаконного союза с кровным рабом ребенок деформирует прекрасное тело королевы. Вот почему Валеска не стала возражать, когда он настоял на скорейшем замужестве. С помощью этого брака она была избавлена от позора сообщить своему народу то, что его будущий король – бастард-полукровка. Не то чтобы этот ребенок однажды возьмет на себя бразды правления, потому что трон отныне и навсегда будет принадлежать ему одному.

Под торжественные звуки музыки Валеска прошествовала по проходу. Он слышал, как шептались фейри: о том, как королева красива, какое великолепное у нее платье и какой взволнованной она казалась. Это вызвало у него улыбку. Эти существа даже не могли отличить волнение от страха.

Когда его будущая жена, ключ к его власти, предстала перед священником, остановившись рядом с ним, на его лице расцвела улыбка. Валеска пыталась скрыть дрожь своих губ, но он слышал испуганный трепет ее сердца. От этого звука кровь его забурлила, и впервые за этот день он ощутил нечто вроде радости.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы объединить эти две жизни, – начал священник. Его сильный, звучный голос эхом разносился по всей площади. – Королева Валеска, правительница Мелидриана и королева Благих фейри, вступает сегодня в вечный союз с регентом Олдреном, правителем Мелидриана, будущим королем Неблагих фейри. Вместе они объединят наши народы и вернут тысячелетний мир этой стране, которая засияет в своем новом великолепии.

Толпа фейри разразилась ликующими аплодисментами. Он удовлетворенно кивнул. Объявление об их скором браке привело к восстаниям. Ибо не все Благие и Неблагие фейри разделяли радость воссоединения. Но он с помощью острых клинков приказал своим гвардейцам заставить эту свору замолчать – и, похоже, сработали они исправно.

После того как священник закончил свою глупую болтовню о любви и мире, они, следуя традиции Благих, с помощью двух огненных талантов зажгли венок, сплетенный из ветвей. Затем два водных таланта были использованы для того, чтобы полить семя, посаженное в стеклянный горшок, что должно было почтить традицию народа, правителем которого теперь считали его.

– И пока живо это растение, пока оно растет и зеленеет, этот союз будет процветать, – произнес священник, завершая церемонию, за которой последовал обильный пир. Народ веселился, все танцевали и смеялись, и ему приходилось слушать болтовню каких-то фейри, которые думали, что его интересуют их жизнь, мысли и чувства. Но он мирился со всем этим, потому что в конце сегодняшнего дня обретет ресурсы, необходимые для ведения войны, которая сделает его еще сильнее.

Объединив гвардии обоих народов, он сначала завоюет эту страну, а затем и остальной мир, чтобы и люди, и фейри осознали, что на протяжении многих веков поклонялись совсем не тем Богам. Потому что бояться им следовало не сил его братьев и сестер – Литы, Мабона, Остары и Юла, – нет, им следовало страшиться только его могущества. Ибо он был Цернунсом, Богом Смерти.

Часть I

Глава 1 – Зейлан

– Нихалос –

– Он покинул свое тело, чтобы снова стать частью божественной силы, – голос священника эхом разносился по маленькой площади возле дворца. Стояла ночь, и луны висели над небом Нихалоса, города Неблагих, освещая церемонию погребения своим голубоватым светом.

– Юл, мы взываем к тебе: заведи к себе своего сына Кирана. Остара, мы взываем к тебе: заведи к себе своего сына Кирана. Мабон, мы взываем к тебе: заведи к себе своего сына Кирана... – присутствующие на церемонии погребения Неблагие фейри хором возносили молитвы своим Богам, пока священник смешивал прах Кирана с землей под деревом, которое, хрупкое и маленькое, пока еще росло в горшке, но однажды станет высоким и могучим исполином. Это растение было наследием Кирана в земном мире – так, по крайней мере, считали фейри. И точно так же, как в этом, они были убеждены в том, что в урне в руках священника находился прах их юного принца.

Зейлан не знала, чье тело гвардейцы вытащили из сгоревшего борделя Бриока, но это точно был не Киран. Однако то, что народ считал, будто Киран мертв, было даже удобно: мертвеца не станут искать. К тому же это было одной-единственной причиной, почему Зейлан могла достаточно уверенно и безопасно передвигаться по городу. Она тоже была объявлена мертвой, поэтому никто не достаивал девушку повторным взглядом. И все же Хранительница предпочитала наблюдать за церемонией, укрывшись в ночной тени.

Притаившись на засаженной растениями крыше дома, она издали наблюдала за процессом. Сначала девушка даже не планировала присутствовать на похоронах, но ей нужно было прийти, чтобы проверить, был ли здесь он – Олдрен. Однако бывшего советника и лучшего друга Кирана нигде не было видно.

Зато на церемонии присутствовало огромное количество гвардейцев, которые охраняли площадь и следили за тем, чтобы погребение прошло спокойно и без восстаний, потому что многим Неблагим фейри Киран остался ненавистен даже после смерти. Недовольные толпились в стороне от происходящего. Сдерживаемые гвардейцами, они выкрикивали в ночь оскорбления.

- Надеюсь, боги отвергнут тебя, Киран!
- Гори в вечном огне, предатель!
- Ты был позором для своего народа!

Зейлан сжала руки в кулаки, стараясь не слушать проклятия. И все же ее пульс участился, и девушке захотелось спуститься с крыши и преподать этим фейри хороший урок. Но единственным оружием Хранительницы был кинжал, который Сибил дала ей на случай чрезвычайной ситуации. Зейлан, конечно, могла – без сомнения – нанести им порядочный урон, особенно с ее недавно обретенной способностью блокировать магию фейри. Без своих магических фокусов большинство Неблагих были довольно беспомощны. Но Хранительница не хотела подвергать опасности Кирана, а также Сибил и Райленда, совершив нечто столь необдуманное, как месть. Так поступила бы прежняя Зейлан, но за последние месяцы девушка научилась не поддаваться необдуманно настолько разрушительным порывам.

Священник поклонился растению, в земле которого теперь покоился прах, и передал горшок Гемхе. Зейлан узнала фейри, хотя ни разу не перемолвилась с ней ни единым словом. Девушка знала лишь то, что Гемха была членом Совета, той из приближенных принца, кто всегда поддерживал Кирана в его решениях. Немного, но это было все, что объединяло этих двоих. А печальнее всего, что эта фейри оставалась единственным живым существом, кто претендовал на древо жизни Кирана. Родители принца умерли, советница его отца Онора была убита, а лучший друг Олдрен, которому Киран уступил свой трон, оказался предателем и пытался убить его.

Он даже не сделал попытки сохранить видимость дружбы, потому что даже не появился здесь. Ночь он, скорее всего, проводил у своей любовницы Валески. Спустя всего несколько дней после нападения на салон Бриока королева Благих и Олдрен объявили о своей помолвке. Зейлан готова была дать руку на отсечение, что все это была лишь спланированная игра ради власти и богатства. Как долго Олдрен планировал предать Кирана? Он манипулировал им и заставил отказаться от короны только для того, чтобы потом выбросить, как ненужную тряпку. Зейлан страшилась того дня, когда Киран узнает о размахе этого предательства.

Если он вообще когда-нибудь о нем узнает, – зашептал тихий голосок в ее голове, но Зейлан заставила его заткнуться и, выйдя из тени, спустилась по фасаду, не желая заставлять Сибил и Райленда ждать дольше. Стараясь оставаться незамеченной, она крадучись пробиралась по улицам, постоянно избегая гвардейцев, патрулировавших весь город, ибо Нихалос был на волоске от того, чтобы погрузиться в хаос. Смерть короля Невана, неудавшаяся коронация Кирана, убийство Оноры и матери принца, в котором обвиняли ее, Зейлан, участвовавшие нападения эльв и, наконец, усиление власти Олдрена и его брак с Валеской вызвали в городе множество волнений.

Среди населения Нихалоса произошел раскол, и это порождало страх, хаос и разруху. Сады были опустошены, фонтаны разрушены, и реки, протекавшие через город, больше не использовались. Олдрен же усмирал эти восстания только силой, что только увеличивало незащищенность населения и порождало дальнейшее насилие. Многие Неблагие фейри после наступления темноты баррикадировались в своих домах, поэтому Зейлан встретила лишь нескольких фейри, на которых не было официальной униформы королевской гвардии.

Словно тень, она двигалась по улицам, в которых теперь неплохо ориентировалась, хотя так и не поняла – да и, наверно, никогда не поймет, почему этот город был спроектирован таким странным образом. Повсюду переулки, которые либо заканчивались совершенно внезапным образом, либо уходили в пустоту. Одни дороги описывали дуги и полукружья, другие были прямыми, как стрелы. Она не раз запутывалась в этом странном клубке путей, но теперь могла найти дорогу к дому Сибил даже в крошечной тьме. Убедившись, что за ней никто не следил, Зейлан постучала. Мгновение спустя послышались шаги и глубокий голос:

– Да? – спросил Райленд из-за двери.

– Это я, – ответила Зейлан.

Раздался щелчок замка, и вскоре дверь открылась. Хранительница скользнула внутрь, где ее приветствовали приятное тепло пылающего очага и запах свежее испеченного хлеба. Сняв плащ, Зейлан повесила его на крючок у двери.

– Тебя долго не было, – слова Райленда звучали как упрек, но за более чем четыре недели Зейлан узнала этого угрюмого фейри достаточно хорошо, чтобы понимать, что им движет лишь беспокойство. Тот же тон в голосе мужчины сквозил и тогда, когда они вместе с полуобгоревшим Кираном впервые оказались перед его дверью после того, как чудом едва спаслись из магического огня.

Зейлан взглянула на рослого фейри. Пепельно-русые волосы заплетены в косу, изящные черты лица резко контрастируют с твердыми мускулами на руках, которые появились благодаря работе в стекольной мастерской.

– Кое-что произошло.

В проеме двери, ведущей на кухню, появилась Сибил.

– Ты была на похоронах, да?

Зейлан уклонилась от понимающего взгляда Сибил. Хранительница пообещала двум фейри не подвергать себя опасности, но ноги сами собой понесли к тому месту, где народ прощался с Кираном.

– Я была осторожна.

Сибил недовольно скривилась. Длинные светлые волосы плавно ниспадали ей на плечи, обволакивая фигуру в форме песочных часов. Несмотря на свое нечеловеческое происхождение, Неблагая была одной из самых красивых женщин, которых когда-либо в жизни видела Зейлан. Несколько десятилетий Сибил работала в борделе Бриока, где за большие деньги продавала свое тело. Зейлан познакомилась с ней, когда Киран спрятал Хранительницу в этом заведении, и только тогда узнала, что принц и сам был клиентом Сибил. Тем не менее это было до того, как женщина ушла из бизнеса, чтобы создать семью со своим теперешним мужем Райлендом. Сибил отказалась от трав, препятствующих беременности, и Зейлан сквозь тонкие стены дома нередко слышала их с Райлендом тяжелое дыхание и стоны, когда пара предпринимала очередную попытку зачать ребенка.

– Он был там? – спросила Сибил.

Зейлан покачала головой:

– Нет, и, если честно, там вообще почти никого не было. – И этого она не понимала. Киран был хорошим: хорошим фейри, хорошим принцем. Почему же народ Нихалоса не понимал этого?

Сибил грустно улыбнулась, а потом сменила тему:

– Принесла травы?

Зейлан достала из сумки пакет, который забрала на рынке несколько часов назад. Ибо Сибил была мастером не только в искусстве соблазнения, но и в изготовлении лекарств и, дабы не вызывать лишних подозрений, сама готовила для Кирана различные травяные мази и снадобья.

Сибил забрала пакет.

– Садись, я принесу тебе поесть.

Зейлан повиновалась. Голода она не испытывала, но жизнь на улице научила девушку никогда не отказываться от пищи. Девушка села за круглый стеклянный стол у камина. Райленд, который недавно открыл собственную витражную мастерскую, сделал его сам, как, впрочем, и то множество ваз и горшков, что были расставлены по всей хижине и заняты цветами. Все в доме Сибил и Райленда было таким зеленым, стеклянным и чистым, что Зейлан чувствовала себя преступной нарушительницей. Потому что рядом с двумя фейри, похожими на ограненные бриллианты, она казалась самой себе куском черного грязного угля.

Сибил принесла полную тарелку источающего восхитительный аромат рагу и свежий хлеб. Каждый божий день Зейлан мысленно благодарила эту фейри и ее мужа за помощь, узнав о которой Олдрен, не раздумывая, отправил бы эту супружескую пару на казнь. Девушка не знала, удастся ли ей когда-нибудь отдать двоим фейри этот долг, потому что у самой Зейлан не было ничего, кроме одежды, которую одолжила ей Сибил.

– Как он? – спросила Хранительница, откусывая кусок хлеба.

По прибытии в Нихалос она поклялась себе, что не станет даже пробовать еду, приготовленную фейри. Как многое изменилось с тех пор...

– Тебя не было всего несколько часов, – мягко улыбнулась Сибил, принимаясь поливать цветы в хижине с помощью лейки, потому что присутствие Зейлан в доме лишало ее магии. Хранительница до сих пор не знала, откуда взялся этот дар и сможет ли она однажды им как-

то управлять. Знала девушка лишь то, что фейри не могли властвовать над стихиями, когда она находилась поблизости.

Пока Зейлан ела, Сибил рассказывала гостю о том, как прошел ее день во дворце. Фейри работала там на кухне, где вместе с дюжиной других граждан Нихалоса готовила еду для королевской гвардии, – так что Сибил всегда было что сообщить. Она знала все слухи, и нередко предстоящие новости доходили до ее ушей еще до официального оглашения.

Зейлан сунула в рот последний кусок хлеба:

– Ты что-нибудь слышала о Ли?

Сибил покачала головой:

– Нет, пока нет, но я уверена: он скоро вернется.

Надеюсь, подумала Зейлан. Она беспокоилась о Хранителе, и с каждым днем мучительное чувство вины, грызущее ее душу, усиливалось. Ли пропал только из-за нее. Отправился отслеживать полукровка, который убил мать Кирана, чтобы снять обвинения с нее, Зейлан, и освободить из тюрьмы. Но леса Мелидриана были опасны, потому что обитавшие там эльвы слыли свирепыми, беспринципными монстрами со сверхъестественными способностями, которые позволяли им играть с разумом своей добычи. Вот почему Благие и Неблагие фейри укрывались в своих столицах: они старались избежать встреч с этими жуткими тварями. И то, что Ли уже несколько недель в одиночку бродил по стране в поисках Вэйлина, Зейлан совсем не нравилось. Она даже не могла сказать наверняка, жив ли еще ее наставник, но думать об ином категорически отказывалась. Ли был сильным и энергичным, умелым и опытным борцом. Он знал, как защитить себя, и если кто и мог выжить в Туманном лесу не пару дней, а несколько недель, так это он.

Зейлан убрала пустую тарелку и отправилась в свою комнату, размером не больше кладовой. Вообще-то, раньше она кладовой и была. При свете свечи девушка села за маленький столик, тесно придвинутый к кровати, и начала упражняться в чтении и письме. Больше ей все равно было нечего делать.

Стояла уже глубокая ночь, когда Зейлан услышала те же ритмичные скрипы и стоны, которые в последнее время так часто терзали ее уши. Девушка зажала руками уши, чтобы не слышать звуки наслаждения, издаваемые Сибил, и сосредоточиться на истории, которую читала. В основном Хранительница училась по детским книгам, которые часто заставляли ее закрывать глаза, потому что сказки и фантастические истории рассказывали о храбрых фейри, которые сражались с кровожадными эльвами и коварными людьми. Но Зейлан нужно было тренировать свои навыки и только потом приниматься за более сложные тексты.

Звуки в соседней комнате давно стихли, а Зейлан все сидела, склонившись над своей книгой. Глаза горели, измученный разум Хранительницы жаждал сна, но она изо всех сил боролась с этим желанием, ибо сама мысль о том, чтобы заснуть, заставляла ее сердце биться чаще. После смерти родителей Зейлан спала на самых темных улицах, в самых опасных кварталах и в ветхих хижинах, с непреходящей мыслью в голове о том, что может попасть в засаду. Но никогда еще девушка не боялась сна так, как теперь, хотя сейчас находилась в относительной безопасности.

Она боялась. Боялась сновидений. Воспоминаний. Каждый раз, закрывая глаза, Зейлан слышала крики, чувствовала жар и ощущала вкус дыма. Снова и снова переживала панику и то чувство беспомощности, когда пламя охватило их.

Ты должен убить меня.

Слова, сказанные ею Кирану, до сих пор эхом отдавались в ушах, и Зейлан знала, что никогда не забудет выражение его лица. Отчаяние и безнадежность. Каждый раз, когда Зейлан засыпала, образы в ее сознании оживали, отнимая больше сил, чем мог подарить сон. Но тело

девушки жаждало покоя, и хотя она, будучи бессмертной Хранительницей, больше в нем не нуждалась, распрощаться со старыми привычками было не так-то просто.

Зейлан решительно отодвинула свой стул и на цыпочках прокралась на кухню, чтобы принести себе стакан воды. Было тихо. В хижине. На улице. Во всем городе. Девушка глубоко вздохнула, когда ее взгляд, словно сам по себе, остановился на двери, ведущей в комнату Кирана. Крепче сжав в руке стакан, она попыталась подавить желание посмотреть на него в двадцатый раз за этот день, но быстро проиграла эту битву.

Осторожно приоткрыв дверь, Зейлан скользнула в спальню. В комнате было бы темно, если бы не единственный источник света на столе у кровати. Волшебная лампа заливала фигуру Кирана ярким оранжевым светом, который почти скрывал бледность принца.

Зейлан проигнорировала табурет, придвинутый к кровати специально для нее, и села прямо к Кирану на постель. Его дыхание было спокойным, и если бы она не знала лучше, то могла бы подумать, что он просто спит и может проснуться в любую секунду. Но принц не открывал глаз уже целый месяц: с тех самых пор, как потерял сознание.

Не волнуйся, со мной все в порядке.

Это были последние слова, которые сказал ей Киран. Но с тех самых пор, по иронии судьбы, она жила, волнуясь за него. Сибил, правда, уверяла, что с Кираном все нормально: ему просто нужно время, чтобы выздороветь. Но Зейлан все равно каждый день боялась найти на постели его безжизненное тело. Слишком близок был Киран к тому, чтобы умереть.

Зейлан оставила свой стакан на прикроватном столике, взяла склянку с мазью, изготовленной Сибил, и начала осторожно наносить снадобье на лицо Кирана. Стараясь ускорить исцеление, она по несколько раз в день втирала средство в кожу больного. Собственные целительские способности принца работали очень медленно, и шрамы, оставленные пламенем, не исчезнут, наверное, уже никогда.

Круговыми движениями Зейлан принялась втирать мазь. Она нежно коснулась лба, щек и скул Кирана, провела руками по шее, вниз, по плечам и груди, тоже испещренной шрамами. После пожара Райленд срезал с него одежду, а ту, что местами прилипла к коже, приходилось просто отдирать. От криков боли принца спас только обморок. Однако зрелища, открывшегося Зейлан, было достаточно для того, чтобы девушка внутренне закричала от ужаса и поклялась отомстить фейри, который сделал такое с Кираном, Дэймин, Бриоком и всеми остальными. Она просто пока не знала, как отплатить Олдрену, тем более что этот трус сбежал в Даарию.

Зейлан подавила свой гнев и посвятила все свое внимание Кирану. Сейчас он нуждался в ней больше, чем она – в своей мести. Рука девушки скользнула обратно – от его обнаженной груди к шее и ушам. Она продолжала втирать мазь, не сводя, как всегда, глаз с кончиков ушей Кирана, точнее – с того, что от них осталось.

Девушка осторожно коснулась пальцами шрамов на ушных раковинах принца. Сначала она думала, что это сделал Райленд, что ему пришлось отрезать кончики ушей Кирана, чтобы снять с них расплавленные золотые украшения. Но фейри уверял, что он не виноват в том, что уши Кирана выглядели почти человеческими, и что шрамы остались от старых ран. Зейлан поверила ему, хотя и не понимала, как такое могло случиться. Конечно, он не мог потерять кончики обоих ушей в результате несчастного случая, потому что порезы были слишком точными и ровными. Кто бы ни искалечил фейри таким образом, он пытался придать ему более человеческий вид. Но зачем?

Медленно и задумчиво Зейлан опустила руку. Пора было возвращаться в свою комнату, но вместо этого девушка отставила склянку с мазью и улеглась на постель рядом с Кираном. Она частенько спала рядом с ним, с одной стороны – чтобы быть уверенной, что с ним все в порядке, с другой – потому, что избегала оставаться в своей комнате одна. Там Хранительница часто чувствовала себя одинокой, но рядом с принцем фейри это ощущение становилось более терпимым, хотя ни сказать, ни сделать Киран ничего не мог.

Сибил уже несколько раз предлагала Хранительнице оставить заботы о Киране ей, чтобы сама Зейлан могла вернуться в Свободную землю, но об этом не могло быть и речи. Она не бросит принца на произвол судьбы, только не сейчас, когда он так много всего потерял. Только не после того, как Киран был готов отдать за нее свою жизнь. Зейлан будет ждать, пока он не окрепнет настолько, чтобы пойти вместе с ней.

Глава 2 – Киран

– Нихалос –

Киран, моргнув, с трудом открыл глаза. Веки были тяжелыми и липкими, словно он не двигал ими несколько дней. Конечности казались странно затекшими и болезненными. Сколько он так пролежал? Долго, судя по тому, как сухо было в горле. Он попытался сглотнуть, но это движение только причинило дополнительную боль. Измученный, он снова закрыл глаза. Еще и холод. Кирану было так холодно, будто он искупался в ванне, полной ледяной воды. Он вздрогнул.

Превозмогая боль и испытывая бесконечное напряжение, он собирался перекатиться на бок, когда вдруг встретил сопротивление другого тела. Киран с усилием открыл глаза, но поверить в то, что увидел, смог далеко не сразу. Он еще спит и все это – сон? В тусклом свете лампы Киран смотрел на Зейлан, мирно спавшую рядом с ним. Черные волосы девушки разметались по подушке, губы слегка приоткрылись. Ровное дыхание красавицы было единственным звуком в комнате. И хотя она льнула к нему, руки Зейлан плотно прижимались к ее собственному телу, словно она боялась его близости так же сильно, как жаждала ее.

Не дав себе времени придумать что-то получше, Киран протянул руку к Зейлан и нежно заправил ей за ухо прядь темных волос. Но едва его пальцы коснулись кожи девушки, как она – с лицом, искаженным паникой, – резко распахнула глаза. Киран поспешно одернул руку. Он не хотел ее пугать. Просто девушка лежала так близко и так прижималась к нему, что он решил, что Зейлан будет не против, если и он прикоснется к ней.

– Киран?

В голосе Зейлан звучало удивление, будто она не ожидала найти его в своей постели. Киран растерянно огляделся и только тогда понял, что они – не во дворце, не в его покоях. Они лежали в скудно обставленной комнате с небольшим садиком за окном, который совсем не казался Кирану знакомым.

Взгляд Кирана вернулся к Зейлан, которая радостно смотрела на него, а потом вдруг порывисто обвила руками и притянула к себе. Объятия девушки оказались крепкими, и тело принца пронзила тупая боль. Однако Киран не отстранился – он ответил на объятия. Прерывисто вздохнув, зарылся лицом в темные волосы Зейлан. От нее пахло землей и дымом, как будто Хранительница долгое время сидела прямо перед камином. Киран не понимал, что происходит, но прикосновения этой девушки были для него желанны в любое время дня и ночи. Он просто наслаждался ощущением ее мягкого, податливого тела, которое прижималось к его дрожащему телу.

– Ты и в самом деле проснулся, – шепнула Зейлан ему прямо в ухо. Теплое дыхание ласкало кожу Кирана.

Он ничего не понимал. Как долго он проспал? Что произошло? Откуда взялось внезапное беспокойство Зейлан? В последний раз, когда они стояли друг против друга, Хранительница ведь держала в руке кинжал, разве нет? Если честно, Киран был не совсем уверен в этом: в голове стоял сплошной туман.

Он прочистил горло, но оттуда вырвался лишь едва слышный хрип:

– Где... где мы?

И в ту же секунду Киран пожалел, что задал свой вопрос, потому что Зейлан высвободилась из его объятий.

– У Сибил.

– Почему?

Взгляд темных глаз остановился на его лице:

– Ты не помнишь?

Киран качнул головой, но даже это мимолетное движение отдалось в висках резкой болью. С губ сорвался мучительный стон. Такой головной болью Киран не терзался с того дня, когда ему минуло восемнадцать и принц праздновал это событие, устроившись вместе с Олдреном в винном погребе королевского дворца. Тогда они выпили так много, что та ночь осталась для Кирана лишь смутным воспоминанием. Сейчас голова принца болела куда сильнее.

– Тебе лучше отдохнуть еще, – сказала Зейлан. – Поговорим обо всем завтра.

Ему хотелось возразить и узнать, что именно он не мог вспомнить. Но в то же время Киран чувствовал себя настолько измученным, что даже по прошествии этих нескольких минут уже с трудом мог следить за словами Зейлан, как бы сильно ни старался сосредоточиться. Еще и свет этой лампы... Он сильно резал принцу глаза, но Киран не мог позволить себе снова погрузиться в сон, пока не узнает то, что сейчас интересовало его больше всего:

– С тобой все в порядке?

Уголки губ Зейлан поползли вверх.

– Теперь, когда ты проснулся, да.

Киран терялся в догадках, что же такого, черт возьми, могло случиться, чтобы Хранительница, которая обычно насмехалась над всеми и презирала фейри, сказала что-то подобное. Слишком измученный, чтобы выразить эти свои мысли словами, он закрыл глаза и погрузился во тьму раньше, чем успел это понять.

Киран распахнул глаза. Яркие лучи солнца, проникавшие сквозь окно, заливали комнату мягким теплым светом. Лампа была погашена, а рядом на столике ютился оставленный для него стакан воды. Зейлан исчезла, но подушка, которую они делили ночью, еще источала нежный аромат ее волос. Киран не знал, сколько часов минуло с момента их разговора, но чувствовал себя значительно более отдохнувшим. Пульсирующая боль в голове тоже почти утихла.

Медленно, одну за другой, Киран перекинул ноги через край кровати. Тело до сих пор казалось слегка одеревеневшим, но это пройдет, когда он начнет двигаться. Принц взял приготовленный для него стакан воды и сделал несколько глотков, пытаясь вспомнить, что произошло. Почему они с Зейлан оказались у Сибил? Он знал, что девушки познакомились в заведении Бриока, но...

Минуточку!

Размышления Кирана прервались, потому что имя Бриока пробудило в сознании смутную тень воспоминания. В борделе что-то произошло. Перед внутренним взором принца предстала Зейлан с кинжалом в руке, но прошлой ночью она не производила впечатления, будто хочет его убить.

Киран отчаянно нуждался в ответах и ванне: он чувствовал, что от него уже пахнет. Как только Зейлан терпела эту вонь? Принц встал с кровати, и ноги под ним тут же подкосились, словно сухие ветки, что не в силах выдержать ни малейшего веса. Киран рухнул на пол, и стакан в его руке разлетелся на тысячу осколков. Не прошло и секунды, как дверь распахнулась и в комнату влетела Зейлан.

– Киран!

Совершенно не обращая внимания на осколки, девушка опустилась рядом с ним на колени и помогла сесть обратно на кровать. Сибил и незнакомый Кирану мужчина, предположительно Райленд, появились в дверном проеме. Сибил, однако, тут же исчезла и вернулась с веником, чтобы убрать осколки.

– Прости, – его голос все еще звучал непривычно хрипло.

Неблагая улыбнулась принцу:

– Не стоит извиняться, стекла в этом доме еще более чем достаточно.

– Я сам могу все подмести.

– Нет, не можешь, – резко вмешалась Зейлан и мягко, но решительно толкнула принца обратно на матрас, когда он снова попытался встать. Темные волосы девушки влажными волнами ниспадали на плечи, а платье кремового цвета струилось по телу, словно вода. Тонкая ткань мало что скрывала, и Киран отчетливо видел кончики ее груди, изгибы бедер и кинжал, который она обвязала вокруг бедра ремнем и которым, вероятно, без колебаний воспользуется, если он будет слишком долго и нагло на нее пялиться.

Киран перевел взгляд на Сибил, а с нее – на Райленда. Принц еще никогда не встречался с мужем фейри: он знал этого мужчину только по ее рассказам. Тот был высокого роста, даже для фейри, а его выдающийся подбородок казался еще строже из-за сурово сжатых челюстей. Сибил говорила Кирану, что Райленд не возражал против ее работы в борделе. Однако приветствовать бывшего клиента жены под крышей собственного дома этому мужчине, казалось, нравилось куда меньше.

– Ты голоден? – спросила Зейлан, сидевшая на кровати рядом с ним.

До сих пор Киран даже не думал о еде, но теперь желудок предательски заурчал. Принц кивнул.

– Оставайся тут, – сказала Сибил Зейлан, собрав осколки разбитого стакана в совок и разгибаясь. – Я все равно собиралась готовить ужин. А вам двоим, думаю, есть о чем поговорить. Мы позовем вас, когда еда будет готова.

– Спасибо! – улыбнулась Зейлан.

Киран, напротив, нахмурился. *Ужин?*

– Как долго я спал?

Никто ничего не ответил, а уклончивые взгляды вселили в Кирана беспокойство. Такая скрытность ему совсем не понравилась. Юноша хотел наконец понять, в чем дело. Он решительно повернулся к Зейлан, которая никогда раньше не стеснялась в выражениях и всегда говорила то, что ду-

мает:

– Почему мы здесь?

– Нам лучше оставить вас наедине, – сказала Сибил и вышла из комнаты, потянув за собой Райленда, который, по-видимому, предпочел бы остаться и подслушать разговор. Дверь за супругами захлопнулась. И хотя теперь людей в комнате стало меньше, воздух казался Кирану гуще, а напряжение – более ощутимым, потому что он мог буквально пощупать волнение, которое излучала Зейлан. Беспокойно поднявшись с кровати, девушка начала мерять шагами комнату; юбка ее светлого платья мягко колыхалась у ног.

– Что последнее ты можешь вспомнить?

– Я не уверен, – признался Киран, прислоняясь к стене, потому что сидеть прямо становилось все труднее. И хотя после пробуждения он чувствовал себя отдохнувшим, теперь юноше казалось, то он снова готов уснуть. Борясь с усталостью, он произнес: – У меня перед глазами постоянно всплывает эта картина.

Зейлан настороженно остановилась:

– Что за картина?

– Я вижу тебя с кинжалом в руке.

– И все?

Он кивнул.

– И тебя несколько не беспокоит то, что ты остался со мной наедине? – приподняв брови, спросила она.

– Нет, ты никогда не причинишь мне вреда.

Поджав губы, Зейлан снова принялась шагать по комнате.

– Должно быть, произошло что-то действительно ужасное, раз ты мне совсем не возражаешь, – обеспокоенно заметил Киран. В то же время ему нравилось, что Хранительница постепенно оттаивала, понимая, что он – не монстр, не чудовище из ее кошмаров.

– Да, это правда: случилось кое-что и в самом деле плохое. Я просто не знаю, с чего начать.

– С чего-нибудь. Если я не смогу уследить за твоим рассказом, то дам тебе знать.

– Все началось с того, что ты передал Олдрену свое место на троне, – начала Зейлан, пристально следя за реакцией Кирана, но принца эти слова не удивили. Он помнил разговор со своим советником и самым лучшим другом. Сам Киран никогда не хотел быть королем Неблагих, и когда Олдрен согласился взять эту обязанность на себя, почувствовал, что с его души свалилась глыба величиной с целую гору. Человеческий отец принца, Андроис, первые одиннадцать лет жизни Кирана учил его править смертными, но царствовать над фейри, которые жили веками и видели в нем всего лишь желторотого юнца, было совсем другое дело.

– В то же время я обнаружила, что обладаю одним даром.

– Каким еще даром? – нахмурился Киран.

– Фейри не могут творить магию, если я нахожусь поблизости.

Ни о чем таком Киран никогда раньше не слышал. Повинуясь инстинкту, он поднял руку, желая призвать воду из вазы с цветами. Сосредоточившись на кончиках пальцев, юноша ждал знакомого покалывания магии, но так и не дождался. Быть может, это просто слабость? Оставив попытки подчинить себе воду, Киран попытался взять под контроль воздух в комнате. Большинство Неблагих могли управлять либо только Водой, либо одной лишь Землей, зато высокопоставленные фейри владели обеими стихиями. Киран же, в свою очередь, во время своей неудавшейся коронации получил еще один дар – возможность управлять Воздухом. Но прежде чем Лита, Богиня Огня, смогла наделить его магией своей стихии, покушение на жизнь принца помешало этому случиться.

– Не получится, – сказала Зейлан. – Ты не помнишь, но мы уже говорили об этом раньше. Потом ты ушел, чтобы выяснить, с чем связан мой дар, потому что никто из нас не мог понять, откуда он взялся.

– И выяснил?

– Да, выяснил, но нас прервал пожар.

– Какой пожар? – Они здесь из-за этого? Во дворце был пожар?

Черты лица Зейлан омрачились, когда девушка подошла к кровати принца и села напротив, скрестив ноги, так что ее юбка слегка поползла вверх.

– Ты пришел ко мне в салон Бриока вместе с Олдреном. Тот, видно, что-то знал о моем даре, но говорил, что хочет сказать мне это лично. Мы вошли в комнату без него, потому что Олдрен пошел сообщить о чем-то Бриоку. А ты сказал мне, что хочешь стать Хранителем.

Взгляд Зейлан метнулся к Кирану, так, будто девушке не верилось, что тогда он сказал ей правду. Но так и было. Юношу не принимал никто: ни Неблагие, ни люди. Фейри ненавидели Кирана за чересчур человеческое мышление, а люди – за магию в его теле. Поэтому он хорошо вписался бы только в ряды Хранителей – так, по крайней мере, думал сам Киран.

Когда Зейлан поняла, что принц не собирался возражать против ее последнего утверждения, она продолжила рассказывать, но Кирану с каждым словом девушки было все сложнее и сложнее следить за ходом ее повествования. Веки его отяжелели, наполнять легкие воздухом давалось с трудом.

– Мы ждали Олдрена, когда вдруг почувствовали запах дыма. Люди начали кричать, пытались спастись из пламени. Мы хотели выйти из комнаты, но огонь уже добрался до нас. Мы думали, что умрем... – Зейлан остановилась, уставившись на свои руки. С рассеянным видом она разминала пальцы с обглоданными ногтями. Похоже, она не хотела о чем-то рассказывать.

– Что случилось потом? – мягко настаивал Киран. Ему нужно было знать.

Зейлан зажмурилась и судорожно втянула в себя воздух.

– Мы... прощались, когда я поняла, что могу контролировать пламя. Это был магический огонь, и каждый раз, когда он касался меня, казалось, будто моя кожа поглощает язычки пламени. Именно так мы смогли пробиться наружу. Однако огонь был слишком силен, а я – недостаточно осторожна.

– Что ты хочешь этим сказать?

Зейлан медленно подняла голову и посмотрела на него. Ее тоскливый взгляд был полон боли и вины, и Киран хотел взять ее за руку, но не был уверен, что она этого хочет. А сам принц был слишком слаб, чтобы принять и вынести отказ девушки.

– Ты сильно обгорел, Киран.

– Что? – моргнул он.

– Ты еще не заметил?

– Не заметил что?

Губы Зейлан тронула грустная улыбка. Поднявшись с кровати, она подошла к столу в другом конце комнаты. Вытащив из выдвижного ящика ручное зеркальце, девушка подала его принцу. Искусно отлитая ручка из металла показалась Кирану холодной, хотя его пальцы до сих пор были ледяными. Неуверенным движением он поднял зеркало и взглянул на свое отражение.

Во имя Короля...

Дыхание перехватило: Киран с трудом узнал себя, не зная, куда смотреть в первую очередь. Длинные светлые волосы исчезли. Принц был коротко острижен. Такую длину волос – всего в несколько пальцев – он не носил с тех пор, как был похищен из Амаруна.

– Сибил пришлось отрезать твои волосы, – произнесла Зейлан. Но Киран почти не слышал ее, ибо в пламени он утратил не только волосы, но и безупречную красоту своего лица.

Правая половина лица выглядела практически невредимой, но левая обгорела основательно. Сами раны уже затянулись, но кожа теперь была практически полностью покрыта бесчисленными неровными бледными шрамами, которые тянулись по его лицу и шее вниз. Киран знал, что если у него хватит сил и духа снять рубашку, то те же шрамы он увидит и на своей груди.

Он был уродлив – и наконец свободен. Абсурд, конечно, но такова была его первая мысль. В таком виде никто не узнает в Киране наследного принца. По крайней мере, не рискнув бросить на него второй, третий или даже четвертый взгляд, чего, конечно, не произойдет, потому что смотреть на него теперь было совсем не приятно. Киран попытался улыбнуться и тут же почувствовал, как болезненно напряглась кожа на левой стороне его лица. Правый угол рта оказался значительно выше левого, что делало улыбку принца кривой и неуклюжей.

И тут вдруг словно земля ушла у него из-под ног: Киран увидел свои уши. Золотые украшения, скрывавшие изуродованные уши принца от других фей, исчезли.

Кирана охватила паника. Все последние семь лет он прилагал все усилия, чтобы сохранить эту тайну и скрыть свой позор. Но теперь, без длинных волос, зажившие шрамы обнажились и были прекрасно видны всем. Кто еще видел его таким?

Зейлан, казалось, неправильно истолковала ужас на его лице.

– Мне очень жаль.

Он опустил зеркало.

– О чем ты сожалеешь?

– О том, что не смогла этому помешать.

– Я жив, и этим обязан только тебе. – За последние несколько лет Киран часто ставил под сомнение свое существование и не знал, как долго еще сможет терпеть ненависть и презрение своего народа. Мало того, однажды под всем этим давлением он был даже на грани того, чтобы

сдаться. Но сегодня он был далек от этого желания. Киран в нетерпении ожидал той неизвестности, которая теперь маячила перед ним.

– Но ты больше не...

– ...красив? – закончил Киран фразу Зейлан.

В свете свечи он увидел, что Зейлан с трудом сглотнула, словно старалась не высказать то, что вертелось у нее на языке. Ее внешность, в отличие от лица Кирана, была безупречной. Лицо Зейлан не портили даже темные круги под глазами, которые, вероятно, появились вследствие неустанной заботы о нем.

Раздался робкий стук, и дверь в комнату осторожно приоткрылась. Сибил, появившаяся в проеме, по очереди оглядела Кирана и Зейлан и только потом сообщила, что еда готова. Аппетит Кирана, правда, пропал, но он был благодарен за то, что их прервали. Разговор измучил его, и теперь принцу требовалось время, чтобы все обдумать. Может, тогда и воспоминания вернутся.

Глава 3 – Фрейя

– Амарун —

Фрейя зажмурилась, а потом попыталась разлепить веки. Она чувствовала, что вот-вот очнется от долгого сна. Голова была тяжелой, в висках стучало, шея затекла и словно одеревенела, будто принцесса целую вечность пролежала в одном положении. Глаза казались слипшимися ото сна. С огромным трудом Фрейе удалось приоткрыть веки, и свет свечи, стоявшей у кровати, тут же вызвал в голове пронзительную боль. По ощущениям все указывало на худшее похмелье в ее жизни. Но Фрейя не помнила, чтобы они с Мелвином, ее другом детства, развлекались в винном погребе. Девушка сглотнула. Во рту было сухо, словно присыпано пылью, но не только: что-то было не так. Однако Фрейя чувствовала себя слишком вялой, чтобы дать этому ощущению название.

Она снова попыталась открыть глаза.

– Эй, полегче, – раздался рядом с ее кроватью женский голос с сильным акцентом.

Моргнув, Фрейя попыталась разглядеть незнакомку. Волосы женщины были длинными и черными, а желтые глаза ярко сияли в свете единственной свечи. Темная кожа, темно-красный мундир со множеством золотых украшений. Обрывки воспоминаний завертелись в голове Фрейи. Райя. Рэй. Эмиссар императрицы Зеакиса Атессы, она приехала отговорить Элроя от помолвки с ней, принцессой Тобрии.

Всколыхнувшееся воспоминание пробудило в душе Фрейи совершенно иную боль, потому что она, во имя Короля, совершенно не помнила последние несколько часов своей жизни. Они с Элроем поженились. Это следующий день после их первой брачной ночи? Но почему тогда рядом с ней Рэй?

Фрейя открыла рот, чтобы спросить, что случилось, но вместо слов ее уста покинул лишь невнятный приглушенный звук.

На лице Рэй мелькнула жалость.

Фрейя вновь попыталась что-то сказать, но получилось издать только непонятное бурчание. На глаза навернулись слезы. Девушка попыталась провести языком по губам, но ничего не вышло. Вместо языка во рту остался только жалкий обрубок.

Отрезать ей язык!

Воспоминание о словах отца хлестнуло Фрейю, словно пощечина. Все тело словно сжалось в один комок боли. Желудок скрутило. Собственная грудная клетка внезапно показалась Фрейе слишком тесной для ее дико пульсирующего сердца. Горло вдруг сдавило так, что принцессе показалось, что воздух больше не попадает в легкие. Она задышалась, на глазах выступили слезы.

Фрейя запаниковала. Откинув одеяло, девушка перекинула ноги через край кровати. Ей нужно было, нет, она просто должна была посмотреть в зеркало. Но едва Фрейя встала, как колени подогнулись, и только сильные руки Рэй защитили ее тело от падения.

– Успокойся, – прошептала Рэй. Но вместо того, чтобы помочь принцессе вернуться в постель, женщина крепко держала ее.

Фрейя не понимала, что происходит. Неужели отец действительно приказал отрезать ей язык или это был просто дурной сон? Безвольно подняв руку, девушка пощупала мундир Рэй. Пальцы ощутили мягкую ткань.

Мундир был настоящим. Рэй была настоящей. Все было по-настоящему.

Фрейя разрыдалась и, почти ничего не зная о женщине, в объятиях которой находилась в этот момент, вцепилась в нее, как ребенок в родную мать.

Фрейя больше не могла говорить. Собственный отец отнял у нее эту способность, чтобы она никому не рассказала о своем открытии. Воспоминания постепенно возвращались. Фрейя вспомнила, что ей удалось проникнуть в секретную библиотеку в храме Вайдара, существование которой она должна была доказать алхимикам. Девушке было поручено выкрасть *копию Черного Элемента*, но, прежде чем Фрейя успела это сделать, появился ее отец. Он сказал, что знает о Мойре. И что планировал вступить в войну против фейри. Сама Фрейя говорила о Талоне и Киране, и о том, что эти двое – один и тот же человек. Она пригрозила рассказать об этом народу, если король затеет войну, и вот как раз после этого Андроис отдал приказ своим гвардейцам...

Фрейя вновь почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Она не могла поверить, что собственный отец приказал ее искалечить. Ее голос был... утрачен. Навсегда. Это осознание было таким ошеломляющим, что никак не укладывалось в голову. Никогда больше ни одно слово не покинет ее уст. Никогда больше она не споет ни строчки своей любимой песни.

Фрейя стала немой, потому что ее отец боялся того, что она могла сказать. И это ясно показывало девушке: то, что она должна была сказать, имело наивысшую ценность. Он заткнул ей рот, и это последнее, что должна была допустить Фрейя, потому что теперь это означало не только войну, но и то, что она позволит королю Андроису победить. А его победа была последним, что принцесса хотела увидеть. И последнее, чего она хотела, – это увидеть, как этот человек победит. Он был тираном. Монстром. Маньяком, алчущим власти. И более жестоким, чем когда-либо был или мог быть любой из фейри. Почему Фрейе потребовалось целых восемнадцать лет жизни, чтобы понять, каким мерзким был ее отец?

Шмыгнув носом, Фрейя отстранилась от Рэй, и та помогла девушке сесть. Ноги принцессы были слабыми и какими-то ватными, что неудивительно. Учитывая, что во рту не было открытой раны и Фрейя не ощущала невыносимой боли, она предполагала, что ее продержали в бессознательном состоянии несколько недель, чтобы дать телу время оправиться от раны.

– Хочешь пить? – спросила Рэй.

В горле у Фрейи было сухо, как в пустыне, но она покачала головой и показала рукой движение, будто что-то пишет. Ей нужны были перо и бумага.

Рэй полезла в ночной столик и достала записную книжку и перо, будто прятала там эти вещи, зная, что Фрейе они понадобятся. Принцессе оставалось только надеяться, что Рэй овладела не только разговорным языком Лаваруса, но и письменностью. У Фрейи было так много вопросов и мыслей, что девушка совершенно не знала, с чего начать, но сначала ей нужно было выяснить, как много знает Рэй.

Почему ты здесь?

– Элрой попросил меня проверить, как ты, – ответила Рэй, которая, по-видимому, даже не восприняла этот вопрос как личное оскорбление. Она говорила тихо, словно догадываясь, как сильно у Фрейи болит голова. – Вообще-то, меня здесь быть не должно. Тебя здесь держат уже с месяц. Посещения запрещены, якобы для того, чтобы не нарушить процесс заживления. Я вошла через балкон.

Давно ты здесь?

– Сегодня – всего несколько минут, но я приглядываю за тобой уже три недели. Элрой, наверное, приходил бы и сам, если бы твой отец не занимал каждую минуту его времени. – Сказав это, Рэй скривилась так, будто случайно хлебнула уксуса.

Фрейя кивнула, чтобы показать Рэй, что слушает. При этом девушка почувствовала неожиданный прилив симпатии к Элрою. То, что пират поручил Рэй присматривать за ней, означало, что Фрейя была ему небезразлична и заботило этого мужчину не только собственное бессмертие. Ведь в бессознательном состоянии принцесса вряд ли была полезна Элрою. Тем не менее, вместо того чтобы отправить Рэй на поиски бессмертия, он велел ей быть рядом с Фрейей.

Мы поженились? – задала Фрейя свой следующий вопрос. Свадьбы она не помнила.

Рэй кивнула:

– Да, твой отец вместо тебя отправил к алтарю другую девушку, в вуали, заставив всех, включая Элроя, поверить, что это ты. Мы только потом узнали, что там была девушка того же роста и сложения, что и ты. Элрой был... не в восторге, мягко говоря.

Фрейя сглотнула, но без языка это ощущение было очень непривычным. *А что стало с девушкой?*

Рэй опустила взгляд; черные волосы скрыли лицо женщины, словно занавес.

– Не знаю, но подозреваю, что твой отец после церемонии бракосочетания приказал ее казнить, чтобы она никому не рассказала о подмене. Я, по крайней мере, с тех пор ее не видела.

Фрейя не знала, кем была та девушка, но ее снова начало мутить, и горе тесно сдавило горло. Никогда раньше принцесса и подумать не могла, что ее отец способен на такое, но теперь девушка знала его истинное лицо. Ни один человек не интересовал короля Андроиса, если, конечно, этим человеком не был он сам. И он совершенно не брезговал тем, чтобы ради своих целей идти по трупам других.

Собственное мнение и воля к осуществлению задуманного отличают сильного короля, но по-настоящему хороший король никогда не ставит себя выше своего народа. Даже не смешно. Как минимум вторая часть этого предложения была ложью, которую отец годами скармливал ей, Фрейе и Кирану. Король Андроис ставил себя выше всех и каждого. Своего народа. Своей семьи. Соглашения. Он был готов попать тысячелетний договор между странами, чтобы добиться своего и получить больше власти.

Фрейя снова начала писать.

Как я лишилась языка?

– Мы с Элроем надеялись, что об этом нам сможешь рассказать ты, – ответила Рэй, поглядывая в сторону запертой двери. В коридоре послышались шаги. – В официальном уведомлении говорится, что ты упала на следующий день после свадьбы и случайно откусила себе язык. Нам сказали, что это произошло во время примерки свадебного платья. Но, видно, ни то, ни другое не является правдой.

Фрейя покачала головой.

Мой отец...

Она не успела дописать предложение, потому что в коридоре раздались голоса. Выругавшись на своем родном языке, Рэй выхватила из рук Фрейи записную книжку и вырвала страницу с записями. Блокнот она снова спрятала в ящик, а вырванный лист сунула в карман мундира, чтобы потом, скорее всего, сжечь. Чтобы не оставить никаких доказательств их разговора.

– Я сообщу Элрою, что ты очнулась, – сказала она и поспешила к балкону. Шторы были задернуты, но когда Рэй распахнула дверь, в комнату ворвался легкий ветерок. Прохладный поток воздуха принес с собой сладковатый аромат первых весенних цветов. – Не ешь и не пей ничего, что тебе здесь дадут. Возможно, они попытаются снова погрузить тебя в сон. Я вернусь.

Фрейя кивнула, так как без бумаги и пера ей больше ничего не оставалось.

Рэй в ответ махнула рукой, исчезая за окном. И вовремя, потому что в тот же миг Фрейя услышала в замке скрежет ключа.

Дверь приоткрылась. Быстрый взгляд Фрейи отметил нескольких гвардейцев, стоявших прямо перед ее комнатой. В покои вошли две горничные, которых, видимо, послали обмыть принцессу, потому что одна из них держала в руках ведро с водой. От воды исходил пар. Заметив Фрейю, обе женщины остановились как вкопанные.

– Принцесса! – воскликнула женщина с ведром. – Вы проснулись!

Глава 4 – Ли

– Нихалос –

Над Нихалосом нависла тень. Темные облака скрывали солнце, погружая стеклянный город во мрак. Ли потерял всякое чувство времени. Хранитель не знал, сколько недель, а может, и месяцев, он бродил по пустошам Мелидриана. Сначала для того, чтобы найти полуэльфа, затем – чтобы выходить и вылечить его. Но теперь он вернулся, и, хотя они с Вэйлином собирались войти в город Неблагих, для Ли это было почти то же самое, что вернуться домой. Он с нетерпением ждал теплой ванны, пахнущей лавандой, и уютной кровати, пусть и всего на одну ночь.

Раздался отдаленный грохот грома, возвещающий о приближающейся грозе. Многообещающе повеяло свежим ароматом надвигающегося дождя. Ли дернул поводья своей лошади, вынуждая ее поторопиться. Возможно, им удастся найти для Вэйлина угол на ночь, прежде чем разразится гроза и они окажутся во власти непогоды.

– Нельзя подходить к замку слишком близко. Если они узнают меня, то сразу же арестуют, – сказал Вэйлин, который, чтобы скрыть от посторонних глаз свое лицо, низко надвинул на лоб капюшон плаща еще час назад, когда они были далеко от столицы.

Бросив взгляд через плечо, Ли посмотрел на Вэйлина, который сидел на лошади позади него, крепко обхватив Хранителя за талию.

– Я знаю, не переживай.

Ли долго размышлял, стоит ли рисковать брать Вэйлина с собой в Нихалос, ведь здесь он был разыскиваемым преступником. И Неблагим, безусловно, будет совершенно безразлично, что Вэйлин – кровный раб и совершил покушение на Кирана не по собственной воле: он был вынужден это сделать, управляемый своей хозяйкой, а по совместительству – любовницей. Однако и оставить Вэйлина в Туманном лесу Ли тоже не мог. Полукровка едва оправился от последнего нападения эльв и отравления их ядом, но пройдет еще много времени, прежде чем он полностью восстановит свои силы.

– Может, есть какие-то идеи, куда я тебя могу отвезти?

– На окраине города есть таверна. «Сияющий путь». Я жил там до того, как меня арестовали. Тамошняя хозяйка слепа. Поэтому, если я останусь в своей комнате, то буду в безопасности... по крайней мере, настолько, насколько могу быть в безопасности в этом городе, – ответил Вэйлин, крепче цепляясь за рубашку Ли.

– Не волнуйся. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

В ответ Вэйлин издал какое-то бурчание, которое ясно показывало, что Ли совсем его не убедил.

Ли буквально кожей чувствовал напряжение Вэйлина и всеми силами хотел обеспечить ему безопасность. Но Хранитель не мог этого сделать. В его силах было только обещать поторопиться, чтобы как можно скорее найти возможность разрушить проклятие. Однако перед этим Ли должен был увидеть Зейлан и поговорить с девушкой. Юноша не знал, сколько времени потребуется, чтобы разрушить клятву крови, и не хотел, чтобы Зейлан думала, будто он бросил ее на произвол судьбы. Или – что еще хуже – чтобы Неблагие, потеряв терпение, казнили Зейлан до того, как Вэйлин сможет свободно рассказать о своих действиях и их заказчике. Потому что если Ли был прав в своих предположениях и совершить нападение на Кирана Вэйлина заставил кто-то из Благих, это было равносильно объявлению войны. А с этим следовало не мириться, а пресечь в зародыше.

Конечно, в обязанности Ли, как Хранителя, не входило обеспечение мира между народами фейри, но он прожил в этом мире достаточно долго, чтобы знать: волна обрушится на тебя, даже если ты стоишь к морю спиной. С фейри точно так же. Если между Благими и Неблагими разразится война, Мелидриан превратится в штормовое море, волны которого, миновав Стену, захлестнут Тобрию. И решать, смотреть ли в лицо надвигающейся буре или отвернуться, чтобы впоследствии быть застигнутыми этим штормом врасплох, было только им. Теперь Ли предпочитал знать, чего ожидать от жизни, потому что в прошлом слишком часто отводил газа и слепо натывался на то, о чем не имел ни малейшего представления. Он дорого заплатил за этот опыт – и это еще слабо сказано.

Они достигли первых предгорий Нихалоса, и взглядам путников открылись маленькие, ветхие домишки с садами, однако же не менее великолепными и величественными, чем в самом центре города. Фасады домов сплошь увивались побегами растений, а цветы, благодаря магии пережившие зиму, украшали крыши, отвлекая внимание от полусгнивших дверей и покосившихся ставен.

Ли до сих пор не так часто бывал в этой части города, но сразу почувствовал что-то неладное. Улицы были пустынные, вездесущий плеск воды в реках, ручейках и каналах Нихалоса затих. Фонтаны не работали, окна большинства окрестных хижин зияли темнотой. Но Ли все равно чувствовал, что за двумя одинокими путниками пристально наблюдают.

– Что-то не так, – озвучил ту же мысль Вэйлин.

Ли кивнул.

Вэйлин снял руку с талии Ли и опустил ее на кинжал, засунутый за пояс Хранителя. Полукровка мог в любой момент выхватить клинок, перерезать своему спутнику горло и скрыться, но Ли не испытывал ни страха, ни беспокойства. Кори, Зейлан и все остальные Хранители наверняка обозвали бы его дураком, но Ли доверял Вэйлину и серьезно отнесся к каждому слову, сказанному полуэльфом в Ливатте. Несмотря на запачканные кровью жертв руки, Вэйлин был невиновен. Он был загнанным в угол зверем, вынужденным сражаться, чтобы выжить. А это чувство и самому Ли было слишком хорошо знакомо.

– Эльвы их поberi, – вдруг шепнул Вэйлин Ли прямо в ухо.

– В чем дело?

Вэйлин указал рукой вдоль по улице, и тут Ли тоже увидел ее – трещину в земле, которая определенно возникла не естественным образом. Кто-то использовал магию Земли, чтобы разрушить эту дорогу и поставить здесь своего рода блокаду. Ни лошадь, ни карета не могли преодолеть этот ров. Это было достаточно странно, но почему никто не устранил его?

Ли огляделся в поисках объяснения и обнаружил фигуру, стоящую у одного из немногих освещенных окон. Но в тот момент, когда взгляд Хранителя встретил взгляд Неблагого фейри, фигура исчезла, и свет в домике погас.

Да что, во имя Короля, произошло здесь за последние несколько недель? После неудавшейся коронации Кирана настроения в Нихалосе были не самыми радужными, но люди, по крайней мере, осмеливались выходить на улицу.

Совершив обход, который явил им еще больше разрушений, путники, не встретив по дороге ни одного фейри, добрались наконец до «*Сияющего пути*». Ли привязал у входа лошадь. Поилка была пуста, потому что все колодцы в городе, казалось, были разрушены. Ли похлопал животное по крупу, дав ему обещание как можно скорее принести ведро воды, а Вэйлин бросился к таверне, намереваясь войти внутрь. Но когда полукровка потянул за дверь, она оказалась закрыта на замок.

– Заперто.

Неприятное чувство в желудке Ли усилилось. Он постучал по гнилой древесине двери, которая, казалось, была насквозь проедена термитами. Затаив дыхание, Хранитель прислу-

шался. За дверью слышалось слабое шарканье шагов. Ключ повернулся в замке, дверь слегка приоткрылась, но в проеме величиной с узкую щель никого не было видно.

– Кто вы? – спросил кто-то, прячущийся за дверью, словно хрупкое старое дерево могло обеспечить какую-то защиту. Любой фейри мог разнести эту преграду в щепки.

– Мы...

Подняв руку, Вэйлин заставил Ли замолчать.

– Мы – два путешественника, – сказал он, заставляя приобретенный акцент Благих в своем голосе звучать еще сильнее. – Мы не ищем неприятностей, нам нужно только пристанище.

Фейри колебалась:

– И надолго вы хотите остаться?

– Для начала на два дня.

– А какие у вас элементы?

Вэйлин покосился на Ли. Тот ощупал пояс и развязал мешочек с талантами, которые взял с собой на случай, если поиски Вэйлина доведут его до Даарии.

– У нас есть Вода, Земля и... – Ли уставился на огненные таланты, с помощью которых разжигал костры в пустошах Мелидриана. – И все. Водные и земные таланты.

Фейри недовольно хмыкнула:

– Пятнадцать водных талантов.

Это было чистой воды ростовщичество, но Ли заплатил эту цену, не жалуясь, потому что лучшего жилья им было все равно не найти. Фейри с редющими волосами и белесыми слепыми глазами впустила мужчин внутрь. Она провела Вэйлина в комнату, показав Ли, где взять воды для лошади, и Хранитель наполнил поилку, прежде чем последовать за ними.

Спальня, которую предоставила в их распоряжение хозяйка, определенно не стоила пятнадцати талантов. Койка давно провисла, из крана капала вода, и все углы комнаты были затянуты плотной сетью паутины.

Вэйлин стоял у окна. Первые капли дождя уже барабанили по стеклу. Полукровка сбросил свой плащ, оставшись в темной, испачканной грязью одежде. Черные волосы длиной до плеч местами спутались, а шрам от ожога на шее в виде отпечатка ладони сегодня выглядел особенно красным. А может, просто кожа вокруг него была необычно бледна от страха.

– Что дальше? – спросил Вэйлин, не глядя на него.

Ли подошел к окну и встал рядом.

– Ты останешься здесь и будешь отдыхать, а я поеду в замок и проверю, как там Зейлан. Я проведу там ночь и осмотрюсь, может, кто-то расскажет мне что-нибудь о том, как разрушить проклятие. Потом я вернусь, а там – посмотрим.

Вэйлин кивнул, но Ли заметил, как полукровка тяжело сглотнул.

– В чем дело?

Тот покачал головой:

– Ни в чем.

Ли не поверил ни единому слову. Он чувствовал ее, эту тяжесть, которая наполняла воздух всякий раз, когда мысли оставались невысказанными. Хранитель осторожно накрыл своей ладонью руку Вэйлина. Тот вздрогнул от этого нежного прикосновения. Казалось, Вэйлину потребовались все его силы, чтобы остаться стоять на месте. Не отстраниться, не отступить. Во время их совместного пребывания в Ливатте Ли часто замечал за ним такое поведение. Вэйлин будто ожидал, что каждое прикосновение способно причинить боль или навредить.

– Ты можешь поговорить со мной, – заверил Ли.

Вэйлин повернулся и уставился на Хранителя: его карие глаза были такими темными, что казались почти черными.

– Я просто пытаюсь понять, чем заслужил твою помощь. Спасибо!

– Тебе еще рано благодарить меня. Я всего лишь привез тебя в город, где все хотят видеть тебя мертвым.

– Но ты ведь сделал это только из лучших побуждений и с добрыми намерениями.

Ли сглотнул.

– Тебе нечасто помогали, да?

Ему показалось, что правый уголок рта Вэйлина дрогнул.

– Еще никогда.

Эти два коротких слова ранили Ли, словно выстрел в грудь. Прежде он ненавидел Вэйлина за то, что тот сделал с Зейлан, но эта ненависть давно улетучилась. Казалось, этот полукровка всю свою жизнь не знал ничего, кроме насилия и ненависти. И то, что тьма так и не смогла полностью поглотить его, было свидетельством силы, и за это Ли восхищался этим мужчиной.

Ли откашлялся.

– Мне пора идти.

– Береги себя, – кивнул Вэйлин.

– Не волнуйся, так и будет.

Промокшая ткань плаща липла к коже Ли. Едва он покинул *«Сияющий путь»*, гроза обрушилась на Нихалос со всей своей сокрушительной силой. Молнии, сверкая, озаряли небо, грохот грома вторил игре света. Потоки дождевой воды, стекаясь в ручьи, струились по городу, собираясь в лужи там, где магия Земли образовала на дорогах рытвины и ямы. По пути Ли встретил несколько сгоревших домов; не раз и не два его лошади приходилось обходить баррикады, возведенные на улицах.

Чем ближе Ли подъезжал к замку, тем больше фейри попадалось на его пути. Однако в основном все они были гвардейцами, бросавшими на одинокого всадника странные недоверчивые взгляды. Ли не мог припомнить такого подозрительного отношения к себе, даже в ту пору, когда воровал для Темных. Оставалось надеяться, что в замке смогут объяснить, что произошло в его отсутствие. Возможно, оставаться в Ливатте так долго было ошибкой, но если обратный путь в Нихалос убил бы Вэйлина и его самого, Зейлан бы это точно не помогло.

Дождь по-прежнему нещадно лил с неба, когда Ли объездными путями добрался до главной улицы, ведущей к замку. И первым, что он заметил, была стена, воздвигнутая между дворцом и городом. Раньше королевские сады были доступны для всех, но теперь стена высотой в пятнадцать футов преграждала путь, и дорога выходила к воротам, у которых стояли двое гвардейцев. Не затронутые дождем, перенаправляя потоки воды при помощи магии, они стояли перед стеной и смотрели, как к ним приближался всадник. В окнах окрестных домов царил темнота, и все же Ли ощущал на себе взгляды, исходящие оттуда.

– Приветствую вас, – сказал он, приблизившись к гвардейцам.

Те кивнули, призывая прибывшего высказать свою просьбу.

– Прошу впустить меня.

– Кто вы? – спросила женщина-гвардеец с коротко стриженными волосами.

Ли спешился, чтобы быть с фейри на одном уровне.

– Меня зовут Ли Форэш. Я – Хранитель Свободной земли и гость принца Кирана.

Фейри-мужчина фыркнул:

– Сомневаюсь.

– Это правда. Можете сами его спросить.

– К сожалению, это невозможно, – ответил фейри.

– Почему же?

– Киран мертв.

За спиной Ли грохотал гром, капли дождя, стучавшие по каменной мостовой, звучали в ушах Хранителя, словно маленькие взрывы. И все же он ясно понял то, что сказал гвардеец.

Киран погиб. Ли не очень хорошо знал принца, но тот относился к Хранителю с большим уважением и добротой, чем большинство его подданных, и Ли это ценил.

– Что с ним случилось?

– Он пал в попытке совершить предательство короны.

Ли нахмурился:

– Но ведь он и был Короной.

– Больше нет, – возразила женщина.

Такое развитие событий Ли совсем не понравилось, и он крепче сжал поводья своей лошади. Он знал, что Зейлан оставалась в живых во многом благодаря милости Кирана. Совет казнил бы Хранительницу, как только она была арестована.

– Кто взошел на трон вместо него?

– Регент Олдрен.

– Могу я его увидеть?

– Его сейчас нет в городе, – ответил гвардеец-мужчина.

– Где он?

Женщина издевательски хмыкнула. Золотые насадки на ее ушах сверкнули в свете вспыхнувшей молнии.

– Вы что, под камнем провели последние несколько недель? Он уехал в Даарию, на свою свадьбу с королевой Валеской! А теперь убирайтесь отсюда!

Ли даже не шевельнулся. Это что, такая шутка? Мужчина мало что знал об отношениях между Благими и Неблагими, потому что происходящее в Мелидриане не касалось ни его лично, ни Хранителей вообще. Но Ли не был глухим и своими ушами слышал, как сильно эти два народа презирали друг друга. К тому же до его отъезда Олдрен ни разу не проявил симпатии к королеве Благих. С другой стороны, Ли было совершенно плевать, с кем новый регент собирался делить свою постель. Хранителя интересовала только одна женщина.

– А что с Хранительницей в темнице? – спросил он. – Зейлан Аларион.

– Мертва, – ответила женщина.

Ли застыл. Слово обрушилось на него, словно жестокий удар.

– Вы уверены?

– Мы лично вытаскивали ее обугленное тело из-под обломков вместе с телом Кирана, так что да, мы уверены, а теперь убирайся! Здесь вам делать больше нечего, или хотите последовать за своей подружкой-Хранительницей? – спросил гвардеец-мужчина, опуская руку на рукоять своего меча.

Ошеломленный, Ли отступил на шаг, потом – еще и еще, потому что не хотел никаких неприятностей. Его тело двигалось словно само по себе, когда Хранитель вскочил на лошадь и повернулся спиной к стене и замку.

Зейлан была мертва. В груди Хранителя стало тесно, а пустой желудок мучительно сжался, но он заслужил эту боль, потому что потерпел неудачу. Ли остался в Нихалосе, чтобы помочь Зейлан, спасти ее от ранней, преждевременной смерти, но спасти девушку не удалось, точно так же как и Эдана.

Внезапно капитан Форэш перестал воспринимать капли дождя, которые сыпались на него с неба, словно тупые иглы. Стараясь сдержать слезы, он зажмурился. Ли и правда верил, что на этот раз все будет по-другому, но – нет. Даже став Хранителем, он остался все тем же паршивым неудачником.

Глава 5 – Вэйлин

– Нихалос –

Вэйлин, обнаженный, стоял перед зеркалом в комнате таверны «Сияющий путь» и, вывернув шею, рассматривал шрам на спине, который клеймил его рабом Валески. С этой меткой его связывало намного больше жестоких воспоминаний, чем другие фейри накапливали в течение всей своей многовековой жизни. И хотя мужчина снова и снова пытался отыскать способ снять с себя это проклятие, надежду он почувствовал впервые – благодаря Ли. Он не знал, чем заслужил помощь Хранителя, но был бесконечно ему благодарен. И если им действительно удастся найти способ разрушить проклятие, в этом мире не будет ничего, чем Вэйлин сможет отплатить Ли за помощь. Полуэльф жаждал жизни без крови, пыток и ненависти, даже если сейчас едва мог вспомнить время, когда его существование не омрачалось злодеяниями.

И ничто и никогда уже не будет прежним. Потому что жить ему придется не только с воспоминаниями, но и с ненавистью Валески. Королева ни за что и никогда не отпустит его. Он и дальше будет вынужден жить в тени, но это, по крайней мере, будет свободная жизнь. Единственный способ спастись от Валески навсегда – это смерть, его или ее. Вэйлин часто представлял себе, каково было бы убить королеву руками, которые по ее вине были измазаны в крови по самые локти. Но теперь, когда он впервые осмелился по-настоящему надеяться, Вэйлин не знал, стоит ли его месть того, чтобы рисковать своей свободой, стоит ли встречаться с Валеской в этот роковой последний раз. Все, чего он действительно хотел, – это заниматься музыкой и быть хозяином собственной жизни.

Стук в дверь прервал мысли Вэйлина. Мышцы мужчины непроизвольно напряглись: гостей он не ждал. Быстро натянув штаны, полукровка зажал в руке один из кинжалов, которые оставил ему Ли. Остановившись перед закрытой дверью, Вэйлин прислушался.

– Это я, Ли, – прозвучал голос из коридора.

Вэйлин открыл дверь.

– Почему ты вернулся так быстро?

Ли протиснулся мимо него в комнату. Хранитель промок до нитки. Светлые волосы темно-серыми прядями липли к бледному лицу, по полу тянулся мокрый след. Но Вэйлина беспокоила не вода, которая не оставила на Ли ни одного сухого места, а его покрасневшие глаза и судорожно стиснутые челюсти. И руки Хранителя, с силой сжатые в кулаки.

– Зейлан мертва.

Так и не отняв руки от дверной ручки, Вэйлин замер. Он знал, как много значила для Ли эта юная Хранительница. И в том, что теперь она была мертва, была отчасти и его вина. Волосы девушки на одежде полукровки привели ее в темницу и вызвали подозрения. Вэйлин не хотел этого, но другого выбора у него не было. И тем не менее – ответственность за все случившееся лежала на нем.

Вэйлин медленно прикрыл дверь.

– Мне очень жаль.

Ли стянул с плеч промокший плащ. Небрежно швырнув его на спинку стула, он принялся снимать ботинки.

– И Киран – тоже.

– Принц мертв?

– Да, я не знаю обстоятельств, но он, по-видимому, погиб предателем. Его правая рука, Олдрен, теперь регент. Он станет следующим королем. И угадай-ка, кто станет его королевой? – спросил Ли. Хранитель буквально выплевывал слова. Печаль и гнев звучали в его голосе.

– Я думал, он любит принца, – заморгал Вэйлин.

– Ну, он, как видно, любит и Валеску. Он взял ее в жены.

При звуке имени, которое сорвалось с уст Ли, Вэйлин застыл. Хранитель еще не знал, что именно королева Благих виновна во всех его страданиях и многих других жестоких деяниях. Оставаясь неподвижным, полукровка наблюдал, как Ли стянул брюки, а затем – рубашку. Полностью раздевшись, Хранитель сел у огня перед камином. Бледная кожа мужчины тускло мерцала в отблесках пламени.

Вэйлин сглотнул.

– Олдрен и Валеска поженились?

Не сводя взгляда с пылающего огня, Ли кивнул.

– Они, судя по всему, совсем недавно заключили брак в Даарии. Этим, наверное, и объясняется напряженное настроение. Думаю, многие Неблагие недовольны этим союзом.

Да и Благие тоже, – подумал Вэйлин. Что побудило Валеску выйти замуж за Олдрена? Красивая женщина, она не испытывала недостатка ни в чем: у нее были богатство, власть и слава. Ей не нужен был мужчина, который правил бы ее народом. Кроме того, Неблагие не могли предложить королеве Даарии ничего такого, чего у Валески еще не было. Так почему же она вступила в брак с Олдреном, сердце которого так явно принадлежало Кирану?

Не то чтобы у Вэйлина были с этим проблемы. Если этот Неблагой фейри будет каждую ночь ложиться с Валеской в постель, он, Вэйлин, возможно, будет спасен от этой каторги. И все же полуэльф никак не мог объяснить себе этот поспешный брак. Тут, должно быть, скрывалось нечто большее.

Но что бы там ни было с союзом Валески и Олдрена, он не имел ничего общего с Хранительницей, а значит, и с Ли. Его единственная причина остаться в Мелидриане умерла. А с ней – и возможность того, что Хранитель поможет Вэйлину. Теперь, когда Зейлан была мертва, этому юноше больше не требовалось признание полукровки. Теперь Вэйлин стал бесполезен для Хранителя, и вся надежда, которую полуэльф чувствовал за несколько минут до этого, исчезла, уступив место гнетущему чувству, которое всегда жило в его груди. Может, ему просто не дано быть счастливым...

Вэйлин подошел к кровати и надел рубашку, потому что теперь самым мудрым для него решением было уйти с наступлением темноты. Остаться в Нихалосе он не хотел и не собирался.

– Тогда на этом наши пути, наверное, разойдутся, – произнес Вэйлин. Он не позволил себе ощутить разочарование, которое вызывали в нем эти слова, потому что это чувство делало слабым. – Я с удовольствием оставляю тебе лошадь, но не мог бы ты дать мне немного талантов?

Ли отвел взгляд от огня, пляшущего в камине.

– О чем ты?

– О том, что мне нужно исчезнуть, – ответил Вэйлин, запихивая свои вещи обратно в сумку. К счастью, он еще не успел как следует устроиться в этой дыре. – Один в Нихалосе я, само собой, не останусь.

Ли встал со своего места перед камином и, сделав пару широких шагов, приблизился к полукровке. Собственная нагота совершенно не волновала Хранителя. Остановившись рядом с Вэйлином, Ли схватил мужчину за запястье руки, которой тот запихивал грязную одежду в свой мешок.

Вэйлин вскинул голову, и взгляды мужчин встретились.

– Ты не один, – спокойным голосом произнес Хранитель. – С тобой я.

– Но надолго ли?

Нежная улыбка, которая, однако, не скрывала горя, постигшего Хранителя, появилась на губах Ли, когда он начал поглаживать кожу Вэйлина большим пальцем руки. Легкой, как перышко, лаской.

– До тех пор, пока я тебе нужен.

Сердце Вэйлина забилося чаще. Ли представлял угрозу. Не своим клинком, а добротой, которая едва ли не заставляла полуэльфа довериться Хранителю. Но доверие в его мире было опасно. Лишь тот, кто доверял, мог быть предан.

Грубо стряхнув с себя прикосновения Ли, Вэйлин пробурчал:

– Ты мне не нужен.

Мне никто не нужен.

Улыбка Ли тут же сошла на нет.

– Прости, я не это имел в виду. Я просто не хочу...

– Все в порядке, – прервал его Вэйлин. Завязав свой мешок, полукровка заставил себя произнести следующие слова, которые, вероятно, повторяли мысли Ли, но Хранитель был слишком добр и любезен, чтобы высказать их вслух. – Ты спас меня, чтобы я помог твоей подруге-Хранительнице, но она мертва. Теперь я для тебя бесполезен, поэтому освобождаю тебя от обещания. Тебе не нужно мне помогать, возвращайся к Стене.

Вэйлин подхватил сумку и перекинул ее через плечо. Мышцы его до сих пор были слегка одеревеневшими, а движения казались немного скованными – остаточные последствия отравления. Вэйлин надеялся, что его грядущее путешествие в Даарию обойдется без неожиданных стычек с эльвами.

– Не мог бы ты дать мне несколько талантов? – снова спросил он. Ли, не шевелясь, стоял на месте.

– Нет.

Этого Вэйлин опасался, но ему не нужны были ни Ли, ни его добродушная улыбка. Для получения талантов существовали свои средства и способы. Он кивнул Ли на прощание и отвернулся за мгновение до того, как рука Хранителя метнулась к нему и пальцы Ли снова сомкнулись на его запястье.

– Нет, – повторил Ли. Развернув Вэйлина к себе, он твердо посмотрел ему в глаза. – Я тебя не отпущу.

– Хочешь убить меня?

– Нет, я все еще хочу тебе помочь.

– Почему?

– Потому что должен. Я... я обещал... – тут голос Хранителя дрогнул, и он заплакал. И Вэйлин понял, что речь идет не о нем, а о Хранительнице. Ей он тоже дал обещание. Обещание, которое не смог сдержать.

Неподвижно, словно статуя, Вэйлин стоял напротив плачущего Ли. Валеска, вероятно, высмеяла бы этого мужчину за слабость и отослала бы прочь, чтобы он втайне осушил свои слезы. Но Вэйлин видел перед собой не слабака, а человека, который глубоко переживал смерть своей подруги и которого, несмотря на всю его храбрость и решимость, так жестоко наказала жизнь.

Сбросив с плеча сумку, Вэйлин приблизился к Ли. Нерешительным жестом полуэльф заключил рыдающего мужчину в объятия, неуверенный, захочет ли тот вообще его утешения, ведь в смерти Зейлан был виновен и он. Но Ли не оттолкнул Вэйлина от себя: он лишь приветствовал его утешительный жест. Крепко обхватив полуэльфа руками, Хранитель вцепился в рубашку Вэйлина, как утопающий в спасительное бревно. Рыдания сотрясали тело стража, пока он стоял, зарывшись лицом в шею Вэйлина, обожженная кожа которого заглушала сдавленные звуки рыданий, что срывались с его губ.

– Мне очень жаль, – прошептал Вэйлин, чувствуя, как сжимается его горло.

Объятия Хранителя стали сильнее, и хотя Вэйлин был зажат в его железной хватке, как в тисках, он не испытывал желания бежать. Полуэльф не мог сказать, как долго они так стояли, но когда Ли отстранился от него, слезы на его глазах уже высохли.

Вэйлин решил принести из кухни еды, чтобы дать Ли немного времени прийти в себя. Вскоре после этого, когда он вернулся с фруктами и бутылкой вина, Хранитель снова сидел перед камином, теперь уже полностью одетый.

Присев рядом с Ли на корточки, Вэйлин поставил на пол между ними сладкие фрукты и еще более сладкое вино. Хранитель тут же потянулся к бутылке и сделал большой глоток, а потом передал вино Вэйлину. Тот тоже глотнул из горлышка, и некоторое время мужчины молча пили вино, по очереди передавая бутылку друг другу. Единственным звуком между ними было потрескивание пламени очага. Наконец Вэйлин не выдержал. Если он действительно собирался остаться с Ли, ему нужно было знать, что они будут делать дальше.

– И что мы будем делать дальше?

Ли снова поднес бутылку ко рту.

– Я хочу выяснить, что случилось с Зейлан.

Вэйлин сунул в рот виноградину.

– Что там выяснять? Ее казнили.

– Нет, не казнили. Она умерла не в темнице. Гвардейцы у стен дворца сказали, что их с Кираном тела извлекли из-под каких-то обломков. Значит, она сбежала из подземелья, хотя обещала мне не делать этого. Что-то случилось.

– Или она просто ослушалась.

Взгляд Ли оставался стеклянным, в глубине глаз Хранителя плескалась глубокая печаль, когда, покачив головой, он ответил полукровкой:

– Зейлан была своенравна, но она дала мне слово.

– То есть ты хочешь остаться в Нихалосе? – заключил Вэйлин.

– Всего несколько дней, чтобы поспрашивать фейри, а может, и поговорить с Олдреном. К тому же это даст тебе время, чтобы попробовать узнать что-нибудь о разрушении проклятия. Может, я даже попаду в королевскую библиотеку.

Вэйлин моргнул:

– Хочешь, чтобы я отправился искать разрушителя проклятий? Забыл, где мы находимся?

– Нет, но ты больше не разыскиваемый преступник. Неблагие по-прежнему думают, что королеву Зарину убила Зейлан, но ты ведь пытался убить Кирана, а принц теперь считается предателем, так что это делает тебя своего рода героем.

Вэйлин не смог на это ничего ответить, потому что клеймо кровной клятвы на его спине раскалилось докрасна. Любое сказанное им слово могло быть воспринято как признание, а это Валеска делать запрещала. И хотя Ли был прав, оставаться в Нихалосе Вэйлину не хотелось, особенно учитывая то, что он напал с ножом на Олдрена. Хотя за это преступление казнить его не собирались.

Если держаться подальше от дворца, он, возможно, и правда будет в безопасности. По крайней мере, настолько, насколько вообще полукровка мог быть в безопасности в городе Неблагих.

Подозрительный взгляд Вэйлина скользнул по «*Скинетри*», таверне, что располагалась вблизи дворца. Он уже несколько раз бывал здесь, до коронации Кирана, когда ему было приказано уничтожить принца. Но в этот вечер они с Ли собирались выяснить, что привело Кирана и Зейлан к смерти. И если кто-то и мог дать мужчинам на это ответ, то наверняка это были те многочисленные дворцовые служащие, что регулярно заходили в эту таверну, – раньше, по крайней мере, было именно так. Но сегодня «*Скинетр*» словно вымер. Всего несколько столиков оказались заняты, и атмосфера была далеко не радостной, а скорее тоскливой. Фейри сидели, задумчиво уткнувшись в свои бокалы с вином, и ни музыка, ни смех не заполняли зал, раскинувшийся на открытом воздухе.

– Расслабься, – сказал Ли, взяв его под локоть.

Вэйлин подавил инстинкт высвободить свою руку из пальцев Хранителя. Полукровка вырос среди Благих, и его учили, что мужчины на публике не должны вступать в физический контакт, если только дело не касалось драки.

Но в Нихалосе все было иначе. Вэйлин сделал глубокий вздох и попытался расслабиться, хотя это было легче сказать, чем сделать. Вэйлин знал, что он и в самом деле не может быть больше арестован и осужден за попытку убийства Кирана или королевы Зарины, и все равно испытывал ощущение, будто ему на грудь прилепили мишень.

– Эти ребята выглядят так, будто у них украли любимое оружие, – сказал Ли. Он потягивал вино, наблюдая за фейри через край своего бокала. Большинство из них молча сидели друг против друга и, понизив голоса, говорили о работе и семьях. Никто ничего не сказал о Киране, Олдрене или положении в городе, словно, проронив об этом хоть слово, фейри опасались привлечь гвардейцев, которые теперь патрулировали весь Нихалос.

– Может, стоит попробовать узнать что-то где-нибудь еще?

– Нет, – решительно ответил Ли. Бумажные фонарики под потолком освещали его бледную кожу своим теплым светом. Вскинув руку, он обратил на себя внимание фейри за стойкой. Та, используя свою водную магию, мыла стаканы, которые и без того казались довольно чистыми. Заметив жест Ли, фейри прервала свое занятие и подошла к столику.

Вэйлин, натянув капюшон поглубже, уткнулся в свой бокал с вином.

– Да? – сурово спросила Неблагая, словно обслуживать Хранителя и полукровку было ниже ее достоинства.

Ли улыбнулся:

– Я подумал, не будете ли вы так любезны, чтобы ответить мне на несколько вопросов?

Фейри, голова которой, как и у большинства Неблагих женщин, была обрита, подняла брови:

– О чем?

– О том, что произошло в этом городе, – прямо сказал Ли, отчего Вэйлин опустил голову еще ниже. Возможно, Ли было не о чем беспокоиться, поскольку, будучи Хранителем, он, благодаря Соглашению, пользовался определенной защитой, но к полукровке это не относилось.

Фейри фыркнула:

– Это шутка?

– Нет, совсем нет.

– Вы доносчики?

– А разве мы на них похожи? – спросил Ли. В голосе мужчины чувствовалась легкость, словно скрывать им было совершенно нечего. – Я родом из Свободной земли, а мой друг – из Ливатта. Сегодня мы прибыли в Нихалос, а здесь все не так, как мы помним. Так что не могли бы вы быть столь любезны, чтобы просветить нас?

Фейри скрестила руки на груди. На ней была светлая блузка, плотно облегавшая тело, с золотыми пуговицами и кружевами на рукавах.

– А что я получу за это?

– Смотря что ты хочешь.

– Пятьдесят талантов.

Брови Ли взметнулись вверх:

– Пятьдесят?

Неблагая пожала плечами:

– Что тут скажешь? Дела в таверне идут уже не так хорошо, как раньше.

– Мы ведь можем спросить кого-нибудь еще, – бросил Ли, делая глоток вина. До этого они полностью осушили бутылку в своей комнате. Вэйлин уже ощущал на себе его действие и понимал, что даже для Хранителя это не могло пройти бесследно. Однако тот, тем не менее, выглядел совершенно трезвым.

Фейри рассмеялась: сухим, безрадостным смехом.

– Что ж, удачи вам в поисках того, кто станет добровольно разговаривать с Хранителем и полукровкой.

– Тридцать талантов.

– Сорок.

– Согласен. – Ли потянулся к мешочку на поясе, в котором лежали шарики, светящиеся оранжевым, синим или зеленым цветом, в зависимости от того, какая магия была в них заключена. Отсчитав сорок талантов, он подвинул их к Неблагодой через стол.

Та убрала их в кошель и уселась к ним за стол.

– Так что вы хотите знать?

– Почему фейри прячутся в своих домах? – для начала спросил Ли так, словно, собираясь зайти в озеро, кончиками пальцев на ногах проверял температуру воды. Вэйлин знал, что на самом деле Хранителя интересовал совсем другой вопрос.

– Они боятся новых восстаний и эльв.

Ли склонил голову:

– Эльв?

– Да, сейчас они стали настоящей чумой: постоянно вторгаются в город. И хотя защитные стены возведены, а войска регулярно прочесывают лес, эти твари, словно сорняки, всегда находят выход. За последние несколько недель они разорвали сотни фейри.

Вэйлин не мог не подумать о том, были ли эльвы проявлением той самой тьмы, наступление которой восемнадцать лет назад в спальне королевы предсказывала ее провидица Самия. И хотя коронация Кирана была предотвращена, с того дня над страной, казалось, нависла темная тень. А тут еще и эльвы – нечестивые создания, сотканные из мрака и созданные тьмой.

– Мне жаль это слышать, – сказал Ли. – А против чего восставал народ?

– Прежде всего – против Кирана и его некомпетентности, – ответила фейри, взяв себе кусок дыни, и без всякого стеснения откусила сладкий плод, за который мужчины ей заплатили.

– Но теперь принц Киран мертв.

– Да.

– Что с ним случилось?

Фейри бросила объединенную кожуру дыни обратно в тарелку.

– Он погиб во время пожара. Меня там, конечно, не было, но разговоры-то я слышала.

Вэйлин заметил, как пальцы Ли крепче сомкнулись вокруг бокала в его руке.

– И о чем в них говорилось?

– Что наш уважаемый, почтенный принц регулярно бывал гостем в запрещенном борделе под городом. Якобы он прятался там вместе с той Хранительницей, что убила королеву Зарину. Киран, судя по слухам, сам освободил ее из темницы. Гвардия хотела схватить этих двоих, но тут начался пожар, и оба они сгорели, – рассказывала фейри, поедая следующий кусок дыни и время от времени слизывая с пальцев ее сладкий сок. – Как по мне, так все обошлось как нельзя лучше. В противном случае регент Олдрен, вероятно, пощадил бы Кирана. Но без него мир гораздо лучше.

– А как так получилось, что Олдрен взошел на трон? – спросил Ли. Удивительно, каким величайшим самоконтролем обладал Хранитель, особенно если вспомнить, как он рыдал в объятиях Вэйлина в комнате таверны «*Сияющий путь*». В этот момент Ли не выказывал ни капли своего горя.

– Этот трус Киран не справлялся с проблемами в городе. Он передал свою корону Олдрену еще до своей кончины. Хотя одно правильное решение.

– Значит, в Олдрене как в короле ты уверена? – буркнул Ли.

Фейри склонила голову:

– А вы уверены, что вы – не доносчики?

– Абсолютно, но еще мне кажется, что тебе нечего скрывать.

– Совершенно нечего. Я думаю, что регент Олдрен – лучшее, что случилось с этим городом после смерти Невана. Нападения эльв по-прежнему происходят повсеместно, но восстания под его руководством значительно стихли. К тому же он сразу же возобновил торговлю с Даарией, которая при Киране была прекращена.

Вэйлин чуть не фыркнул, однако вовремя подавил свои эмоции. Неудивительно, что беспорядки утихли. Кто смел бунтовать, когда гвардейцы стояли на каждом перекрестке? Если Олдрен был хоть чуточку похож на свою новую супругу, то этим гвардейцам было приказано не брать пленных.

– Я слышал, что Олдрен женился на Валеске, – почти небрежно бросил Ли.

Фейри кивнула.

– С этим согласны не все, но я считаю, что объединение народов – хорошее решение. Ведь и Благие, и мы по сути – те же фейри. Они вернутся из Даарии через пять дней и выступят с речью на большой площади. И это, несомненно, откроет глаза многим. Остальные поймут это не позднее, чем когда через несколько месяцев родится отпрыск Олдрена и Валески – наполовину Неблагой, наполовину Благой. Что это, если не знак?

Услышав последние слова фейри, Вэйлин так и застыл. Отпрыск?

– Валеска беременна?

На лице фейри появилась широкая ухмылка.

– Да, они двое не теряли времени зря. Судя по всему, роды будут через несколько месяцев. Вот будет вечеринка!

Желудок Вэйлина сделал кульбит, и вино вперемешку с фруктами поднялось обратно по пищеводу, когда Неблагая подтвердила его подозрения. Полуэльф рванулся с места и подскочил к кустам как раз перед тем, как его вырвало. Все содержимое его желудка оказалось на земле. Тело Вэйлина дрожало, на языке остался горько-кислый гнилостный привкус.

Валеска была беременна. Какую бы ложь ни скапливала королева народу или во что бы ни заставляла поверить Олдрена, Вэйлин знал правду. Нерожденный ребенок в утробе Валески... был его ребенком, потому что это он, Вэйлин, а вовсе не Олдрен делил постель с Валеской несколько месяцев назад. Неблагой фейри еще несколько недель после этого был слаб и не мог зачать с королевой ребенка, потому что Вэйлин ранил его ножом в спину. Нет, в Валеске рос плод от его семени, и Вэйлин даже точно знал, когда это произошло. В ту ночь, когда королева наказала своего раба за то, что его стрела пролетела мимо принца Кирана на параде. Сначала Валеска заставила его мастурбировать у нее на глазах, а потом...

Мужчина вспомнил, как Валеска, извиваясь под ним, тяжело дышала и стонала, и крепко зажмурился. Тело Вэйлина невольно подчинялось королеве, в то время как мыслями он был совершенно в другом месте.

Очередная волна тошноты захлестнула Вэйлина, и он снова почувствовал рвотные позывы. Но на этот раз желудок мужчины покинула только горькая кислота. Полукровка десятилетиями не позволял себе думать о чем-то вроде семьи, но раньше часто мечтал о ней. И вот теперь у него будет ребенок от Валески.

Зачатый в страхе и ненависти, его собственная плоть и кровь вырастет бастардом в замке Неблагого. Вэйлин не хотел думать о том, что Олдрен сделает с его сыном или дочерью, если однажды узнает, что он или она – не его семья.

Вдруг кто-то положил руку на спину Вэйлина, и полукровка вздрогнул.

– Многовато выпил? – спросил Ли, протягивая ему салфетку.

Вэйлин кивнул, поскольку клятва крови запрещала мужчине говорить о том, что королева плохо обращалась с ним и оскорбляла его. И даже если бы способ сообщить Ли правду существовал, Вэйлин все равно не стал бы ничего рассказывать. Муки из-за того, что с ним сделала Валеска, были слишком сильны. Вэйлин стыдился того, что делал, и каждый раз, вспо-

миная это, чувствовал себя мерзким и грязным. И меньше всего он хотел, чтобы Ли тоже видел его таким.

Вэйлин выпрямился и вытер рот салфеткой:

– Может, пойдём?

Ли обеспокоенно посмотрел на полукровку и кивнул. Несмотря на зловоние рвоты, которое, вероятно, исходило от Вэйлина, Хранитель подставил ему плечо и вывел из таверны.

Горло полуэльфа снова сжалось. Нет, он не мог сказать Ли правду, потому что Хранитель был единственным хорошим из всего, что случилось с Вэйлином за последние годы. И он не мог затмить его свет тьмой своего прошлого.

Глава 6 – Зейлан

– Нихалос –

Зейлан стукнула в приоткрытую дверь:

– Можно войти?

– Да, я готов.

Хранительница толкнула дверь в комнату Кирана. Тот стоял в другом конце спальни, застегивая рубашку, одолженную Райлендом. Волосы принца были влажными после купания, а у стены стояла трость, предназначенная для поддержки при ходьбе. Движения Кирана по-прежнему оставались скованными, и если он слишком долго держался на ногах, они становились ватными и отказывались ему служить.

– Как ты? – спросила Зейлан.

– Уже лучше, – ответил Киран, хватаясь за свою трость. С момента его пробуждения и их разговора прошло уже три дня, но это был первый раз, когда им удалось поговорить друг с другом. Три дня назад, когда Сибил принесла им еду, Киран уснул снова и проспал две ночи. Разум юноши, казалось, уже готов был встретиться с тем, что произошло, но тело еще боролось с последствиями серьезных травм.

– Это тебе. – Зейлан поставила на прикроватный столик Кирана миску, наполненную овсяной кашей с разваренными фруктами и орехами.

– Спасибо!

Она присела на край его кровати.

– Благодарю не меня, а Сибил.

– Тогда спасибо вам обоим, – ответил Киран с улыбкой, которая, вероятно, из-за шрамов теперь навсегда останется такой – странной и слегка кривоватой.

Киран взял миску и уселся рядом с Зейлан.

– А ты как?

Хранительница пожала плечами: она не знала. Девушка ощущала один огромный хаос. В своей голове. В своем сердце. И в городе. Это не шло ни в какое сравнение с той атмосферой, что царила вокруг, когда она прибыла сюда. С момента неудавшейся коронации Кирана Нихалос пребывал в смятении, но беспорядки, казалось, усиливались с каждым днем, а королевская гвардия отвечала на них силой. Всего в нескольких домах от их пристанища одну из хижин сожгли, а мост снесли. Позавчера на рыночной площади казнили нескольких фейри, и улицы патрулировались намного тщательнее и строже, чем когда-либо, чтобы пресечь возможные беспорядки в зародыше. Это была отчаянная попытка призвать город и его жителей к порядку до того, как Олдрен и его новоявленная супруга Валеска вернутся в Нихалос.

И с каждым днем Зейлан все больше и больше боялась того, что их с Кираном могут обнаружить. Стоило только кому-то обратить подозрения на Сибил, и все они вместе будут стоять на эшафоте. Хуже всего то, что Зейлан ничего не могла сделать – только продолжать жить с этим беспокойством и страхом. Девушка ненавидела это чувство бессилия, потому что оно напоминало ей время, проведенное в дворцовой темнице, где ей ничего не оставалось делать, кроме как ждать и надеяться на лучшее.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Киран.

Она покачала головой:

– Ничего, просто многое пошло совсем не так, как я представляла, когда поступала на службу на Стене. Я думала, что проведу первые несколько месяцев, тренируясь с другими новобранцами, а вместо этого нахожусь здесь – с тобой.

Киран перемешал кашу с фруктами, и масса приобрела единый розовый оттенок плодов.

– Я мог бы сказать, что мне очень жаль, но это было бы ложью. Мне нравится, что ты со мной, и не только потому, что без тебя я бы, вероятно, умер. Но я уверен, что скоро ты сможешь вернуться к Стене.

– Надеюсь, – пробормотала Зейлан, опустив взгляд на свои босые ноги.

– Ну и если уж мы заговорили о возвращении... – продолжил Киран. – Наверное, мне придется скоро вернуться во дворец.

Зейлан вскинула голову:

– Зачем это?

– Олдрен наверняка беспокоится обо мне.

– Не думаю.

– Почему же? – нахмурился Киран.

Зейлан ощутила на языке горький вкус желчи. Она знала, что этот момент наступит, но надеялась, что сможет задержать его еще на некоторое время. Однако лгать Кирану, чтобы не расстраивать его, она не собиралась.

– Есть кое-что, о чем я тебе не рассказала.

– И что же это?

Она глубоко вздохнула.

– Комната, в которой мы были, когда у Бриока вспыхнул пожар... Мы не смогли убежать вовремя, потому что дверь была заперта. Нам пришлось ее выламывать.

Морщина, образовавшаяся между бровями Кирана, стала глубже.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Кто-то запер нас, а потом устроил пожар, чтобы убить, – сказала Зейлан. По глазам Кирана девушка видела, что принц уже понял, к чему она клонит, но все равно высказала ему свои подозрения:

– Этим кем-то был Олдрен.

Глава 7 – Киран

– Нихалос –

Этим кем-то был Олдрен.

Нет, не может быть. Невозможно. Зейлан понятия не имела, о чем говорит. Олдрен бы никогда не стал покушаться на его жизнь, этот фейри любил его – как друга, как принца и как мужчину.

Гнев вспыхнул в Киране и охватил все его существо. Как толькохватило Зейлан дерзости утверждать нечто настолько ужасное и отвратительное! Он знал, что Хранительница никогда особо не жаловала его лучшего друга. Во время допроса об убийстве его матери она даже признала, что если однажды решит убить какого-нибудь фейри из его двора, то первым в очереди стать ее жертвой будет Олдрен. Сам Олдрен тоже был не в восторге от Зейлан, но никогда не тронул бы ее и пальцем, потому что знал, как много эта девушка значила для Кирана.

С громким звоном принц швырнул миску на тумбочку. Слова Зейлан прогнали его аппетит и пробудили в груди жжение. Киран поднялся с кровати, потому что не мог больше спокойно сидеть на месте, и принялся ходить по комнате, опираясь на ненавистную трость, без которой не мог даже стоять прямо.

– Ты ошибаешься! Олдрен никогда бы не сделал ничего подобного!

Жалость отразилась на лице Зейлан.

– Он не тот, кем притворялся.

– Нет, ты его не знаешь, – возразил Киран.

– Ты тоже.

Киран не мог поверить, что ему вообще приходится вести этот разговор. Возможно, он до сих пор был без сознания и все происходящее сейчас было очередным кошмаром. Однако Олдрена принц знал лучше, чем кто-либо другой. За свою жизнь тот убил множество людей и фейри, и все же предпочел бы взять то, что хотел, чем пудрить ему, Кирану, мозги.

– Олдрен женился на Валеске.

Киран застыл, будто Зейлан своими словами вонзила кол в его тело. Сбитый с толку, Киран смотрел на Хранительницу, надеясь заметить в ее чертах хоть какой-то признак лжи, но лицо девушки выражало лишь сожаление и беспощадную честность. Этого... этого просто не могло быть.

– Что? – хрипло выдохнул он.

– Да, несколько дней назад. В Даарии.

– Это невозможно!

– Это правда, – заверила Зейлан.

– Нет. – Единственным человеком, кого когда-либо любил Олдрен, был сам Киран, даже если принц не отвечал на чувства своего друга взаимностью. Валеска никогда его не интересовала, хотя королева, без сомнения, была красивой женщиной. Но как раз женщины Олдрена и не волновали. Сколько Киран знал Олдрена, тот желал исключительно мужчин. Ни одна женщина не достаивалась второго взгляда с его стороны. Этот брак не имел смысла, если считать, что его причиной стали любовь и страсть. Но у Валески было кое-что еще: ее власть. Но и власти Олдрен никогда не искал. Для Кирана он всегда был верной правой рукой и никогда не требовал большего, чем имел.

– Киран... – Зейлан поднялась с кровати и в несколько шагов преодолела расстояние между ними. Темные волосы девушка заплела в косу, перекинув ее через правое плечо. На Хранительнице снова было то самое платье, которое едва не лишило принца рассудка после

пробуждения, но теперь, глядя на нее, он не замечал ее красоты. В глазах девушки Киран видел лишь жалость. – Олдрен хотел, чтобы мы сгорели, чтобы помешать тебе снова занять трон. Он просто использовал тебя.

Киран покачал головой:

– Нет, он бы никогда так не поступил.

Зейлан, стараясь утешить его, опустила ладонь на руку принца, сжимавшую трость.

– Твой народ и Олдрен думают, что ты погиб при пожаре. Он рассекретил заведение Бриока, якобы затем, чтобы найти тебя. Ну и несколько дней назад состоялись твои похороны, и угадай с трех раз, кого там не было? Олдрена.

Киран поджал губы. То, что говорила Зейлан, не имело смысла, но в то же время она казалась настолько убежденной в своей правоте, что всему этому могло быть только одно логическое объяснение.

– Тот фейри, о котором ты говоришь... это не Олдрен.

Зейлан заморгала:

– Что ты имеешь в виду?

– Олдрен, настоящий Олдрен... он любил меня и никогда бы не причинил мне вреда. Ни ради власти, ни ради богатства. Этот фейри, который поджег бордель Бриока и запер нас, быть может, выглядит как Олдрен, но это был не он.

– Киран, я понимаю, ты сбит с толку и разочарован, но...

– Зейлан, послушай меня, – он схватил девушку за плечо с большей силой, чем собирался. Она вздрогнула под давлением его пальцев, и Киран слегка ослабил хватку, но не зрительный контакт. Принц твердо посмотрел в глаза Хранительницы, и его покрытое шрамами лицо приняло решительное выражение. – Фейри, который сделал это со мной, не был Олдреном. Я не знаю, почему он похож на него или что он сделал с настоящим Олдреном, но этот мужчина больше не тот, кем мы его считаем.

Челюсти Зейлан напряглись, так, словно девушка собиралась что-то сказать. Однако она молчала и, казалось, обдумывала его слова. Он не сошел с ума, не пребывал в отчаянии, его подозрения не были притянуты за уши, хотя со стороны, возможно, выглядело именно так. Киран знал Олдрена, а этот фейри, которого описала Зейлан... это был не он.

Зейлан испустила тяжелый вздох:

– Ладно, я тебе верю.

– Правда?

Она кивнула:

– Я считаю тебя умным человеком, Киран, и ты сильно пострадал при пожаре. Если ты убежден, что Олдрен – твой Олдрен – не имеет к этому никакого отношения, я тебе верю.

Волна облегчения захлестнула Кирана, и его рука соскользнула с плеча девушки.

– Спасибо!

Кивнув, Зейлан вернулась к кровати и тяжело упала на матрас, словно последние минуты лишили ее всех сил.

– Вопрос только в том, как действовать теперь.

Хороший вопрос. Вряд ли им удастся пробраться во дворец и призвать Олдрена к ответу. Кроме того, в замке они никому не могли доверять. Сейчас Кирану сложно было оценить, кто еще оставался на его стороне, а кто нет. Тем более что этот предатель, видимо, был очень хитер и ловок. Когда он занял место Олдрена? Сколько секретов Киран, сам того не ведая, слепо доверил ему? При этой мысли принцу стало совсем не по себе.

Горе и тоска по старому другу охватила все существо Кирана. Когда в последний раз он разговаривал с настоящим Олдреном? Когда это... это *нечто* заняло его место? До того как принц пообещал ему трон или после? Киран не знал.

– Нам нужна помощь, – сказал Киран, когда пришел к выводу, что ничего не может понять.

– А кто нам поможет? – спросила Зейлан. – Во дворец мы вернуться не можем – оставаться здесь тоже не можем. С каждым следующим днем мы подвергаем Сибил и Райленда все большей и большей опасности.

– Ты волнуешься за них, – поразился Киран, ведь не так давно Зейлан с удовольствием пырнула любого из фейри своим ножом.

– Они спасли жизнь нам обоим. Мы обязаны их защитить, и, думаю, ты согласишься со мной в том, что мы и так достаточно долго пользовались их гостеприимством.

– Значит, остается только одно место, куда мы можем пойти, и это место – Стена, – заключил Киран.

Зейлан кивнула, словно с самого начала так и планировала.

– А что насчет Олдрена?

– Это подождет, – ответил Киран, хотя мысль о том, чтобы временно оставить Олдрена одного, ему не нравилась.

Чтобы спланировать следующие шаги, вначале следовало обезопасить себя.

– Возможно, Хранители помогут нам выяснить что-нибудь о твоём даре.

– И когда мы уезжаем?

Киран слегка приподнял свою трость:

– Как только я перестану нуждаться в этой штуковине.

Глава 8 – Ларкин

– Аскана —

Ларкин, зажмурившись, сделал последний глубокий вдох и шагнул на борт корабля. Стоял мягкий весенний вечер. Легкая зыбь на море лишь слегка покачивала судно, но даже этих плавных подъемов и спусков было достаточно, чтобы вызвать у Ларкина тошноту. Он крепко сжал губы, стараясь подавить рвоту. С каждым днем мужчине становилось все труднее переносить морскую болезнь, но признавать эту свою слабость он отказывался.

Он был бессмертным Хранителем. За свою жизнь он успел сразиться с целой ордой эльв, убийц и воров, и не мог позволить какой-то там воде поставить себя на колени. Или все же?

Он прислонился к стене лодочной таверны. Кабак для моряков выглядел точно так же, каким Ларкин его запомнил. Так же как тогда, когда он вместе с Фрейей пришли к Элрою, чтобы убедить того отвезти их в Нихалос.

В помещении царил полумрак. Лишь несколько свечей горело в таверне, освещая внутреннее пространство. Древесина дощатого пола под ногами давно сгнила, и Ларкину оставалось только надеяться, что доски не сломаются под его весом и топотом ног отплясывающих гостей. Запах пота, алкоголя и жареной рыбы тяжело висел в воздухе.

Ларкин поморщился, раздумывая, не повернуть ли назад, но Кева сказала, что ее сестра Яра работала в порту Асканы. Так что если он хотел узнать больше о женщине, которую Хенрик упомянул в своем дневнике, где, как не здесь, было лучше всего это сделать? Вообще-то, наверное, следовало бы оставить все как есть, но он не понимал, почему человеку из Рихволла пришлось умереть таким жестоким образом. А еще меньше было понятно, почему убийцы мужчины вырвали страницы из его дневника. Очевидно, в них было что-то важное, и Ларкин хотел выяснить, что именно. Не только для того, чтобы утолить собственное любопытство, но и для того, чтобы убедиться, что преступники не продолжили убивать.

Но единственной зацепкой, которую он получил, была Яра. Ее след привел Ларкина в Вайдар, но там он встретил не женщину, о которой говорилось в дневнике, а ее сестру, которая рассказала, что Яра работала в порту Асканы, и это еще больше разожгло его любопытство. Почему мужчина из Рихволла и женщина из Асканы встречались в Вайдаре? Об этом он надеялся вскоре узнать...

С тяжелым комом в желудке Ларкин двинулся к стойке. Хозяйка приветствовала мужчину улыбкой:

– Приветствую, что я могу вам предложить?

– Пиво, – ответил мужчина, хватаясь за стойку, однако это ничуть не помогло. Проклятый пол под его ногами сдвинулся с места. Борясь с тошнотой, Ларкин смотрел, как хозяйка направилась к бочонку, чтобы налить ему пиво. – Вы случайно не знаете женщину по имени Яра?

Обычно Ларкин не бросался вот так с места в карьер, не ознакомившись с местом и его посетителями, но сейчас ему хотелось как можно скорее убраться отсюда. И не только волны были тому причиной. Это место вызывало слишком много воспоминаний.

– Нет, никогда о ней не слышала. – Хозяйка поставила перед ним кружку с пивом. – Вообще, в таком месте, как это, в какой-то момент просто перестаешь спрашивать у людей их имена. Большинство наших гостей – мореплаватели, которые приезжают сюда только два-три раза в год.

Ларкин поблагодарил и заплатил за свое пиво. С кружкой в руке он оглядел корабль, который уже давно перестал выходить в море. Теперь это была всего лишь лодочная таверна,

к слову сказать, достаточно популярная среди моряков. Сюда частенько заходили рыбаки, торговцы и пираты. Кое-кто из мужчин был одет чересчур элегантно для этого места, другие – ходили в лохмотьях. Их всех объединяли алкоголь, женщины и любовь к морю, которую Ларкин совершенно не разделял.

Ларкин занял тот же самый стол, за которым сидел с Фрейей и Элроем, обсуждая условия переправы в Мелидриан. С тех пор, казалось, минула уже целая вечность. Уже тогда этот человек, с его надменной ухмылкой и высокомерным поведением, не понравился Ларкину. Но за последние несколько недель его презрение к Элрою переросло в ненависть, и гнева, которым вспыхнуло нутро Хранителя при мысли о пирате, оказалось достаточно, чтобы тошнота прошла.

Раскрой мне тайну бессмертия, и я покину Тобрию сегодня ночью.

Слова Элроя и их разговор в Вайдаре до сих пор звучали в его ушах. С тех пор не проходило ни дня, чтобы Ларкин не думал об угрозе Элроя и не ставил под сомнение свое решение. Пират пообещал ему не трогать Фрейю, если Хранитель откроет ему свой секрет, но Ларкин поклялся своей жизнью и жизнью своих братьев никогда не раскрывать его. Ему не оставалось ничего другого, кроме как поверить Элрою на слово, а к этому Ларкин не был готов. Пират мог выведать у него тайну бессмертия и в тот же вечер погрузиться в Фрейю...

Во имя Короля! Об этом Ларкин совсем не хотел думать. Он любил Фрейю. И даже больше, чем Элроя, ненавидел тот факт, что не мог предложить принцессе выход из этого брака. Даже если бы Ларкин по-прежнему служил бы на Стене и ему воздавали бы честь и признание, сравниться с принцем Зеакиса он бы не смог. По сравнению с Элроем он был никем, и поэтому Фрейя теперь была не в его объятиях, а в объятиях этого проклятого пирата. И осознание этого доставляло Хранителю больше боли, чем могла причинить любая физическая рана.

– И что ты тут один тоскуешь?

Ларкин поднял взгляд от своей кружки и посмотрел в лицо молодой рыжеволосой женщины. На ней было надето не платье, как на большинстве женщин, а брюки из грубой кожи, у пояса которых болтался кинжал.

– С чего ты решила, что тебя это касается?

Не обратив внимания на суровый тон, женщина села за его стол.

– Ты путешественник?

– Вроде того.

Она с любопытством склонила голову:

– И давно ты в Аскане?

– Нет.

Ларкин прибыл в портовый город всего несколько часов назад. Путешествие из Вайдара заняло больше времени, чем планировалось, так как в пути Хранителю приходилось постоянно останавливаться, чтобы спрятаться от гвардейцев короля или помогать людям, которых тот эксплуатировал. Тобрия представляла собой жалкую картину нищеты и страданий.

Женщина перегнулась через стол:

– Ты ведь бессмертный Хранитель, да?

– Нет, а теперь убирайся, – прорычал Ларкин.

Одного у этой женщины было не отнять: мужества у нее хватало на двоих. Несмотря на грубый тон Ларкина, она не двинулась с места, уставившись на мужчину распахнутыми зелеными глазами:

– Лжец.

Он подавил вздох. От непрерывного покачивания корабля на волнах его тошнило и было совсем не до разговоров. Он хотел спокойно выпить пива, а потом поспрашивать людей про Яру. Женщина, сидевшая за столом напротив, была красива, но он не испытывал никакого желания разделить с ней постель.

– Тебе и в самом деле лучше исчезнуть прямо сейчас.

Она рассмеялась:

– Зачем ты пришел сюда, если не хочешь веселиться?

Рука Ларкина крепче обхватила кружку. Хранитель не обязан был ей отвечать, но открытый взгляд, молодость и готовность поболтать молодой женщины напомнили ему Фрейю, и он с удивлением услышал свой голос:

– Я кое-кого ищу.

– А кого?

Пришлось ему говорить и это:

– Женщину по имени Яра.

Она усмехнулась:

– Что ж, значит, сегодня тебе повезло. Я ее знаю.

Ответ женщины заставил Ларкина насторожиться, потому что он никак этого не ожидал. К тому же это показалось мужчине слишком явным совпадением.

– Откуда ты ее знаешь?

– Мы часто имеем с ней дело.

Он поднял брови:

– Мы?

– Я и моя команда.

– Твоя команда? – озадаченно спросил Ларкин. Не слишком ли она молода для этого?

Кроме того, Хранитель еще никогда не видел корабля под командованием женщины. С другой стороны, за последние несколько десятилетий он не так уж часто бывал в море.

Женщина напротив него вздернула подбородок:

– Да, а что, какие-то проблемы?

– Нет, совсем нет, но вернемся к Яре. Где ее найти?

– А что я получу за эту информацию?

Ну конечно. Все в этой стране имело свою цену.

– А что ты хочешь?

– Четыре золотых.

Ларкин поднял брови. Она серьезно? Четыре золотых за такую мелкую подсказку, которая с тем же успехом может оказаться ложью? Но терять мужчине было нечего. К тому же Фрейя оставила ему больше золота, чем он мог потратить.

– Ты получишь две золотые монеты.

– Три.

– Согласен. – Ларкин полез в карман плаща и выудил оттуда три золотых. Он протянул их женщине так, словно собирался пожать ей руку. Та сделала то же самое, и монеты незаметно сменили владельца. – Итак, где мне найти Яру?

Рыжеволосая женщина снова перегнулась через стол, но на этот раз придвинулась к нему еще ближе и, указав на Ларкина пальцем, велела ему сделать то же самое. Помедлив, Хранитель подался вперед, так, что их лица едва не соприкоснулись.

– На черном рынке, – прошептала она так тихо, что ее слова чуть не потонули в гуле голосов и топоте танцующих гостей.

Почему Ларкина это не удивило?

– И где именно мне ее найти? Рынок большой.

– Полагаю, ты был там раньше?

Он кивнул.

– Знаешь Энуна?

– Оружейника?

– Иди к нему. Он тебе поможет, – сказала женщина, поднимаясь с места. Спрятав монеты в своем кармане, она потянулась к кружке в руке Ларкина и высвободила ее из пальцев Хранителя. Потом, сделав большой глоток, она вернула пиво на стол и ушла.

Ларкин посмотрел вслед женщине, имени которой даже не знал. Если она осмелилась ему солгать, он найдет ее и вернет свои монеты, даже если ради этого придется снова взойти на борт корабля.

Глава 9 – Фрейя

– Амарун –

В животе требовательно заурчало. Хотелось есть и пить, но Рэй предупредила, что принцессу, возможно, снова попытаются усыпить, и теперь Фрейя с крайней осторожностью относилась ко всему, что попадало в ее желудок. Потому что даже если эта новая жизнь – без языка, без возможности говорить – казалась ей кошмаром, девушка не могла позволить себе забыться приятным успокаивающим сном. Фрейе нужно было бодрствовать и пребывать в здравом уме, чтобы решить, что делать и как поступать дальше. Нужно было что-то предпринять и остановить отца. Нельзя было вовлечь страну в войну, ведь она будет стоять жизни тысячам ни в чем не повинных людей. Но как принцессе, лишенной голоса, добиться того, чтобы ее услышали?

– Вы должны что-нибудь съесть, – сказала одна из горничных, держа перед носом Фрейи тарелку с маленькими бутербродами. Принцесса не знала эту женщину и не могла припомнить, чтобы когда-либо видела ее во дворце. Девушка уже забыла имя, которым та представилась ей несколько минут назад.

Фрейя оттолкнула от себя тарелку.

– Принцесса, вам нужно подкрепиться на ночь.

Фрейя скривилась: не только из-за того, что только что услышала, но и от жгучей боли, которая почти разрывала ее голову на части. Вот уже более двух часов горничные нещадно дергали и тормозили принцессу. Сначала они положили ее отмокать в горячую ванну с ароматными маслами, потом, по традициям Зеакиса, выщипали все волоски на теле новобрачной, щедро втирая в кожу девушки драгоценные масла, пока та не стала мягкой, как у младенца. Они придали форму ногтям на пальцах рук и ног, и теперь настала очередь волос и прически, потому что после нескольких недель сна новобрачная должна была выглядеть идеально для воссоединения со своим мужем и быть готовой к их первой совместной ночи. Видимо, от Фрейи ожидалось, что она сделает эту ночь просто незабываемой для Элроя, потому что теперь принцесса была испорченным товаром – и даже в большей степени, чем все думали.

Потому что в ту ночь, когда Фрейя лишилась языка, она потеряла невинность с другим мужчиной. Ларкин. Она мучительно скучала по нему, хотела, чтобы он был рядом с ней, чтобы поцеловать, обнять и заверить ее, что все будет хорошо. Фрейя понятия не имела, как это сделать. Отец хотел войны и ради нее был готов пойти на все мыслимые и немыслимые жертвы. В библиотеке он сказал, что сделал ставку на Элроя, поскольку принц Диглан, старший сын императрицы Атессы, был руководителем вооруженных сил Зеакиса. Конечно, она могла убедить Элроя не вставать на сторону отца, но это отсрочило бы его планы лишь на некоторое время.

Горничная бросила попытки уговорить Фрейю что-нибудь поесть и вместо этого принялась показывать ей целую гору одежды. Принцесса выбрала первый попавшийся наряд, потому что девушке было совершенно безразлично, что на ней будет надето, когда ее подадут Элрою словно кусок мяса. С его стороны было очень мило отправить Рэй проводить Фрейю, но она не позволила этому ввести себя в заблуждение. В этом дворце пират был ближайшим доверенным лицом принцессы и знал правду о ее магии, но это не умаляло его мужской сути. Элрой был мужчиной, мужчиной с потребностями. А Фрейя теперь была его женой. Конечно, он не откажется ради нее от физической близости до конца своей жизни. Девушка поклялась сделать с ним невыразимые вещи, если только пират прикоснется к ней, но как? Фрейя не могла кричать о помощи или творить магию, потому что для этого у нее не было никаких средств.

Фрейе хотелось поговорить с Рэй. Поговорить с ней о том, чего Элрой ожидал от нее в эту ночь. Но девушка не видела ее с тех самых пор, как проснулась, и за все это время ни минуты не провела в покое. Принцессу постоянно окружали люди, которые интересовались ее самочувствием, а когда Фрейя оставалась одна, ее одолевала усталость и сон.

Лишь один человек не навещал принцессу за все это время. И этим человеком был ее отец.

Даже мать, королева Эриина, приходила к ней с выражением вины на лице, из чего Фрейя сделала вывод, что отец сказал ей правду о том, как их дочь лишилась языка. Однако девушка не стала заговаривать об этом со своей матерью, потому что та была верна королю Андроису и только попыталась бы оправдать его действия. Фрейя не хотела слушать эти оправдания. Поведение и решения ее отца были непростительны, и принцесса не хотела тратить силы на бессмысленные разговоры с матерью, но собиралась сделать все, чтобы остановить и свергнуть отца с трона, прежде чем его неумная жажда власти приведет народ и страну к гибели.

Эта мысль не давала покоя Фрейе на протяжении всего времени, пока ее готовили ко встрече с Элроем. Ее накрасили, напудрили, одели и надушили прекрасными ароматами, и, когда принцесса посмотрела в зеркало после нескольких часов непрерывных процедур, она не узнала женщину, которую увидела в отражении. Дело было не в платье, прошитом золотыми нитями, и не в корсаже, который пышно вздымал вверх ее небольшую грудь. То, что она увидела, было оболочкой. Маскировкой, не больше и не меньше. Такой Фрейя была раньше, но те времена прошли.

Она устала быть милой и заботиться о том, чтобы люди относились к ней доброжелательно. Фрейе надоело, что ее жизнью управляет семья, которую девушка больше таковой не считала. Разве можно назвать их семьей, если собственный отец заставляет ее замолчать, а мать просто безучастно смотрит на происходящее? Нет, с нее хватит. Хватит угождать этим людям! Пора готовиться самой занять трон. О да, Фрейя взойдет на престол, и очень скоро, но после этого раз и навсегда положит конец всему этому цирку, который сейчас зовется монархией. Ни один человек не должен обладать такой властью, как ее отец. Король Андроис мог делать все, что ему заблагорассудится, и никто не мог привлечь его за это к ответственности.

– Принцесса?

Фрейя оторвалась от своего отражения в зеркале.

Горничная выжидательно смотрела на нее:

– Вам нравится?

Нет, подумала Фрейя, но все равно кивнула.

– Я очень рада. Вас уже ждут в столовой.

В столовой? Фрейя ожидала, что ее отведут прямо в комнату Элроя. Тем не менее, она снова кивнула, и толпа горничных и гвардейцев повела принцессу через замок. Темные стены, ковры и портреты предков на стенах, массивные колонны и запах древесного угля. Все, что девушке было так знакомо и прежде дарило безопасность, теперь казалось чуждым и лживым. Но на губах принцессы играла легкая улыбка, призванная скрывать ее истинные чувства.

У дверей в столовую стояли несколько гвардейцев, в том числе – Йель, один из членов экипажа Элроя на «Хелениш». Он был единственным, кто улыбался Фрейе, все остальные лишь смиренно склоняли головы, и она гадала, что творится у них в головах. Жалели ли они ее из-за потери голоса? Или насмехались из-за предполагаемого несчастного случая?

Двустворчатая дверь в столовую распахнулась. Фрейя застыла. Элрой уже ждал ее. На нем был темно-красный с золотом мундир Зеакиса, в котором девушка встретила его на черном рынке. Его руки сверкали драгоценными украшениями, в носу блестело золотое кольцо. Черные волосы были собраны в хвост, и только несколько волнистых прядей обрамляли безупречное лицо.

Но Элрой был не один. Вместе с ним за столом сидели ее родители, мать и отец. При виде короля Андройса желудок Фрейи сжался в один болезненный комок. Величественно, словно испытывая к дочери уважение, монарх поднялся со своего места. И хотя борода короля была гуще, чем когда-либо раньше, Фрейя заметила его лживую улыбку. Из-за нее кожу вокруг его глаз испещрили мелкие морщинки.

Мерзкий ублюдок! Что он себе вообразил? Неужели этот урод действительно думал, что сможет вернуться в ее жизнь, притворившись, будто ничего не произошло?

Да, именно так и было. Ибо он был королем Андройсом. Никаких последствий.

– С вами все в порядке, принцесса? – спросила горничная.

Фрейя тяжело слотнула. Горечь желчи наполнила рот, и все же принцесса кивнула и снова двинулась вперед, не отрывая взгляда от отца. Она не собиралась проявлять перед ним слабость. Это ощущение в животе было вызвано не страхом, напомнила она себе, а гневом.

– Выглядишь просто очаровательно, – произнес Элрой, когда Фрейя остановилась перед ним. Взяв руку девушки в свою, он коснулся нежным поцелуем тыльной стороны ее ладони. Не отпуская пальцев принцессы, пират отвел ее на место и усадил за стол. Внешне он казался принцем из сбывшейся мечты, но Фрейя знала, что этот мужчина ненавидел ее не меньше, чем она его. Сейчас он, наверное, предпочел бы находиться на борту своего корабля и любоваться на море.

– Принц Диглан прав, – вмешалась мать Фрейи с натянутой улыбкой на лице, будто ее заставили изобразить ее, воткнув нож в спину. – Она выглядит просто восхитительно, правда же?

Вопрос Эриины был адресован отцу Фрейи, который все еще стоял рядом со своим местом. Улыбка, которой он просиял, несла больше угрозы, чем внезапное появление эльвы, когда король метнул свой изучающий взгляд на дочь.

Фрейя вздрогнула, размышляя, что будет, если она прямо сейчас воткнет ему в глаз нож для масла.

– Да, прелестно. Это платье ей очень идет.

В этот момент Фрейя была почти благодарна за свою немоту. По крайней мере, она избавляла девушку от необходимости благодарить этого человека за комплимент. Элрой отодвинул стул и сел рядом с ней.

– Я рад наконец снова увидеть тебя, моя дорогая. Я скучал по тебе.

Фрейя весело улыбнулась. Он довел свое поведение влюбленного принца до настоящего совершенства, и это наводило на мысль о том, что Элрой, так же хорошо, как и Фрейя, знал, что за каждым их движением постоянно наблюдают.

Им предложили вина, и Фрейя осмелилась глотнуть из своего бокала, потому что напиток наливали из того же графина, из которого пили и ее родители. Кроме того, Фрейя не могла себе представить, чтобы отец решил накачать ее наркотиками, зная, что после принцессы должна была остаться с Элроем.

– За мою очаровательную дочь, принцессу Фрейю, и ее супруга, принца Диглана, – сказал отец Фрейи, подняв свой бокал. – Я от всего сердца желаю вам всего наилучшего и надеюсь, что с сегодняшнего дня ухабистый путь этого брака станет гладкой, ровной дорогой, идя по которой вы оба проживете вместе здоровую и долгую жизнь.

Бокалы столкнулись друг с другом, хрустальным звоном зазвенело стекло.

– Принц Диглан, как прошел ваш визит в Академию? – спросил король Андройс, поставив бокал на стол. Конечно, он не спросил Фрейю о ее здоровье, как сделал бы любой обеспокоенный отец. Нет, даже сейчас все сводилось к тому, чтобы выслужиться перед Элроем.

Фрейя не могла не заметить того, что рядом с ее местом не положили ни ручку, ни бумагу, словно кто-то не хотел, чтобы она принимала участие в разговорах. От нее ожидали только двух вещей: Фрейя должна была хорошо выглядеть и всю ночь удовлетворять желания Элроя, чтобы

на следующее утро тот, обезумев от радости, смог пообещать предоставить в распоряжение ее отца всю свою армию. Как бы не так!

– Это был очень впечатляющий опыт, – ответил Элрой, когда перед ним поставили блюдо с клошем. Под крышкой – тушеные бобы, картофель и жареная рыба. – Очевидно, вы не жалете ни затрат, ни усилий для обеспечения безопасности своей страны.

Андроис улыбнулся:

– Верное замечание. По этой причине в настоящее время я строю еще две Академии, возведение которых уже близится к завершению. Затем я издам закон, обязывающий всех годных к службе мужчин в возрасте от шестнадцати до двадцати лет учиться там в течение трех или четырех полных лун.

Поджав губы, Фрейя уставилась в свою тарелку. Аппетит у нее пропал – спасибо присутствию отца. То, что для разговора отец выбрал именно эту тему, было с его стороны чистой провокацией и демонстрацией силы. Король говорил о войне, чтобы показать дочери, что ее угрозы в библиотеке не напугали его и не отговорили от того, что он собирался сделать.

Элрой сунул вилку с бобами в рот.

– Это очень мудрое решение.

– Спасибо. Может, тогда завтра мы сможем продолжить разговор, начатый нами на прошлой неделе, и я смогу более подробно изложить вам свои планы?

– С удовольствием, но не думаю, что в течение следующих нескольких дней смогу найти на это время.

По лицу короля Андроиса скользнула тень:

– А что вы собираетесь делать в течение следующих нескольких дней?

– Проводить время со своей супругой, – ответил Элрой. Он потянулся к руке Фрейи и снова поднес ее к губам, издав при этом приглушенный стон наслаждения, словно ему не терпелось отведать остальную часть ее тела. Едва подумав об этом, Фрейя содрогнулась, и кожа девушки покрылась холодными мурашками ужаса. Принцесса знала, что Элрой не любит ее, но пират был мужчиной с потребностями, а она была единственной женщиной, с которой он мог их удовлетворить.

Король Андроис изобразил фальшивую улыбку, но Фрейя заметила ярость, которой вспыхнули его голубые глаза. Отцу не смел перечить никто, и то, что Элрой только что сделал именно это, доставило Фрейе несказанное удовольствие.

Ухмыльнувшись, принцесса пригубила свое вино. И, словно догадавшись о том, что происходило в голове Фрейи, король уставился на нее. Их взгляды буравили друг друга через весь стол. Словно острая сталь, взгляд короля впивался в лицо дочери. Именно так он смотрел на Фрейю в библиотеке, когда стражники схватили ее и поставили на колени. Принцесса отбивалась и кричала, но никто в катакомбах ее не слышал. Один из гвардейцев сел на девушку верхом, другой засунул пальцы, затянутые в перчатку, ей в рот и раздвинул челюсти. Еще несколько мужчин держали ее руки и ноги. Но не сила заставила Фрейю почувствовать себя беспомощной, а жестокость собственного отца. С абсолютным спокойствием король наблюдал, как его подчиненные вытянули изо рта его дочери язык и отсекли его. Мрачный взгляд отца был последним, что увидела Фрейя до того, как боль и потеря крови лишили ее сознания. А теперь он сидел с ней за столом как ни в чем не бывало. Как он мог быть таким холодным и бессердечным?

Фрейя больше ни секунды не останется с этим человеком в одной комнате. Во имя всего святого, она не хотела находиться с ним даже в одном замке. Но если она просто уйдет сейчас, в очередной раз воспротивившись его воле, существовала опасность, что ее вновь принудительно заставят спать. Фрейя не могла так рисковать.

Единственным вариантом избежать этой пытки был Элрой. Если пират попросит короля позволения остаться с ней наедине, Андройс не сможет отказать ему в этом желании. Но как ей заставить Элроя понять это без инструментов, так необходимых ей сейчас для общения?

В голову пришла одна мысль, которая Фрейе совсем не понравилась, потому что то, что принцесса собиралась сделать, вело ее туда, где она совсем не хотела оказаться: в постели Элроя. Но если выбирать между спальней пирата и присутствием отца, она, несомненно, выберет первое, поэтому следующий поступок не потребовал от Фрейи особенных усилий. Она высвободила свою руку из пальцев Элроя, но вместо того, чтобы положить ее к себе на колени, опустила ее на бедро Элроя.

Тот выпучил на нее глаза.

Фрейя встретила его взгляд, а потом медленно повела глазами в сторону двери.

Элрой слегка качнул головой.

Пожалуйста, одними губами произнесла девушка.

– Позже, – прошептал Элрой так, чтобы это слышала только она.

Фрейя покачала головой, и ее пальцы скользнули выше.

Элрой зашипел.

– Принц Диглан, с вами все в порядке? – обеспокоенно спросила ее мать.

Выдавив из себя улыбку, тот сжал руку Фрейи в своей, чтобы она не могла продолжать прикасаться к нему в присутствии своих родителей.

– Да, все в порядке, но, к сожалению, мы с Фрейей вынуждены откланяться. Спасибо за приглашение, еда была восхитительной.

Их с Фрейей все еще полные тарелки противоречили этим словам, но Элрой поспешно поднялся со своего места и потащил за собой Фрейю, прежде чем ее родители успели что-то ответить. Явная выпуклость под его брюками подчеркивала безотлагательность такой спешки. Фрейя заметила ухмылки нескольких гвардейцев, когда новобрачные, минуя стражу, выскочили из столовой. Йель сорвался со своего поста перед столовой и последовал за ними. По пути через замок они не произнесли ни слова, пока наконец не добрались до спальни Элроя.

– Жди здесь, – велел Элрой, обращаясь к Йелю. – Если в течение получаса никто не придет навестить меня и Фрейю, можешь уходить, но оставайся в замке. Понял?

– Обидно, а я-то думал, что смогу понаблюдать за вами.

– Ты понял? – рыкнул Элрой.

Йель посерьезнел:

– Конечно, капитан.

Элрой кивнул и затащил Фрейю в свою спальню. Дверь за ними закрылась. Пират запер ее на замок и повернулся к принцессе. На мгновение Фрейя испугалась, что он может наброситься на нее и сорвать с нее одежду после того, как она поставила его в такое стесненное положение.

Однако Элрой не двинулся с места: он просто растерянно смотрел на принцессу.

– Что это было? – рявкнул он.

Фрейя без колебаний встретила его взгляд.

Элрой моргнул, потом испустил вздох и, казалось, немного расслабился.

– Прости. Мне нужно еще привыкнуть к тому, что ты больше не... ты знаешь. Но правда, что это было? Я, конечно, ценю твои усилия в качестве моей жены, но там для этого было не время и не место, если, конечно, ты не хотела осрамить меня перед своими родителями.

Фрейя покачала головой и оглядела покои. Элрою отвели одну из самых больших комнат в замке с балконом, выходящим в сад. Уже стемнело, и огни города едва различимо отражались в стеклах окон.

Фрейя приблизилась к большому заваленному бумагой, цветными карандашами и прочими мелочами столу, который Элрой придвинул к окну. Девушка обнаружила компас, приборы для измерения и трафареты. Кроме того, на столе лежало несколько свернутых свитков и

небольшая шкатулка с золотыми талерами, на которых была выгравирована эмблема. Искусно изогнутая буква М.

Нахмурившись, Фрейя повернулась к Элрою, который старательно избегал ее взгляда.

Схватив ручку и бумагу, девушка сунула пирату записку. Снова моргнув, тот прочел то, что она написала.

Ты подделываешь карты Мортимера?

Элрой рассмеялся:

– А я-то думал, что ты умная.

Я умная!

– Видимо, не настолько, как тебе казалось, если до сих пор не догадалась, что Мортимер – это я. Мне казалось, что ты давным-давно это поняла.

Ты лжешь.

– Зачем мне лгать?

Ради золота?

– Поверь мне, в Зеакисе его у меня более чем достаточно, – ответил он, проходя мимо нее к чайной тележке, на которой стояли ром и другие спиртные напитки. Наполнив два стакана, Элрой подал один из них Фрейе. – Но ты ведь трогала меня в присутствии своих родителей не для того, чтобы поговорить о моих картах, ведь так?

Фрейя снова покачала головой и отставила стакан. Принцесса была готова рассказать пирату все, что он хотел знать, – и даже больше. Она больше не чувствовала преданности ни своему отцу, ни Драэдоном. Отныне девушка боролась только за себя, за свою свободу и за народ, который не заслуживал гибели из-за того, что его король не мог обуздать свою жажду власти. И как бы потом ни повел себя Элрой, его предательство не причинит ей боли больше, чем уже причинило предательство родителей.

Я не откусывала себе язык.

– Я так и думал, – отозвался Элрой, в голосе которого звучало сожаление. – Что случилось?

Руки Фрейи тряслись от гнева, когда она писала:

Мне его отрезал отец.

Элрой в ужасе уставился на девушку:

– Король Андроис?

Она кивнула.

– Вот ублюдок! – выругался Элрой. – Ты ведь его дочь! Неудивительно, что ты не захотела сидеть с ним за одним столом. Я бы на твоём месте, наверное, всадил бы ему нож в глаз.

Фрейя не могла не усмехнуться

Я думала об этом.

– Почему он это сделал? – спросил Элрой, осушая свой стакан.

Фрейя слегка помедлила, прежде чем изложить на бумаге свой, если не считать магии, наверное, самый большой секрет.

Чтобы я никому не рассказала о том, что выяснила о своем брате в Нихалосе.

– Я думал, он мертв.

Фрейя покачала головой.

Талон жив. Он – принц Киран.

– Принц Неблагих? – спросил Элрой. Пират выглядел любопытным, но не удивленным, хотя, несмотря на всю свою сообразительность, такого поворота событий никак не мог предвидеть.

Фрейя кивнула.

Киран еще младенцем был похищен из замка Неблагих и доставлен на эту сторону Стены. Андройс нашел его и выдал за своего сына, потому что предпочитал передать свой трон подкидышу мужского пола, а не мне. Он не знал, что Талон – фейри.

– Какой захватывающий поворот, – отметил Элрой. Казалось, пират вовсе не злился из-за того, что Фрейя тогда солгала ему. Юноша взял со столика все еще полный бокал принцессы и сел с ним на кровать, застеленную бархатисто-красными простынями. – Но зачем тебе это рассказывать? Что тебе от этого?

Фрейе это совсем не понравилось, и тем не менее она последовала за Элроем к его кровати.

Ты, наверное, знаешь, что мой отец хочет начать войну. Вот я и пригрозила ему, что расскажу об этом народу.

– Если бы это стало достоянием общественности, то многие, вероятно, отказались бы нести военную службу, – сказал Элрой.

Фрейя снова кивнула.

Он говорил с тобой о войне?

– Прямо – нет, но несколько раз спрашивал о моей армии. Он довольно проницателен.

Что он хотел знать?

– Как быстро я смогу доставить ее в Лаварус.

И что ты ему сказал?

– Не бойся, ничего я ему не сказал. Я не заинтересован в том, чтобы посылать своих людей на войну против фейри. Для меня это не стоит даже тайны бессмертия, хотя я уверен, что твой отец выдал бы ее мне всего за несколько тысяч человек.

Пристальный взгляд Фрейи внимательно изучал Элроя. Они прошли долгий путь с тех пор, как несколько месяцев назад познакомились на черном рынке. Тогда принцесса считала его странноватым пиратом, сегодня этот юноша был ее мужем. Это было на грани абсурда, но Фрейя с удивлением поняла, что какая-то ее часть рада, что ее выдали замуж именно за этого человека, а не за Мелвина или еще какого-нибудь случайно подвернувшегося проходимца. Элрой, возможно, и был эгоцентричным мошенником, но сердце его находилось в нужном месте. Принцесса взяла со стола новый лист бумаги и села рядом с Элроем. Пират с любопытством заглянул через ее плечо, чтобы узнать, что девушка хотела сказать.

Я могу помочь тебе обрести бессмертие.

Элрой в изумлении вскинул голову:

– Я думал, ты не знаешь, как это сделать.

Я и не знаю, но в храме Вайдара есть секретная библиотека, где мой отец хранит писания о магии и фейри. Там непременно найдется то, что тебе нужно.

– Откуда тебе известно о библиотеке?

Мне рассказали алхимики. Я должна была пробраться туда и украсть книгу. Мне почти удалось это сделать, когда отец застал меня врасплох. И...

Не дописав предложение до конца, Фрейя рубанула ладонью воздух.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Что удерживает меня от того, чтобы оставить тебя твоему отцу и отправиться в эту библиотеку сегодня же ночью?

Ничего, но ты этого не сделаешь.

– Почему же?

Потому что ты – хороший человек.

Элрой горько рассмеялся:

– Совсем нет.

Хороший.

– А вот твой друг Ларкин, которому я нанес визит после ваших с ним любовных игр, с тобой бы поспорил.

Вся краска сошла с лица Фрейи, и все ее существо охватил страх. Неужели она ошиблась в Элрое, как когда-то в своем отце? Крепко сжав карандаш в руке, она коряво написала следующий вопрос.

Что ты с ним сделал?

– Ничего. Я пообещал, что не трону тебя и пальцем, если он расскажет мне, как обрести бессмертие, – сказал Элрой, протягивая к ней руку. Фрейя затаила дыхание, когда юноша погладил ее лицо, накрутил на свой палец светлый локон. – Тот факт, что я здесь, показывает, что он выбрал. Я рассказал ему, что собираюсь с тобой сделать. Я сказал, что отдеру тебя так, что ты забудешь его и будешь в агонии страсти выкрикивать только мое имя.

Фрейя с трудом слотнула. Ей хотелось отвести взгляд, но принцесса не хотела выказывать такую слабость.

Ты сделаешь мне больно?

– Нет. – Элрой отпустил волосы принцессы. Он встал, чтобы налить себе еще стакан рома, а затем вернулся к ней. – Не вижу ничего интересного в том, чтобы спать с девушкой, которая меня не хочет. Я слишком хорош для этого. Так что, если не передумаешь, тебе нечего меня бояться.

Зачем ты рассказал мне это?

– Потому что я надеюсь, что ты разобьешь этому бессмертному ублюдку сердце. Он выбрал свою тайну, а не тебя, несмотря на то что ты отдала ему свою невинность. Он должен боготворить тебя, а не Стену и это нелепое Соглашение. Я бы на твоём месте держался от этого парня подальше.

Это не тебе решать. Ты не знаешь Ларкина.

– Он фантастический лжец, и, наверное, было бы лучше, если бы я его не знал. Но вернемся к началу этого разговора. Зачем ты мне все это рассказываешь? Хочешь, чтобы я ради тебя убил твоего отца?

А ты мог бы это сделать?

– Естественно. Я могу приказать убить его любым мыслимым способом, если у тебя есть определенные пожелания.

Нет, я не хочу его убивать. Пока нет.

Было бы ложью утверждать, что она еще не думала об этом. Но если ее отец сейчас, будучи вполне здоровым, вдруг скончается, подозрение сразу же падет на нее. Роланд и, по крайней мере, несколько других гвардейцев знали, что Андроис с ней сделал. И если он лишится жизни, этот поступок призовет месть. Нет, сначала она скроется и спокойно обдумает план предотвращения войны. Без армии Элроя даже Андроис не осмелится немедленно вступить в бой. Это давало Фрейе время.

Ты должен помочь мне сбежать из дворца, – нацарапала Фрейя, стараясь хоть на время вытеснить из сердца гнев на отца. Она еще успеет отомстить.

Я больше не могу здесь оставаться. К тому же мне нужно к Мойре. Мой отец знает о ней. Я должна предупредить ее, если еще не слишком поздно.

– И это все? Я думал, ты попросишь меня помочь тебе свергнуть твоего отца с трона.

Фрейя ухмыльнулась.

Все мое время.

Никаких опрометчивых действий. Если Фрейя лишит своего отца жизни и будет осуждена за убийство короля, не будет никакой уверенности в том, что наследник престола будет лучше его и станет действовать умнее. Возможно, это даже приведет к гражданской войне между простыми гражданами и дворянскими домами. У отца Фрейи не было ни братьев, ни сестер, у нее самой – тоже, а значит, не было и непосредственного наследника престола. А менять одну беду на другую принцесса не собиралась.

Для начала Фрейя собиралась поговорить с Кираном. Он знал Андроиса и его стратегии лучше, чем она, и, возможно, придумает что-то, что сможет сорвать планы короля Тобрии и вернуть ему благоразумие. Убить своего отца Фрейя могла даже в том случае, если все ее планы провалятся. Но когда Андроис умрет, это произойдет не от руки кого-нибудь из людей Элроя. Это Фрейя собиралась сделать сама.

Глава 10 – Киран

– Туманный лес –

– Так, спокойно! Выпей это, – строгим голосом велел Киран, требовательно сунув в руку Зейлан флакон с противоядием. Та, выругавшись, выхватила склянку из его пальцев и одним махом опрокинула в себя ее горькое содержимое, которое сам Киран пробовал уже не один раз.

Зейлан скривилась от отвращения.

– Давай скорее, да двинемся дальше.

Киран взглянул на небо, стараясь определить положение солнца, но сквозь пышные заросли Туманного леса не увидел почти ничего. Высокие деревья с мощными стволами и густой листвой закрывали весь обзор.

– Сегодня мы все равно уже далеко не уйдем. Скоро наступит ночь.

– Но пару километров мы еще пройдем, если ты поторопишься, – решительно ответила Зейлан, заглядывая ему через плечо. Они сидели на опрокинутом пне. Трупы эльв, которые только что пытались их убить, валялись у ближайших кустов. Терпкий запах их черной крови, казалось, пропитал воздух, и одного этого было достаточно, чтобы торопиться.

– Может, хватит уже ерзать, – едва слышно упрекнул ее Киран, чтобы не привлечь своим голосом других эльв. Юноша в любом случае не думал, что они с Зейлан остались одни. С тех пор как они вошли в лес, его не покидало ощущение, что за ними наблюдают.

– Просто сделай это.

Киран опустил взгляд на рану на плече Зейлан. Она кровоточила; плоть воспалилась и покраснела. Темный коготь эльвы торчал из нее, образуя вокруг себя белые пузырьки гноя. Киран не хотел причинять Зейлан боль, но Хранительница была права: чем скорее они с этим покончат, тем скорее рана сможет затянуться. Однако он не был целителем и совершенно ничего не знал о том, что делал.

– Давай уже, – простонала Зейлан. Пятна темной крови покрывали ее лицо, волосы полностью растрепались в схватке, особенно учитывая то, что несколько клочков эльвам вырвать все-таки удалось. Девушка старалась держаться храбро, но было слышно, что рана и яд эльвы не на шутку беспокоили ее. – Сделай то же, что и я тогда, когда убийца пустил стрелу тебе в плечо. Один рывок – и все, быстро и безболезненно.

Киран фыркнул:

– Я бы не сказал, что это было безболезненно.

– Я считаю...

Зейлан оборвала фразу на полуслове, когда Киран без предупреждения, одним резким движением выдернул коготь из раны. Стараясь сдержать крик боли, Хранительница прикусила нижнюю губу, но на глаза тут же навернулись предательские слезы, а лицо побелело, как мел.

– Клянусь королем, – простонала Зейлан, хватая ртом воздух. На лбу у нее выступил пот. – Это было совсем не безболезненно. Мог бы и предупредить меня.

– Так же как ты сосчитала до трех? – спросил Киран, отбрасывая коготь к трупам в кустах. В тот раз Зейлан уверяла, что досчитает до трех, прежде чем вытащить стрелу из его плеча, однако благополучно пропустила один и два, что повергло Кирана в настоящий ужас.

Зейлан, прищелкнув языком, подала ему одну из повязок, которые Сибил собрала им с собой в дорогу. В Свободную землю, к Стене, они отправились на рассвете, хотя Киран так до конца и не оправился от последствий своих ожогов и нескольких недель, проведенных без сознания, даже спустя десять дней после того, как очнулся. Юноша уставал быстрее, чем раньше, а каждое резкое движение вызывало головокружение. К тому же память к принцу так

и не вернулась. Зейлан уже несколько раз рассказывала Кирану о том, что произошло, но в его сознании мелькали лишь обрывочные образы. Он все чаще и чаще задавался вопросом, вспомнит ли вообще однажды тот день или ему придется вечно полагаться только на слова Зейлан.

Сибил и Райленд уверяли, что они могут остаться, пока Киран не вылечится окончательно, но Хранительница и принц и так слишком долго пользовались гостеприимством супружеской пары. Как верно заметила Зейлан, с каждым днем они подвергали этих двоих все большей и большей опасности, потому что момент, когда кто-нибудь из фейри заметил бы Зейлан и Кирана и доложил бы о них дворцовой страже, был только вопросом времени. И тогда казнили бы не только их самих, но и Сибил с Райлендом. Ни Киран, ни Зейлан не хотели брать на себя такую вину.

– Это лучшее, на что я способен, – виновато сказал Киран, оглядывая криво сидящую повязку.

– Нормально. – Превозмогая боль, Зейлан снова натянула куртку, в рукаве которой теперь благодаря эльве зияла дыра. Но лишней одежды у них не было, потому что путешествовали они налегке, чтобы быстрее продвигаться вперед и оставить побольше места для оружия. А поскольку Зейлан блокировала магию принца, приходилось полагаться только на собственные навыки владения мечом, что делало травмированное плечо еще более досадным обстоятельством. Но Киран верил, он должен был верить, что им удастся каким-то чудом выбраться из этого леса живыми.

Пока Зейлан взбиралась на свою лошадь, Киран быстро упаковал вещи. Райленд раздобыл им двух кобыл, которых купил по дешевке у какого-то крестьянина. Это, кстати, было сразу видно. Животные были дряхлыми и старыми, они нервно переступали с ноги на ногу, потому что не были созданы для битвы. Киран жалел их, но пешими быстро миновать Туманный лес было просто невозможно.

Он уже собирался пристегнуть сумку с лекарственными средствами к своему седлу, как вдруг услышал позади себя клцанье зубов. По спине пробежали мурашки. Дрожа, он повернулся и посмотрел прямо в темные глаза эльвы, которая показалась из кустов. Тварь шла на четырех лапах, гибкая, как хищная кошка, с длинными ушами, похожими на заячьи, и с такой же заостренной, как у зайца, мордой. Из пасти ее торчали два клыка длиной с ладонь, с которых капала черная слюна – или кровь?

Клацающие звуки стали громче.

– Ненавижу этих уродских тварей, – проворчала Зейлан, собираясь слезть со своей кобылы и держа в здоровой руке готовый к бою меч. Эта девушка была воительницей до мозга костей. Хранительница, наверное, продолжила бы драться и в том случае, если бы все ее конечности были оторваны.

– Убирайся отсюда, – приказал Киран, обнажая свой собственный меч. Эльва неумолимо приближалась. Она пока не нападала, смакуя их страх и неуверенность. Кирану казалось, что эти существа питаются негативными чувствами своих жертв точно так же, как их плотью и кровью.

– Киран, ты еще не...

– Уходи! Тогда я смогу использовать магию, – оборвал он Зейлан. До сих пор именно Хранительница разбиралась с эльвами, но эта станет его добычей. Киран, может, еще не стал прежним, но теперь был уже не тем ослабевшим и больным фейри, каким очнулся десять дней назад.

Зейлан, к облегчению Кирана, спорить не стала. Бросив на фейри последний обеспокоенный взгляд, девушка натянула поводья и поскакала прочь. Эльва рванулась было следом, но Киран встал на ее пути. Лезвие его скованного водой меча сверкало, как кристалл, в пятнах света, пробивавшихся сквозь густые кроны деревьев. Эльва с громким шипением прыгнула на Кирана, готовая своими когтями разорвать его тело в клочья. Метнувшись в сторону, Киран

направил на тварь свой меч. Уклонившись от удара, эльва начала наворачивать вокруг него круги, придвигаясь все ближе и ближе, как удав, что обвивается вокруг своей добычи, чтобы медленно, но верно задушить ее, лишив доступа воздуха.

Киран поворачивался вслед движениям эльвы, ожидая знакомого покалывания магии. В последние дни Зейлан не отходила от него ни на шаг, поэтому юноша не чувствовал магии уже несколько недель. Дар Хранительницы блокировать силы фейри стал сильнее. Без своей магии юноша чувствовал себя легче и свободнее – человечнее, но теперь жаждал ее возвращения.

– Давай же, – пробормотал он себе под нос, когда эльва снова перешла в атаку. Киран вновь отступил, но на этот раз его нога зацепилась за один из гигантских корней, которые пронизывали весь Туманный лес. Принц споткнулся, потерял равновесие и грохнулся на землю. Меж ребер вонзилась острая ветка. Киран инстинктивно ахнул, с трудом преодолевая боль.

Эльва уже была прямо над ним. Теплое гниlostное дыхание коснулось лица принца. Киран бесстрашно заглянул в глаза своего противника, когда почувствовал покалывание своей магии. Чужое и в то же время такое знакомое, оно охватило все тело Кирана, потекло по венам и позволило ему совершенно по-новому почувствовать окружающую его природу. Внезапно он ощутил глубоко под собой слои почвы, кости, корни и камни, которые пронизывали их. Киран ощутил запах облаков, воду, запасенную растениями, и кровь, что пульсировала в теле эльвы.

Будь Киран более талантлив в обращении со своей магией, он мог бы нащупать ее и управлять эльвой по своей воле, но для этого ему не хватало одаренности и практики. Вместо этого он сосредоточил свое внимание на земле под своей спиной, что было нелегко, потому что с его магией вернулась и сила эльвы. С ее помощью тварь нащупала его душу.

Боль взорвалась в голове принца, когда эльва глубже проникла в его разум. Киран стиснул зубы, стараясь не отвлекаться от своего замысла. Но бороться с рывками в голове удавалось с трудом. Эльва будто хотела воскресить его самые жестокие воспоминания. Киран вдруг вспомнил Риордана, фейри, которого он приговорил к смерти его же собственным ядом, и о безжизненном теле своей матери. Вспомнил момент, когда его оторвали от Фрейи и прежней родины.

Но когда эльва вызвала в его сознании глубоко похороненное воспоминание, Киран не выдержал. Принц громко закричал, когда в памяти вернулся в тот самый день и час, когда он потерял свою красоту и чуть не распрощался с жизнью. Киран снова чувствовал жар. Слышал крики. Видел перед собой Зейлан, со слезами на глазах и кинжалом в руке. Дрожа, девушка протягивала ему оружие.

Ты должен убить меня. Слова Хранительницы эхом отозвались в голове юноши – так отчетливо, как если бы она прямо сейчас стояла рядом с ним и шептала их ему на ухо. Зейлан совсем не хотела его убивать – она хотела спасти его! *Это твой единственный шанс.*

Киран затряс головой. *Я лучше умру вместе с тобой, чем причиню тебе боль.*

Хранительница подняла кинжал, готовая покончить с собой. Но Киран не мог отпустить ее, не поцеловав хотя бы раз в жизни. К нему вернулись воспоминания об их отчаянных объятиях и еще более отчаянном поцелуе. Ее мягких, мокрых и соленых от слез губах. Почему Зейлан ничего не сказала ему об этом?

А потом вернулось воспоминание о полыхающем пламени. Зейлан провела его через ад, и Киран с восхищением наблюдал, как огонь плавился на ее коже, не причиняя девушке вреда. А принц испытывал такие мучения, каких не знал никогда прежде, пока пламя слизывает кожу и плоть с его костей. Но Киран не издавал ни звука, опасаясь, что иначе Зейлан остановится, так и не добравшись до безопасного места. И только когда они оказались вдали от огня, юноша осмелился заговорить.

Не волнуйся, со мной все в порядке.

Киран, задыхаясь, вынырнул из омута воспоминаний. И услышал мурлыканье эльвы, которая наслаждалась его болью. Ибо то, что увидел Киран, было куда более жестоким, чем

то, как это представила Зейлан. Неудивительно, что разум принца заставил его забыть все это. Но теперь образы прошлого вернулись: четкие, ясные и пугающие.

Однако времени на то, чтобы смириться с этим фактом, у Кирана не оставалось, потому что теперь, когда эльва напилась его болью, она хотела вкусить плоти. Молодой фейри снова обратил внимание на землю под собой, прощупывая ее текстуру. Пласты, созданные тысячами жизни и смерти. Энергию, которая, постепенно сливаясь с магией Кирана, стала с ним одним целым.

Эльва оскалилась и прыгнула на него, широко раскрыв пасть. В тот же миг Киран резко сжал руку в кулак, и из земли выстрелил острый сталагмит. Он врезался в тело эльвы и рывком подбросил его вверх. Пронзенное туловище существа безжизненно повисло на остром камне, и черная кровь твари полилась вниз, на тропинку.

Киран облегченно вздохнул. Еще бы чуть-чуть, и... Все еще не до конца придя в себя, юноша вскочил на ноги, не выпуская меча из рук. В висках стучало, спина болела после падения.

Хромая, он неуклюже заковылял к своей лошади. Животное было возбуждено, и Кирану потребовалось некоторое время, чтобы успокоить его настолько, чтобы получить возможность влезть ему на спину, не рискуя быть сброшенным. Он последовал по тропинке, проторенной Зейлан. По мере приближения к девушке фейри чувствовал, как его магия ослабевает, и был вынужден, хотя и с неохотой, признать самому себе, что ему ее слегка не хватало.

Он прорвался сквозь заросли и вышел на открытое пространство, где был воздвигнут храм из светлого камня. В Туманном лесу было построено множество подобных молитвенных сооружений: они славили Богов и предлагали путешественникам защиту от эльв. Увидев Кирана, Зейлан, сидевшая на камне у храма, тут же вскочила и подбежала к нему.

– Наконец – то! А я уже думала, что мне придется вернуться и спасти твою королевскую задницу!

– Моя задница больше не королевская, забыла? – ответил Киран, спрыгивая с лошади. Взгляд юноши нашел Зейлан, которая внимательно оглядывала его, словно желая убедиться, что он вернулся в целости и сохранности. Губы девушки были слегка приоткрыты. Губы, которые он целовал и которые хотел поцеловать снова.

– Разобьем лагерь здесь? – спросил Киран, направляя свои мысли в другое русло. То, чего хотел он, не имело значения. Должна была существовать причина, по которой Зейлан, рассказывая о пожаре, скрыла от него их поцелуй. Конечно, она сожалела о том, что так сблизилась с ним – фейри, – потому что при обычных обстоятельствах никогда бы этого не допустила. Тогда девушкой двигали страх и отчаяние, и, наверное, он окажет услугу и ей, и себе, если и дальше будет делать вид, что не помнит тот день. Но теперь Кирану уже никогда этого не забыть. Хотя бы потому, что об этом ему будет каждый день напоминать собственное отражение в зеркале.

Глава 11 – Зейлан

– Туманный лес –

– Постой, я помогу тебе.

Киран взял из рук Зейлан свернутое одеяло и расстелил его между статуей Юла и пустым пьедесталом на полу. Каменное изваяние пятого Бога, видимо, на время убрали.

Киран объяснил ей, что подобные храмы – не только место вознесения молитв, но и пристанище для путешественников. Путники заперли двери, чтобы перекрыть доступ эльвам, и разожгли костер, чтобы провести ночь в тепле. Дым от костра поднимался в небо через небольшое отверстие в крыше храма.

– Я и сама могла бы это сделать, – сказала Зейлан, хотя знала, что это не так. Несмотря на то что боль утихла и рана на плече заживала хорошо, рука казалась тяжелой и словно онемела, и это делало движения девушки скованными.

Киран выпрямился:

– Знаю, но мне это в радость.

Зейлан фыркнула. Она не возражала против того, чтобы фейри предлагал ей помощь, и больше не отказывалась ее принимать. В этой стране, где Хранительнице не хотелось находиться и где Кирана никто не хотел принимать, они часто протягивали друг другу руку помощи. Однако девушку беспокоили собственные неудачи. Они еще не пробыли в Туманном лесу и дня, а эльве уже удалось ее ранить. Зейлан могла лучше. По крайней мере, в том случае, если бы у нее были бы ее серповидные ножи. Один Король знает, как сильно ей недоставало этого оружия! Зейлан готова была сделать почти все, что угодно, лишь бы только вернуть его себе.

– Отдохни, – сказал Киран. – Ты так долго заботилась обо мне. Теперь моя очередь.

Возразить ей на это было нечем. Зейлан взглянула на лошадей, которых они заперли в храме, чтобы эльвы не напали на животных ночью, и села к огню, наблюдая поверх пляшущих языков пламени за Кираном. Всего несколько дней назад девушка предполагала, что минуют недели, прежде чем они смогут отправиться в свое путешествие к Стене. Но принц оправился быстрее, чем можно было подумать, учитывая состояние фейри в тот день, когда он очнулся. Посторонний человек даже не стал бы подвергать сомнению его физическое состояние. Только те, кто знал Кирана раньше, присмотревшись к нему повнимательнее, заметили бы, что его движения стали более скованными, чем раньше. Но принц все равно был более быстрым и ловким, чем большинство людей.

– Что такое? – спросил Киран, расстилая постель себе.

Застигнутая врасплох, Зейлан опустила взгляд на пламя костра.

– Ничего, а что?

– Ты тарашилась на меня.

– Нет, – возразила она и, нащупав свою сумку, достала из нее один из бутербродов, которые Сибил приготовила для них в дорогу. Хлеб был намазан пастой на основе бобового пюре.

Краем глаза Зейлан проследила, как Киран сел напротив нее к костру, дальше от огня, чем это было возможно. Его тело будто инстинктивно боялось жары, хотя принц и не помнил тот день в заведении Бриока.

– Это из-за шрамов?

Она в изумлении вскинула голову:

– Нет!

– Значит, они тебя не беспокоят?

Зейлан покачала головой.

– А тебя?

Он пожал плечами:

– Не очень.

– Тебе не нужно лгать.

– Я не лгу, – сказал Киран, обнимая свои колени. Его взгляд был прикован к огню, но у Зейлан оставалось ощущение, что он наблюдает за ней. – Я не так поверхностен, как тебе кажется. Знаю, что многие фейри гордятся своей внешностью, но в мире, где красивы абсолютно все, красота ничего не значит.

– И поэтому ты предпочитаешь быть уродливым?

Киран сухо рассмеялся:

– Я этого не говорил.

Не отводя взгляда от Кирана, Зейлан откусила кусок хлеба. Сияющая красота, которую демонстрировал принц, когда они впервые встретились у Стены, исчезла: длинные блестящие волосы стали короткими и тусклыми, простая одежда была поношенной и грязной. Лицо юноши тоже перестало быть безупречным, но в глазах Зейлан тот Киран, что теперь сидел перед ней, был намного красивее, чем тот, прежний принц фейри. Этот Киран страдал и жил, он обладал мужеством постоять за себя, даже если ради этого ему пришлось распрощаться с властью и богатством. Он проявил величие и показал, что у него в груди бьется сердце бойца. Когда Зейлан смотрела на Кирана теперь, она видела не его шрамы, а силу и решимость. Два качества, которые Хранительница ценила гораздо больше, чем красоту.

Зейлан прочистила горло.

– Ты, кстати, совсем не уродлив.

Киран склонил голову набок:

– Неужели?

– Нет, просто сейчас ты стал менее совершенен.

Фейри рассмеялся. То был горький звук, который отразился от стен храма и разнесся по пространству святилища негромким эхом.

– Приятно, что ты так думаешь, но я никогда не был совершенным.

– Это из-за ушей? – осторожно спросила Зейлан, потому что Киран всегда скрывал отсутствие острых кончиков под золотыми украшениями. И, видимо, оказалась права в своем предположении.

Киран ответил не сразу. Помолчав какое-то время, он едва заметно кивнул.

Зейлан сунула последний кусочек хлеба в рот и, подтянув согнутые в коленях ноги к телу, обхватила их руками. Теперь ее поза повторяла позу Кирана.

– А что с ними случилось?

– Ты не поверишь.

– Правда? Сейчас я готова поверить почти во все, что ты скажешь.

– Даже в то, что я – Талон?

Зейлан нахмурилась. Правильно ли она его поняла? Талон – как принц Талон? Талон Драздон, сын короля Андроиса и королевы Эриины? Она ждала, что вот сейчас Киран начнет смеяться, высмеивая растерянное выражение ее лица. Но фейри не смеялся, а только серьезно смотрел на нее, пока пламя отбрасывало на его лицо мягкие тени.

Несколько секунд был слышен лишь треск пламени костра. Зейлан ждала объяснений, но не хотела выглядеть душой, поэтому ничего не спрашивала и только молча ждала, пока Киран будет готов объяснить ей свои слова.

– Я родился в Нихалосе восемнадцать лет назад сыном короля Невана и королевы Зарины, – начал он, понизив голос, хотя подслушивать их было некому. – Через несколько недель после рождения меня похитили. Мои похитители обрезали мне уши, отвели на другую

сторону Стены и оставили там в лесу. В это время король Андроис охотился в Терновом лесу. Он нашел меня и принес в свой замок.

– Почему он это сделал? – спросила Зейлан, потому что король Андроис был не из добрых людей. Подбирать подкидышей было не в его характере.

– У королевы Эриины восемнадцать лет назад тоже родился ребенок – Фрейя. А тебе ведь наверняка известно, как дворянские семьи и народ относятся к наследникам престола.

Зейлан кивнула. Девушка не слишком хорошо разбиралась в истории королевства, но даже ей было известно, что в прошлом многие принцессы необъяснимым образом погибали. Некоторые из них умирали еще младенцами, других в детстве поражали болезни. Зато их братья, как ни странно, всегда были избавлены от этих так называемых болезней.

– Король Андроис окрестил меня именем Талон и выдал за своего первенца, чтобы пощадить жизнь Фрейи. Но потом фейри нашли меня и вернули настоящим родителям.

Зейлан ждала, не скажет ли Киран еще что-нибудь, но принц молчал.

– Ты прав, мне действительно трудно в это поверить, – сказала Хранительница, наклоняясь вперед, чтобы прикоснуться к магическому огню, который не мог причинить ей вреда. Теплое пламя окутывало ее кожу, не обжигая. Рассказанная Кираном история была похожа на страшилку, которые рассказывали в Тобрии, чтобы запугать детей. – Но я верю тебе.

Киран удивленно приподнял брови:

– Правда?

Хранительница кивнула: никаких причин лгать у Кирана не было. К тому же его история объясняла, почему он и Фрейя были друзьями, особенно с учетом того, что до его неудавшейся коронации они якобы никогда не встречались. И по времени тоже все совпадало. Кирана похитили после того, как он родился, и нашли только одиннадцать лет спустя. Талон, в свою очередь, исчез в возрасте одиннадцати лет и больше в Амарун так и не вернулся. Конечно, то, что во младенчестве Кирана нашел именно король Андроис, было величайшим совпадением, но, с другой стороны, там, где были замешаны фейри, всегда происходили и продолжали происходить вещи, которые казались совершенно невыносимыми.

– А король Андроис знал, что ты фейри?

– Конечно, нет, или ты серьезно думаешь, что он оставил бы меня в живых?

Зейлан покачала головой. Король ненавидел фейри так же, как и его народ, так же, как раньше и она сама.

– Но Фрейя ведь знала об этом, не так ли? По крайней мере, ее, казалось, не беспокоило то, что ты – Неблагодой фейри.

Упоминание о Фрейе заставило Кирана улыбнуться.

– Нет, она тоже не знала. Она приехала в Мелидриан, чтобы найти Талона, мое человеческое воплощение. В отличие от наших родителей и народа, она не верила в мою смерть и не переставала искать – пока она не нашла меня и не узнала правду.

– Должно быть, это было довольно страшно для нее.

– Наверное, ее радость снова видеть меня была больше, – сказал Киран, и к улыбке на его губах присоединилось ласковое выражение в глазах. Нельзя было не заметить, как много Фрейя значила для принца, несмотря на долгие семь лет разлуки. – Фрейя не возражает против того, что я – фейри. Она не такая, как ее отец. Думаю, вы с ней нашли бы общий язык.

Фыркнув, Зейлан отдернула руку от огня.

– Это вряд ли.

– Ты не верила и в то, что я однажды могу тебе понравиться.

– А кто сказал, что ты мне нравишься?

– Никто. Но иногда поступки показывают больше, чем говорят слова. – Губы Кирана изогнулись в теплой улыбке.

Дыхание Зейлан сбилось, сердцебиение ускорилось. Она крепче обхватила ноги, стараясь не выдать себя. Девушка не хотела испытывать таких чувств к принцу фейри, но сердцу было плевать на то, чего хотел разум. Сидя одна в отведенной ей комнате в доме Сибил, Хранительница часами убеждала себя, что ответила на поцелуй Кирана только из страха и отчаяния, движимая нежеланием умереть в одиночестве. Но в глубине души девушка знала: она обманывала себя, стараясь защититься. Киран, быть может, и не был таким жестоким, как большинство фейри, но он был Неблагим, и это не изменится никогда.

– Думаю, нам лучше лечь спать, – сказала Зейлан, избегая собственных чувств, и поднялась со своего места у огня. – Завтра будет напряженный день. Мы должны отправиться в путь с первыми лучами солнца.

Киран взглянул на нее снизу вверх. Свет пламени отражался в его голубых глазах, которые на изрытом шрамами лице казались еще ярче и пронзительнее.

– Не ожидал, что ты так легко воспримешь мое признание.

Зейлан пожала плечами:

– Меня не волнует, что ты был Талоном, потому что королевская семья совершенно ничего для меня не значит. Драэдоны высокомерны и самонадеянны, с их стороны крайне претенциозно выставлять себя в качестве богов. Король Андроис выдает себя за человека из народа, но он никогда не был рядом со мной. Он не помог мне, когда я изо всех сил пыталась выжить, изо дня в день, одна, без родителей, на улице. Так что да, для меня не имеет значения, был ты Талоном или нет. Я не поклонялась тебе тогда и не стану делать этого сейчас.

Губы Кирана дрогнули в улыбке:

– Я бы разочаровался, будь оно как-то иначе.

Издав какое-то невнятное бурчание, Зейлан отвернулась, чтобы не смотреть на его соблазнительные губы, и пошла умыться из ведра с водой, которую они набрали в ближайшем ручье. Лошади фыркнули, словно хотели пожелать ей спокойной ночи, и девушка легла на одеяло, стараясь устроиться как можно удобнее, насколько позволял каменный пол.

Она слышала, как укладывался спать Киран – всего-то на расстоянии двух вытянутых рук от нее. Потом в храме вдруг стало совсем тихо, но эта тишина была какой-то громкой. Огонь, затухая, едва слышно потрескивал, выпуская последние вздохи. Сквозь щели храма по полу тянулся холодный сквозняк. Из леса до их слуха доносились звуки, издаваемые эльвами. Они лаяли, выли и вопили, время от времени слышались крики, похожие на человеческие: так эльвы заманивали свою добычу.

Зейлан содрогалась от ужаса, цепляясь за мысль о том, что скоро, очень скоро она доберется до Стены. Они были всего лишь в нескольких днях езды от Свободной земли, и сколько бы эльв ни встретилось у нее на пути, она вернется к Стене. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как Зейлан видела других Хранителей и послушников, и не могла дожидаться возможности проявить себя в тренировочном поединке.

Глава 12 – Ли

– Нихалос –

Статуя высотой в несколько метров посреди праздничной площади изображала Олдрена и Валеску, державшихся за руки. Не заметить ее было невозможно: скульптура возвышалась даже над храмом, который был восстановлен после неудачной коронации Кирана. Ступени, ведущие к святилищу, были окружены гвардейцами, а между ними и толпой соорудили барьеры, чтобы никто не мог подойти к королевской чете новобрачных слишком близко.

Сотни, а может, и тысячи Неблагих и Благих фейри собрались на еще недавно разрушенной площади, чтобы полюбоваться королевской парой. Народ ликовал. Большинство из них, казалось, радовалось этому браку, и, вероятно, не в последнюю очередь потому, что торговля теперь снова была в самом разгаре. Колонны повозок, груженных товарами из Даарии, въезжали в город, везя с собой огненные таланты, ткани и другие товары.

Не все фейри были исполнены счастья за Олдрена и Валеску: над площадью снова и снова разносились брань и оскорбления. Но гвардейцы пресекали в зародыше любой намек на восстание.

Закутанный в толстый плащ с низко надвинутым на лицо капюшоном, Ли смотрел, как гвардейцы уводят фейри, который проклинал Олдрена за этот брак, называя его предателем Неблагих. Фейри отбивался, боролся с гвардейцами, но не мог сравниться с ними в силе. Что-то подсказывало Ли, что этого мужчину никто больше не увидит. Олдрен правил железной рукой, но, по-видимому, эта строгость была необходима, если он не хотел потерять контроль над своим народом. Худшие из восстаний миновали, все, что осталось, – это страх и разруха, но вряд ли потребовалось бы много времени, чтобы разжечь огонь новых бунтов, которые пока что были лишь тлеющими углями.

Ли еще наблюдал за фейри, которого уводили гвардейцы, когда шепот, шум и суета внезапно усилились. Хранитель устремил свой взор на храм. В гуще гвардейцев началось какое-то движение. Зазвучала музыка, и к храму подъехали несколько экипажей, запряженных белыми лошадьми. Ли вытянул шею, но был слишком далеко, чтобы что-то разглядеть. Мужчина встал еще до рассвета, чтобы занять хорошее место у храма, надеясь привлечь внимание Олдрена. Ли по-прежнему хотел поговорить с Неблагим фейри, но миновать гвардейцев, охранявших замок, было невозможно, а рисковать своей головой, проникая без приглашения, капитан не хотел. Это того не стоило.

– Видишь их? – поинтересовался Вэйлин, который не отходил от Ли, хотя толпа уже несколько раз грозила отделить их друг от друга.

– Нет, пока нет, – ответил Ли, удивленный тем, что полуэльф настоял на том, чтобы сопровождать его на церемонию, несмотря на то что так он оказывался в опасной близости от Олдрена. Но Вэйлин не дал себя отговорить. Ли подозревал, что это как-то связано с Валеской, поскольку полукровка вырос в Даарии, а значит, она была и его королевой. То, что эта женщина была беременна наследником престола обоих народов, представляло собой нечто совершенно особенное.

Вопли становились все громче, и вот Олдрен и Валеска поднялись по ступеням храма. Олдрен был одет в голубую униформу с золотой вышивкой. Его светлые волосы ниспадали на плечи, а вплетенные в них золотые кольца блестели на солнце. Валеска же была одета в темное платье, напоминавшее жидкую лаву. Оно было сшито из красной, оранжевой и черной ткани. Вьющиеся локоны королевы ниспадали на грудь и были такими длинными, что своими

кончиками касались ее выпуклого живота, хорошо заметного под платьем. Несомненно, это зачатие произошло до свадьбы. Так вот в чем причина такого поспешного брака?

Взявшись за руки, они остановились перед входом в храм, помахали толпе и позволили вознести себе почести, с улыбками принимая радостные вопли и выкрикиваемые поздравления. Люди ликовали. Олдрен подогрел их возбуждение, положив руку на живот Валески. Королева выглядела немного напряженной, но никто не стал бы ее в этом винить. В конце концов, она была Благой фейри среди Неблагих в Нихалосе, и не было никакой уверенности в том, как здешний народ отреагирует на нее. Однако, судя по аплодисментам, беспокоиться о своем положении королеве не приходилось.

Движением руки Олдрен призвал площадь к молчанию. Высоко подняв голову, новый правитель смотрел на свой народ, и на его губах играла удовлетворенная улыбка, от которой по коже Ли побежали мурашки. Никогда раньше Хранитель не видел на лице этого добродушного Неблагого такого выражения.

– Мой народ, – начал Олдрен. Магия воздуха разнесла его голос по всей площади. – Моя жена, королева Валеска, и я благодарим вас за теплый прием. Приятно вернуться на родину и в самый красивый город страны.

Неблагие снова разразились ликованием, а улыбка на лице Валески стала жестче.

– Последние несколько недель и месяцев были непростыми для нашего народа. Нам пришлось не только попрощаться с нашим любимым королем Неваном и его женой, королевой Зариной. Мы также узнали о предательстве их сына, их собственной плоти и крови. Принц Киран – позор нашей страны, но теперь он мертв, и мы свободны от его предательств, лжи и некомпетентности.

Раздались громкие хлопки, и у Ли скрутило живот. Он не мог поверить в то, что говорил Олдрен. Этот фейри любил Кирана не только как принца и короля, но также как друга и мужчину. Почему же теперь он относился к нему как к врагу? Может, это было всего лишь стратегией, благодаря которой новый правитель собирался привлечь народ на свою сторону, говоря то, что они больше всего хотели услышать?

– Мало того что принц Киран предал Корону, в Совет проникли мошенники и предатели, – продолжил Олдрен. Над толпой разнеслись возмущенные крики. – Потому что Киран скрыл от вас, что его отец, король Неван, не почил мирно собственной смертью, а был отравлен собственной советницей – Онорой. И не Хранительница Зейлан Аларийон совершила убийство королевы Зарины!

По толпе прокатился ропот, и начались волнения. Ли почувствовал, что Вэйлин рядом с ним напрягся как струна. Полукровка неуверенно оглядывался, словно искал способ сбежать, если назовут его имя. Ли потянулся к его руке, чтобы удержать. Зачем Олдрену винить кого-то другого, если у него уже был идеальный козел отпущения в лице Зейлан?

– Как оказалось, убийство Зарины было лишь ходом в тайной игре Совета. Он хотел свергнуть королевскую семью и добиться для себя абсолютной власти. Но я не допущу этого, поэтому приговариваю всех членов Совета к казни через обезглавливание – и казнь осуществится немедленно! Предателям нечего делать в наших рядах!

Взгляд Олдрена метнулся к подножию храма, где собрались члены Совета, желавшие поддержать нового правителя. Их лица исказились от паники, когда две дюжины гвардейцев вышли из тени храма, чтобы подчиниться приказам своего регента.

– Нет! – воскликнула Гемха, самая младшая из членов Совета, когда один из гвардейцев схватил ее.

Олдрен и Валеска отошли в сторону. Перед входом в храм установили тяжелую колоду. Дерево ее за несколько лет стало почти черным от впитавшейся в него крови. Фейри на площади, которые безоговорочно верили Олдрену, возликовали, когда Гемху выволокли вперед. Сражаясь за свою жизнь, фейри сопротивлялась гвардейцам, но руки ее были скованны, как

у Вэйлина в темнице, и это мешало ей творить магию. Слезы текли по лицу женщины, когда ее поставили на колени. С помощью магии Воздуха голова Гемхи в один миг оказалась прижатой к деревянной колоде. Несчастная кричала о своей невинности и еще умоляла сохранить ей жизнь, когда топор палача в капюшоне рухнул вниз, заставляя Гемху замолчать навеки.

Тело казненной было унесено. За Гемхой последовали Эахна и Вардт, совсем недавно назначенный командующим королевской гвардией.

– Олдрен лжет, – сказал Вэйлин, произнося вслух то, что знали они оба.

Ли кивнул. Он просто не мог объяснить себе, почему Олдрен так поступал. Что он получал от смерти членов Совета? В качестве регента и будущего короля страны он мог собирать Совет, когда хотел, принимать или отказываться от его помощи. Правителя ни к чему не принуждали. Почему он выбрал этот путь? Единственным объяснением была демонстрация силы. Он не хотел потерять контроль над народом, как это случилось с Кираном.

Казни заняли лишь несколько минут. Наконец колоду убрали, и двое фейри, используя магию воды, очистили ступени храма, чтобы Олдрен не ступил в бульон из крови, мочи и других физиологических жидкостей казненных. После того как все было устранено, регент снова занял место перед храмом. Взгляд его был возвышенным и самодовольным. Ли не понимал, как Олдрен мог действовать настолько бессовестно. Это не соответствовало образу Неблагого фейри, которого Ли часто встречал в королевских садах, когда тот кормил птиц.

– Теперь, когда дворец был освобожден от всех предателей, пришло время смотреть вперед и открывать дороги в новое будущее. Со мной, вашим королем, королевой Валеской и с нашим сыном, вашим будущим принцем! – выкрикнул Олдрен в толпу фейри на площади, которые при упоминании о будущем ребенке разразились такой неудержимой радостью, словно не стали только что свидетелями нескольких казней. – В качестве нового короля я поставил перед собой цель продвигать эту страну и ее народ вперед и вести их в новую эпоху. Эпоху славы и богатства. Эпоху, лишенную границ. Эпоху, когда каждый фейри – король в своей собственной стране, без стен, которые могли бы нас удержать.

Благие и Неблагие нестройным хором выразили свое громкое одобрение, в то время как Ли ощутил тошноту.

– По этой причине я принял решение. Это было нелегко, но ради блага наших детей и внуков и всех поколений фейри, которые придут после нас, принять это решение было необходимо, – продолжал Олдрен, гордо выпятив грудь. – Мы, Благие и Неблагие, вместе пойдем на войну, чтобы забрать то, что нам причитается. Объединенными силами мы возьмем Тобрию. Потому что я не могу больше смотреть, как люди эксплуатируют землю, которая должна быть нашей. Своими изобретениями, университетами и королем, который крадет у земли ее сокровища и в то же время изгоняет самое святое – магию, а нас запирают здесь, вместе с эльвами, которые с каждым днем уносят все больше и больше жертв! Лаварус принадлежит фейри, и пора снести стену и уничтожить людишек! Я не собираюсь больше с этим мириться!

Ли застыл, чувствуя себя так, словно из его легких с помощью магии выкачали весь воздух. Война. Олдрен только что объявил людям войну.

После тысячелетнего мира он планировал разорвать Соглашение и разрушить Стену, которая сохраняла мир, чтобы претендовать на Тобрию. И фейри чествовали его за это. Все фейри вокруг Ли хлопали в ладоши, радостно вопили и топали ногами по земле, будто в любой момент были готовы вступить в бой.

Это ведь просто шутка, плохая шутка, да? Не потому ли Олдрен только что казнил Совет? Чтобы некому было ему противоречить? При таком подходе регенту удалось заткнуть тех, кто мог бы подвергнуть его решение критике. Теперь они просто побоятся высказывать свое мнение, опасаясь собственной казни.

– Он... он не может этого сделать, – заикаясь, пробормотал Вэйлин.

– Он может, – ошеломленно сказал Ли. Хранитель не знал, смогут ли фейри выиграть войну. В прошлый раз им это не удалось, несмотря на магию. Но независимо от того, кто выйдет победителем из этой битвы, жертв будет много – со всех сторон. И первыми падут Хранители.

Ли крепче сжал руку Вэйлина и потащил его за собой, прочь из ликующей толпы, которой не терпелось пропитать землю кровью.

– Куда мы идем? – спросил Вэйлин.

Ли оглянулся через плечо на Олдрена, который воздел руки к небу, словно прося у богов благословения на битву.

– К Стене. Мы должны предупредить остальных.

Глава 13 – Ларкин

– На Черном рынке –

Ларкин шагнул сквозь стену тумана. На миг воцарилась полная тишина, а потом воздух наполнился веселыми голосами, смехом и музыкой. Бросив взгляд через плечо, он увидел, как серый дым клубится и извивается, не пересекая магический барьер, скрывавший рынок от посторонних глаз. Лишь те, кто знал, что ищут, могли найти рынок.

Ларкин любил это место. Всегда любил. Раньше он частенько отпускал Хранителей сюда, чтобы дать им отдохнуть от службы на Стене. Сегодня он напомнил ему изумленное лицо Фрейи. Когда они шли через пестрые ряды разноцветных киосков, принцесса выглядела так, словно была голодным ребенком за богато накрытым столом. Ее глаза сияли. В тот день Ларкин, впервые после их побега из Амаруна, видел принцессу по-настоящему счастливой и свободной. Хранителю хотелось, чтобы сейчас Фрейя была с ним, а не с этим ублюдским принцем-пиратом, но с этим Ларкин ничего поделать не мог.

Хранитель ступил на рынок с его красочными прилавками и яркими огнями. Запах жареных каштанов и миндаля щекотал его нос, и хотя Ларкин недавно плотно поел в таверне Асканы, при виде деликатесов у него заурчало в животе. Но терять время он не хотел, поэтому сразу направился прямо к палатке с оружием.

«Клинки для победителей» – без возврата, без бартера. Яркие золотые буквы четко выделялись на красном полотне палатки. Ларкин отодвинул в сторону ткань, прикрывающую вход. Манящий аромат вкусной еды тут же сменился запахом оружейного масла и кожи.

Энун, владелец лавки, стоял за прилавком и полировал меч. Когда Ларкин вошел, мужчина вскинул голову и радостно улыбнулся, увидев вошедшего.

– Фельдмаршал Вэлборн!

– Приветствую, Энун! – сказал Ларкин. – Я больше не фельдмаршал.

– Тот, кто однажды стал фельдмаршалом, навсегда им остается, – отмахнувшись, ответил Энун.

Ларкин, минуя витрины с дорогим оружием, приблизился к прилавку. Они с Кори наносили визит в оружейную палатку всякий раз, как бывали на черном рынке. Конечно, на Свободной земле им выдавали все, что нужно, от мечей до луков и кинжалов, но Хранители все равно любили разглядывать товар Энуна, потому что оружие здесь было особенным.

– А где вы оставили ту прелестную спутницу, которая в прошлый раз приходила с вами?

Ларкин был уверен, что Энун узнал принцессу во время совместного посещения ими палатки, но ни тогда, ни сейчас из уважения не стал произносить ее имени.

– Ее, к сожалению, не отпустили.

– Досадно.

– В самом деле, – печально улыбнулся Ларкин.

– Чем я могу вам помочь на этот раз? – спросил Энун, тут же переходя к делу. Мужчина указал на витрины. Руки его были покрыты мозолями и шрамами – последствия работы с оружием. – Ищете новый меч?

– Нет, я ищу Яру. Мне сказали, что вы можете помочь.

Энун приподнял брови:

– Яру?

– Судя по тону вашего голоса, вы ее знаете.

– Да, она из тех людей, которым принадлежит этот рынок.

Ларкин вздрогнул всем телом. Яра была одной из Темных? Этого Хранитель не ожидал, однако, услышав новость, совсем не удивился. Часто именно Темные дергали за ниточки на заднем плане в тех случаях, когда в этой стране случались убийства, грабежи и тому подобные происшествия. Они расплзались по всей стране не хуже, чем оспа.

– И где мне найти Яру?

– Пойдемте со мной, – произнес оружейник, жестом указывая Ларкину следовать за ним. Они покинули «Клинки для победителей» и смешались с безмятежной суетой рынка. Сегодня здесь присутствовало необычно много фейри. Не так много, чтобы их можно было увидеть на каждом углу, но четырех или пятерых Ларкин уже заметил. Вместе с Энун он прошел мимо очередных двоих жителей Мелидриана, и слух Хранителя уловил обрывки разговора.

– Думаю, это ошибка.

– Ошибкой было бы ничего не предпринимать. Наши народы сильны как никогда.

– В войне, что была тысячу лет назад, объединение народов так ни к чему и не привело.

– Но в то время существовали два королевских дома, которые не доверяли друг другу.

А Олдрен и Валеска...

Ларкин был уже слишком далеко, чтобы расслышать остальное. Он еще раз оглянулся на двух Неблагих фейри. Те казались задумчивыми и какими-то озабоченными. Что-то в их разговоре Хранителю не понравилось. Он не мог сказать, что именно, но прежде чем разбираться с этим, Ларкину нужно было поговорить с Ярой. Он слишком долго искал эту женщину, чтобы сейчас отвлекаться на болтовню двух фейри.

– Мы на месте, – сообщил Энун, останавливаясь перед черной палаткой. Перед ней застыл мрачного вида парень с оружием на поясе, какого Ларкин никогда прежде не видел. Оно представляло собой тонкую трость длиной с предплечье, к которой была прикреплена ручка. У оружия не было ни лезвия, ни острия, поэтому с первого взгляда Хранителю было неясно, как оно работает. Должно быть, это было новое оружие Темных, скорее всего контрабандой ввезенное из-за границы. Когда Энун и Ларкин остановились перед стражником, тот опустил на свое странное оружие руку.

– Этот человек пришел поговорить с Ярой, – сказал Энун охраннику.

– Яра сейчас...

– Пусть войдет! – донесся из палатки женский голос, обрывая стражника на полуслове. Ларкин нахмурился. Ткань, что занавешивала проход в палатку, приглушала звуки, но голос все равно показался ему знакомым. Хранитель поблагодарил Энуна и, миновав угрюмого охранника, скользнул в палатку.

В палатке витал приятный аромат свечей и жженных трав. Один угол занимали кровать и платяной шкаф, другой – большой деревянный стеллаж, заполненный ценными коллекционными предметами. Между ними находился стол, за которым сидела женщина, которая встретила Хранителя озорной ухмылкой.

– Это что, такая шутка? – спросил Ларкин. На ней была та же одежда, что и накануне вечером в таверне, только рыжие волосы заплетены в косу. На столе перед женщиной лежало множество развернутых свитков и планов, а за спиной висела мешанина из мечей, которые выглядели не как оружие, а как украшение. – Ты и есть Яра?

– Да, это я.

– Почему же ты мне этого не сказала?

– Мне не хотелось разговаривать в таверне. У тамошних стен есть уши.

– Как ты узнала, что я тебя ищу?

– Хозяйка сказала, – ответила Яра, отодвинув несколько бумаг, чтобы водрузить на стол ноги. – Моя работа такова, что люди ищут меня часто. И часто бывает так, что я не хочу, чтобы те, кто меня ищет, достигли успеха в своих поисках. Хозяйке в Аскане платят за то, чтобы она не говорила о нас и ничего не рассказывала, когда кто-то станет расспрашивать о нас. Так

мы можем сами выбирать, с кем разговаривать. Так совпало, что в тот вечер я была в таверне. Тебе повезло.

Ларкин прищурился. Ему не нравился ее покровительственный тон.

– Я бы нашел тебя в любом случае.

Яра улыбнулась так, словно его слова совершенно не произвели на нее впечатления.

– Садись, Ларкин.

Конечно, она знала, кто он такой. Темным нравилось знать, кто бывал на их рынке, к тому же Ларкина, бывшего фельдмаршала, нельзя было считать незначительной фигурой для этого рынка, ведь это место существовало только благодаря благосклонности Хранителей. Однако сам он был уверен, что до вчерашнего вечера никогда раньше не встречался с этой женщиной. Она была значительно моложе своей сестры Кевы и, наверное, была еще почти ребенком, когда Ларкина посадили в тюрьму. Пятнадцать, может, шестнадцать лет.

Ларкин подошел к столу и сел на предложенный стул.

– Зачем ты искал меня? – спросила Яра, сразу переходя к сути.

– Тебе знаком некий Хенрик из Рихволла?

– А что с ним?

– Он мертв.

Жесткое, самодовольное выражение лица Яры исчезло, голос дрогнул:

– Что?

– Его убили. Его брат Корван рассказал мне об этом.

Яра медленно убрала ноги со стола, ее лицо исказилось болью. Так, значит, то, что Хенрик написал в дневнике, было правдой. Эти двое любили друг друга.

– Так вот почему я перестала получать письма. Я думала... – Яра замолчала, и ее взгляд отыскал Хранителя: – Почему ты здесь? Думаешь, я убила его?

– Нет, в этом нет твоей вины, но обстоятельства его смерти привлекли мое внимание. Я не понимаю, почему его убили. Он не был богат. Убийцы, правда, обыскали его дом, но не взяли с собой ничего, за исключением нескольких страниц из его дневника. Твое имя я тоже нашел в том дневнике. Там он написал о тебе и Вайдаре и правде, которую не может раскрыть своему брату. Я надеялся, ты сможешь рассказать мне больше.

Яра судорожно вздохнула. В ее глазах блеснули слезы, но при этом женщина выглядела удивительно сдержанной. Она прекрасно владела собой. Видно, этот талант со временем развивали в себе все Темные.

– Хенрик тоже был Темным. Моя сестра Кева – я полагаю, ты говорил с ней в Двуроге – и его брат об этом не знали. Мы случайно попали в этот мир и нашли в нем друг друга. Хенрик, однако, не хотел покидать Рихволл из-за пристрастия Корвана к азартным играм. Мы регулярно встречались в Вайдаре. Так я могла видеться не только с ним, но и со своей сестрой.

Ларкин кивнул.

– У него были враги?

Яра горько рассмеялась:

– Он был одним из Темных. Конечно, у него были враги, и в то же время он был одним из наиболее порядочных из нас. Хенрик отвечал за перевозку краденого, чтобы это не привлекало лишнего внимания.

– Значит, ты не знаешь, кто его убийцы?

– Нет, но я подозреваю, что Хенрик – не единственная их жертва.

– Что ты имеешь в виду?

Яра наклонилась к нему через стол:

– Я могу тебе доверять?

Ларкин еле сдержался, чтобы не фыркнуть.

– Тебе известно, кто я и что я якобы сделал. Как тебе кажется?

Яра слегка помедлила, словно колеблясь, а потом начала говорить:

– Кто-то убивает Темных. Мы не знаем, кто это, но мы уже потеряли множество мужчин и женщин в самых разных местах Тобрии. Они лишились жизни не выполняя задания, а в своих собственных домах. Большинство из них подверглись перед смертью пыткам и мучению, но не все. Мы подозреваем, что кто-то хочет что-то о нас узнать.

– У тебя есть предположения, что именно?

Яра кивнула:

– Местонахождение других Темных. Нас хотят уничтожить. Хозяйке таверны и морякам в Аскане велено не разглашать наши имена в том числе и по этой причине. Я не хочу быть следующей в очереди.

Ларкин задумчиво потер небритый подбородок. Значит, кто-то пытался уничтожить Темных. Это ограничивало список возможных преступников, потому что в стране существовало очень мало группировок, которые смогли бы разгромить картель Темных и осмелились бы попытаться это сделать.

– Может, это королевская гвардия? – спросил Ларкин.

– Исключено.

– Как ты можешь быть в этом так уверена? – Темные, должно быть, были настоящим бельмом на глазу Андройса, в конце концов, они десятилетиями паслись у кладовых, которые заполняли его карманы.

Яра фыркнула:

– Потому что никто не рубит сук, на котором сидит, и не кусает руку, которая кормит.

– И что это значит?

– Андройс и Темные работают вместе.

Глаза Ларкина расширились:

– Что?!

– С тех пор как Андройс взойшел на трон, он тратил деньги на строительство дорогих храмов и академий для своих воинов. В Тобрии в десять раз больше солдат, чем двадцать лет назад, строятся новые академии. Это стоит денег. Денег, которые он просто не может требовать от своего народа. Поэтому этим занимаемся мы. Нам разрешено оставлять себе пять процентов того, что мы крадем, а Андройс отзывает своих гвардейцев. Как думаешь, почему за последние пятнадцать лет было осуждено так мало Темных?

Ларкин стиснул зубы. Как он вообще мог боготворить этого человека? У Стены он был слеп, но путь, который мужчина прошел с момента побега из темницы, открыл ему глаза. И сколько бы страданий и несправедливостей, совершаемых под руководством Андройса, ни встречал Ларкин, снова и снова оказывалось, что их существует еще больше. Еще больше темных углов, больше скрытых закоулков жестокости, больше несправедливости. Как мог король играть на руку Темным, набивать им карманы и позволять добиваться своего, в то время как такие деревни, как Рихволл, боролись за то, чтобы не умереть с голоду зимой?

– Спасибо за такой откровенный разговор, – сказал Ларкин. Слова с трудом срывались с его губ.

– Можем ли мы продолжать надеяться на твою поддержку?

Ларкин кивнул. Он ненавидел Темных и их деяния, но и убийцы не имели права лишать жизни даже таких людей. Тем более если за этим стоял не король, а другая преступная группа. Так убийство Темных приведет только от плохого к худшему.

– Я сделаю все возможное...

Остаток его фразы был поглощен оглушительным грохотом. Тонкие стенки палатки задрожали, и металлический каркас затрещал, когда грохот раздался вновь.

Ближе.

Громче.

Яра вскочила со стула:

– Что это?

– Взрывы, – ответил Ларкин. Этот звук был до ужаса знаком Хранителю, ведь он слышал его всего несколько месяцев назад – на коронации принца Кирана. Они с Фрейей издали наблюдали, как площадь вокруг храма вспыхнула огнем. Крики охватили весь город. Точно такие же крики и вопли разносились теперь по рынку.

Ткань у входа в палатку резко откинули в сторону. Ларкин схватился было за меч, но это был всего лишь мужчина со странным оружием. Его лицо было искажено паникой.

– Нас атакуют.

Глава 14 – Зейлан

– Свободная земля —

– Не думаю, чтобы я когда-либо прежде видел нечто более прекрасное.

Киран рассмеялся: сухим, несколько отчаянным смехом. Зейлан не только слышала это отчаяние, но и чувствовала его всем своим сердцем, думая о том, через что им пришлось пройти, чтобы оказаться здесь.

– Я бы с удовольствием не согласилась с тобой, но ты прав.

Стена, отделявшая страны друг от друга, вздымалась в небо, оставляя верхушки деревьев далеко внизу. Более тысячи лет назад она была построена Благими фейри из вулканического камня, и с тех пор возвышалась над замками всех трех королевских домов. С человеческой стороны Стена была потемневшей и выветрившейся, но на юге, со стороны Мелидриана, на кладку пытались вскарабкаться побеги зеленых растений. Зейлан хотелось протянуть руку и коснуться крупных листьев, но ее руки крепко обхватывали талию Кирана. Уже два дня они ехали на одной лошади, потому что кобыла Зейлан пала. Это произошло во время нападения эльвы, в результате которого сами одни оказались на волосок от гибели. Киран и Зейлан едва избежали смерти, но эльве удалось схватить лошадь. Раны животного оказались настолько губительны, что путникам не оставалось ничего другого, кроме как застрелить ее из милости, избавив от мучений.

– Что ж, тогда давай дадим Хранителям знать, что мы здесь, – сказал Киран, вылезая из седла. Зейлан тоже соскользнула со спины лошади, которой пришлось проделать неблизкий путь, и, держа ее за поводья, смотрела, как Киран направился к Стене. Сама она принялась бы кричать, в надежде, что Хранители услышат ее, но Киран, казалось, знал, что делать, когда двинулся к боковым воротам.

Прищурившись, Зейлан едва различила черную металлическую трубу, которая почти сливалась с темным базальтом Стены. Киран приложил к ее основанию губы, издав трубный звук, какой бывает, когда дуешь в рог. Мгновение спустя Зейлан действительно услышала на Стене какое-то движение, а когда подняла голову, увидела наверху двух мужчин, которые через бинокли разглядывали путников.

Исполненная предвкушения и волнения, Зейлан почувствовала трепет в груди. Многие месяцы девушка мечтала оказаться в этом месте, и вот теперь, когда она была здесь, ее терзали страх и беспокойство. Что, если Хранители не заберут ее? Официально на Зейлан все еще висело обвинение в смерти матери Кирана, к тому же она оставила в Мелидриане Ли. С тех пор как капитан Форэш покинул Нихалос, не проходило и дня, чтобы девушка не думала о нем. Она не знала, где он, чем занимается и жив ли еще. Отъезд из города Неблагих для Зейлан был словно удар ножом по сердцу, потому что Ли она была обязана очень и очень многим. Но если Хранительница хотела спасти сама и спасти Кирана, другого выбора у нее не было. К тому же, как бы сердцу Зейлан ни хотелось верить в это, она не знала, вернется ли когда-нибудь Ли из Туманного леса или нет.

Глухие удары колокола прервали поток мыслей Зейлан. Она знала, что это значит. Девушка уже слышала эти звуки, когда Киран вместе с Олдреном и двумя Благими фейри в первый раз посетили Стену. Колокол предупреждал Хранителей, чтобы те приготовились к открытию ворот. Зейлан бросило в жар, и она изо всех сил вцепилась в поводья лошади. От Тобри их отделяло всего несколько шагов.

Киран вновь стал рядом с ней, и ворота открылись. Массивная каменная глыба со стонами и скрипом поползла вверх, постепенно открывая их взорам Хранителей. Зейлан затаила

дыхание, чувствуя, как рядом с ней напрягся и Киран. Даже их лошадь – и та беспокойно цокала копытами.

Наконец она увидела Хранителей, которые стояли по другую сторону Стены, готовые к бою, с оружием наперевес. Губы Зейлан изогнулись в улыбке, когда она увидела Кори Томбелла. Девушка никогда не могла подумать, что вид угрюмого фельдмаршала, который поначалу не хотел, чтобы она служила на Стене, однажды вызовет у нее такую реакцию. Он был таким же высоким, как она запомнила, с вьющимися каштановыми волосами и шрамом, пересекающим бровь.

Сразу за ним стояли генерал Клиффорд, полковник Фэрроу, капитан Ремхолл и лейтенант Глэйд, которых Зейлан знала не очень хорошо. Но помимо них девушка обнаружила Леннона Ситона, Ивара Эстама, Фергуса Макфи и вечно голодного Бриона Пардрея, который тоже был в Нихалосе, но несколько недель назад уже вернулся обратно вместе с фельдмаршалом. Взгляд девушки нашел и знакомые лица других новобранцев. Все они стали значительно крепче с того дня, как Зейлан покинула Стену. Тренировки сделали их плечи шире, а мышцы – тверже.

Во имя Короля, неужели у нее на глазах только что выступили слезы?

Зейлан поспешно сморгнула влагу с ресниц и расправила плечи.

– Вот это да, эльвы меня раздери. Послушница Аларион. – Глубокий голос Кори прогрохотал по плацу, заставляя остальных Хранителей опустить оружие. Сделав шаг к девушке, фельдмаршал протянул руку. А чего она ожидала? Объятий?

Они поздоровались друг с другом, и тогда Томбелл сделал шаг назад и оглядел ее с головы до ног. Зейлан уже несколько дней не смотрелась в зеркало и могла только догадываться, насколько ужасно она, должно быть, выглядела. Кожа ее была грязной, одежда пропитана кровью, и, несмотря на прохладу, Зейлан ощущала запах собственного пота.

– Как ты?

Что ей было ответить на такой вопрос?

– Жива.

Кори рассмеялся:

– О да, вижу! Честно говоря, я уже не ожидал увидеть тебя снова. Я был уверен, что фейри прикажут тебя казнить. Но Ли, видимо, проделал хорошую работу, – сказал Томбелл, оглядевшись в поисках капитана Форэша, и нахмурился, увидев только Кирана.

– Где Ли?

Желудок Зейлан сжался в комок.

– Я... я не знаю.

Взгляд Кори помрачнел:

– Как ты можешь этого не знать?

В словах Томбелла Зейлан отчетливо различила обвинение и порицание ее поступка. Как могла она вернуться без Ли? Девушка пристыженно опустила голову. Она понимала, что ей не стоило отпускать Ли, но, находясь за решеткой, не могла сделать ничего, что могло бы его остановить. Капитан был полон решимости догнать полукровку.

– Это долгая история, – ответил вместо нее Киран, отвлекая внимание фельдмаршала на себя, когда молчание затянулось слишком сильно.

Кори повернулся к нему:

– А вы кто такой?

То, что Томбелл не узнал Кирана, совсем не удивило Зейлан. Фельдмаршал видел его всего пару раз, и теперь этот фейри, с его обрезанными ушами, короткими волосами и шрамами, которые превращали лицо в маску, совсем не походил на прежнего, сияющего красотой принца. Губы Кирана изогнулись в его новой кривой улыбке, но блеск в его глазах ничуть не изменился:

– С момента моей коронации... моей неудавшейся коронации произошло довольно много всего.

– Принц Киран? – озадаченно спросил фельдмаршал.

– Теперь уже просто Киран.

Томбелл перевел взгляд с него на Зейлан, а потом снова уставился на бывшего принца фейри.

– Прошу прощения. Я вас совсем не узнал. Вы очень изменились с тех пор, как мы виделись в последний раз. Что произошло?

– Как уже было сказано, это долгая история, которую мы расскажем вам за едой у костра. Но сначала мы хотим помыться и немного отдохнуть. Мы проделали очень долгий путь.

– Разумеется, – ответил Томбелл. – Свободных комнат у нас сейчас нет, но вы можете разместиться в комнате капитана Форэша. Я провожу вас туда. Следуйте за мной.

Зейлан закатила глаза. Если бы с этой просьбой к фельдмаршалу обратилась она, мужчина посмеялся бы над послушницей и велел бы ей в наказание пробежать пять кругов по полю, попутно рассказывая все, что произошло. Но отказать Кирану он, конечно, не мог.

– Рад, что ты вернулась, – услышала Зейлан голос откуда-то сбоку. Брион.

– А я рада снова оказаться здесь, – улыбнулась она.

Мужчина взялся за поводья ее лошади:

– Позволь мне. Я отведу ее на конюшню.

– Спасибо! – кивнув Хранителю, Зейлан поспешила следом за Кираном, которого фельдмаршал повел в сторону общежитий, то и дело оглядываясь по сторонам. Она словно никогда отсюда и не уходила. С площади слышался звон мечей, что встречались друг с другом в тренировочных боях. Кое-кто из Хранителей дежурил у Стены, коротая время за картами. Чуть поодаль горел костер, и в воздухе витал запах тушеного мяса, которое им подадут вечером.

Зейлан до сих пор не могла поверить, что они действительно добрались до Свободной земли. Сколько раз за последние несколько месяцев она сомневалась в этом? Идти сейчас по этой мерзлой земле было все равно что гулять по облакам – легко и свободно. Впервые за несколько недель Зейлан не нужно было опасаться гвардейцев, эльв и огня.

Они добрались до хижин, где размещались Хранители. Миновав общежитие для новобранцев и рядовых Хранителей, Томбелл провел Кирана в комнату Ли. Зейлан до сих пор в мельчайших деталях помнила, как проснулась в постели капитана после пожара в деревне и отравления ядом эльвы. Тогда Ли сказал, что девушке очень повезло, что она выжила. Сегодня Зейлан гадала, не таилось ли за этим нечто большее, чем простое везение. Возможно, она пережила то отравление так же, как и нападение фейри, которые пытались убить ее в темнице.

Томбелл толкнул дверь.

– Я принесу вам свежую одежду. Душевые находятся в задней части здания. Просто пройдете вперед по коридору. Их нельзя не заметить. Зейлан, твоя кровать в общежитии все еще свободна. В ящике рядом с ней найдешь новую форму и оружие.

Зейлан разочарованно кивнула. Девушка надеялась, что ей, хотя бы на одну ночь, выделят одноместную комнату, чтобы расслабиться от напряжения, но, может, оно и к лучшему. Зейлан вернулась, и теперь ей нужно снова привыкать к повседневной жизни и жизни новобранца. По крайней мере, общежитие было куда лучше темницы в замке Кирана.

– Я даю вам на отдых два часа, до наступления сумерек. Потом, за ужином, вы расскажете нам, что произошло, – сказал фельдмаршал, и на этот раз его слова были приказом, адресованным в том числе и Кирану. Кивнув им обоим на прощание, фельдмаршал направился прочь. Движения его были резки, мышцы – напряжены. Наверное, Томбелл беспокоился за Ли. Фельдмаршал часто делал вид, что капитан действует ему на нервы, и у этих двоих были свои разногласия, но Зейлан знала, что эти двое были очень близки друг другу.

– Ты можешь спать у меня, – предложил Киран, когда фельдмаршал оказался вне пределов слышимости.

– Спасибо, но я лучше присоединюсь к другим новобранцам.

– Точно?

Зейлан кивнула. Если она будет отсиживаться в комнате Кирана, это только вызовет новые вопросы и подозрения. Лучше сразу встретиться с ними лицом к лицу и покончить с этим, чем тянуть и откладывать неизбежное. Поэтому, попрощавшись с Кираном, Зейлан отправилась в общежитие. Ей повезло: помещения были пусты. Все остальные, вероятно, проводили время на тренировках или выполняли другие обязанности.

В комнате пахло затхлыми носками и застарелым мужским потом. Не самая приятная смесь, но Зейлан проигнорировала эту вонь и, собрав свою новую униформу, направилась в душевую. Громко и четко она постучала в дверь. Еще раз. Третий. Четвертый. И только не получив ответа после четвертого стука, она проскользнула внутрь. В душевой Зейлан задвинула засов и сбросила с себя одежду, которую оставалось только сжечь.

Зейлан встала под одним из кранов, спускавшихся с потолка, и включила воду. Она не была теплой, но, по крайней мере, не ледяной. Девушка смыла грязь, от которой уже зудела и чесалась кожа, обсушилась полотенцем и облачилась в свою новую униформу. От старой одежды Зейлан избавилась на обратном пути в общежитие, в котором, к ее неудовольствию, за это время появилось несколько новобранцев. Уже издали она слышала их голоса, смех и звуки снимаемой после долгого тренировочного дня одежды. По этой части своего обучения она определенно не скучала.

Зейлан ступила в комнату, высоко вскинув голову. Первые послушники заметили ее мгновенно, и их голоса тут же стихли. Один за другим в комнате стихали все разговоры и звуки, так что скоро в общежитии стало совсем тихо и слышны были только шаги Зейлан. Взгляды, обращенные на девушку, зудели на ее коже, как грязь, которую она только что смыла.

Внезапно один из послушников выступил вперед. Коротко стриженный, с каштановыми волосами, он смотрел на девушку с таким серьезным выражением лица, которое любому другому могло бы показаться пугающим. Но только не Зейлан, которая ответила ему упрямым взглядом.

– Послушник Санвинс, – кивнула она.

– Послушница Аларион, – ответил Этен, который больше ни секунды не мог оставаться серьезным. Уголки рта парня дрогнули, и на его лице появилась широкая улыбка. Раскинув руки, Этен подошел к девушке и заключил ее в такие крепкие объятия, что ноги Зейлан потеряли контакт с полом.

Она рассмеялась. По крайней мере, один человек на этой Стене был рад снова увидеть ее.

– С возвращением! – Этен наконец выпустил ее из объятий.

– Спасибо, я тоже очень рада вернуться. Что я пропустила?

– Ничего особенного. Мы тренируемся, потом спим. Вот и все.

– Ну, тренировки я вижу, – заметила Зейлан, многозначительно оглядев верхнюю часть тела Этена. Рубашка парня была расстегнута; под ней четко прорисовывались мускулы. Будучи сыном фермера, Этен, который привык работать в поле, всегда был одним из сильнейших новобранцев, но за последние несколько недель его фигура стала еще более впечатляющей.

Щеки Этена тронул легкий румянец.

– Но ты, наверное, все равно лучше меня.

– Это мы можем выяснить.

Этен рассмеялся:

– Завтра. Ты ведь будешь тренироваться с нами, да?

– Само собой. А как же иначе? – Зейлан еще не говорила об этом с фельдмаршалом, но планировала как можно скорее приступить к тренировкам. Нужно было побыстрее наверстать

упущенное. Во время своих визитов в темницу Ли обучал ее теории, а вот практика отошла на второй план.

– Даже не знаю... – Этен смущенно пожал плечами, сунув руки в карманы брюк. То были грубые руки с отчетливо выступающими венами. – В конце концов, ты ведь здесь с принцем Кираном.

Она нахмурилась:

– А при чем тут это?

– Наш большой мальчик хочет сказать, – раздался голос за спиной Зейлан, не дав Этену объясниться. Обернувшись, Хранительница совсем не удивилась, увидев направляющегося к ней Деррина Армвона, светлые волосы которого были зачесаны назад, – что мы все думали, что ты теперь что-то вроде подстилки для Кирана.

Глаза Зейлан сузились. Ни минуты. Ни минуты не прошло, как ей захотелось, как и тогда, вонзить в живот этого благородного дворянина острый кинжал. Хорошие были времена.

– Что? Язык проглотила? – расхохотался Деррин, и следом за ним загоготали его отвратительные дружки.

Крепко сжав руки в кулаки, Зейлан сделала глубокий вдох. Мысленно сосчитала до десяти. Она не позволит себя спровоцировать. В прошлом девушка часто позволяла себе раздражаться и из-за этого постоянно попадала в неприятные ситуации, но те дни остались в прошлом.

– То, чем занимаемся мы с Кираном, тебя совершенно не касается, – ответила она спокойным дружелюбным голосом. – В конце концов, я же не спрашиваю тебя, что за существо ненавидит себя настолько, что позволяет тебе засовывать в себя твою жалкую сосиску.

Челюсти Деррина напряглись.

– Значит, ты признаешь, что трахаешься с этим фейри, как последняя шлюха?

– Лучше быть шлюхой для фейри, чем таким ничтожеством, как ты, – улыбнулась она и, сильно толкнув Деррина плечом, вышла из комнаты. Да, от старых привычек так просто не избавишься, но на этот раз она хотя бы не воткнула в него кинжал. Прогресс, не иначе.

Зейлан вышла на улицу. Теперь она могла отдохнуть перед ужином. Под любопытными взглядами остальных Хранителей девушка прошла по площади, желая, чтобы Ли тоже был здесь. Наряду с Этенем он всегда казался Зейлан ее единственным союзником, но это было не так. По крайней мере, был еще один Хранитель, которому она могла слепо доверить свою жизнь.

Потребовалось некоторое время, но в конце концов Зейлан нашла Готара у склада. Хранитель перетаскивал припасы из королевской кареты в кладовую. Его искривленная осанка стала прямее, мужчина больше не опирался на трость, как в то время, когда Зейлан покидала Свободную землю.

– Вижу, ты оправился после нападения эльвы.

Готар, который как раз взвалил на плечо мешок с мукой, поднял взгляд и, увидев Хранительницу, расплылся в улыбке:

– Какие люди! Неужели пропавшая Хранительница наконец вернулась?

Она улыбнулась, радуясь тому, что мужчина пребывает в добром здравии.

– Хорошо выглядишь.

– Спасибо. Я бы тоже с удовольствием ответил тебе комплиментом, но не хочу лгать.

Зейлан фыркнула:

– Переживи ты все то, через что пришлось пройти мне, ты бы тоже выглядел дерьмово.

Готар поволол мешок с мукой в кладовую.

– Хочешь поговорить об этом?

Подхватив ящик с овощами и фруктами, Зейлан последовала за ним.

– Нет, лучше ты Расскажи мне, что я пропустила. Этен говорит, что все по-старому, но мне что-то не верится. Меня не было довольно долго.

Готар поджал губы:

– Если честно, Этен прав. Здесь все по-старому. Пару раз нас атаквали эльвы. Эти твари были довольно агрессивны, но в остальном... – Он пожал плечами. – Но вот в Амаруне произошло кое-что интересное. Принцесса Фрейя вышла замуж.

– Что? – удивленно встрепенулась Зейлан. – За кого?

– За принца Диглана. Сына императрицы Зеакиса.

– Когда это было?

– Думаю, с месяц назад.

– Как-то быстро, – заметила Зейлан. Принцесса Фрейя ничего не говорила о своей помолвке, по крайней мере во время своего пребывания при дворе Неблагих. А может, и говорила, просто фейри это интересовало так мало, что до Зейлан не дошли никакие слухи. При случае нужно будет спросить Кирана, подумала девушка. Наверняка *сестра* рассказывала ему что-то о своем женихе.

– Да, король Андроис не терял времени даром, – сказал Готар и поплелся обратно к карете. – Ходят слухи, что он хочет использовать армию принца Диглана для нападения на Мелидриан.

Зейлан замерла на середине движения. Нападение на Мелидриан? Возобновление войны? Последняя оказалась настолько разрушительной для обеих сторон, что в последнюю минуту было решено заключить Соглашение, иначе люди и фейри просто уничтожили бы друг друга. Что же изменилось?

– Не переживай, – продолжал Готар, от которого не ускользнуло удрученное выражение лица девушки. – За последние десятилетия это уже не первые слухи о войне, но пока ни один из них не подтвердился. Но даже если это правда, мы не можем сделать ничего, кроме как попытаться остановить его армию.

Так оно и было, и все же эта мысль совсем не успокоила Зейлан. Война никогда не была хорошей идеей и не предлагала решения проблем. Особенно если учесть, насколько непредсказуемым было положение в Мелидриане, особенно – в Нихалосе. Конечно, об этом король ничего не знал. Может, оно и лучше, если он не будет этого знать. Он мог бы ошибиться, посчитав смену власти в Нихалосе слабостью. Зейлан же чувствовала, что дело обстоит как раз наоборот. Кем бы ни был тот фейри, который взшел на трон и женился на Валеске, он был безжалостным и беспринципным. Он готов был идти по трупам.

– Перестань забивать себе голову тем, чего еще не случилось. Пока это всего лишь разговоры и слухи. Даже если Андроис хочет начать войну, ему известно, что без армии Диглана победить он не сможет, а вот чего хочет принц – совсем другой вопрос. Он, наверное, ближайшие несколько месяцев будет проводить свое время только с принцессой и наслаждаться этим.

Оставалось только надеяться, что Готар был прав в своем предположении. Зейлан помогала товарищу разгружать повозку, пока не подошло время ужина. Она едва не умирала с голоду. Столовая была переполнена, и Хранители в поисках места сновали вокруг, словно кучка муравьев.

Зейлан огляделась вокруг, пытаясь отыскать Кирана. Сначала девушка нигде не могла его обнаружить, а потом заметила, что фейри сидит за столом фельдмаршала, и ее шаги сбились с ритма. Кирана было почти не узнать: он избавился от своей грязной и рваной одежды и облачился в темную форму Хранителей. Черный ему шел.

– Приветствую вас, – сказала Зейлан и села рядом с Кираном, чувствуя на себе завистливые взгляды других послушников. Обычно новобранцам не разрешалось сидеть за столом фельдмаршала.

– Ну как? – спросил Киран. – Отдохнула немного?

Покачив головой, Зейлан схватила кусок хлеба, который уже был на столе. Миски пока что были пусты.

– Нет, заходила к старому другу. Еще успею поспать.

Было видно, что Киран не одобрял такого решения, однако фейри промолчал и тоже взял ломтик хлеба. Они слушали, как фельдмаршал и другие старшие Хранители подводили итоги дня, когда наконец начали разносить еду. Каждому положили ровно по два половника мясного рагу. Желудок Зейлан заурчал. Еда восхитительно пахла пряными специями и жиром. Да, Сибил собрала для них кое-какие припасы, но после нескольких дней, проведенных в Туманном лесу, Зейлан чувствовала, что голодна, как эльва.

Зейлан и окружавшие ее мужчины принялись жадно поглощать пищу – не ел только один. Сморщив нос, он разглядывал свою миску, в которой плавали крупные куски картофеля и мяса. Потом с крайней неохотой потянулся за ложкой и помешал густой суп, так, словно перед ним поставили миску, полную навоза.

– Что-то не так с рагу? – спросил фельдмаршал.

На губах Кирана появилась натянутая улыбка:

– Нет, все в порядке.

Зейлан фыркнула, услышав эту очевидную ложь.

– Он не ест мяса.

– О, – проронил Томбелл. – Ну конечно. Мы можем...

– Нет, все нормально. Я привыкну, – прервал Киран фельдмаршала, хотя его неприятие было очевидным. Казалось, фейри даже слегка побледнел.

– Уверены? – уточнил Томбелл.

Киран кивнул, но выражение отвращения на губах Неблагого говорило об обратном, когда он сунул ложку в рот.

Киран жевал медленно и долго, словно его заставили съесть кусок старой кожи. Да сколько можно...

Зейлан отложила ложку, схватила миску Кирана и встала.

– Я скоро вернусь.

– Тебе не нужно...

Бросив на Кирана суровый взгляд, который тут же заставил его замолчать, девушка отправилась на кухню, чувствуя на своей спине удивленные взгляды других Хранителей. Откуда-то донеслось сказанное шепотом Деррина «подстилка». Зейлан крепче вцепилась в миску, продолжая неуклонно идти вперед, хотя больше всего на свете ей хотелось выплеснуть содержимое миски прямо в морду этого уродца. Спустя несколько минут девушка вернулась к столу с тарелкой фруктов, которую поставила на стол перед Кираном.

Тот, казалось, испытал облегчение.

– Спасибо!

– Ешь, – велела она, снова переключившись на свое рагу. Спустя несколько недель поедания только фруктов, овощей и бобов было так чудесно снова ощутить вкус пищи из своего детства. Но долго наслаждаться едой и связанными с ней воспоминаниями Хранительнице не удалось, потому что уже после нескольких ложек фельдмаршал, откашлявшись, окинул ее призывным взглядом:

– Итак, что произошло в Мелидриане?

Зейлан взглянула на Кирана. Тот кивнул девушке, и она начала говорить, а фейри добавил то, что она забывала или не могла знать. Они рассказали о побеге Вэйлина из темницы, решении Ли последовать за ним, восстаниях, убийстве Оноры, нападении на Зейлан и ее бегстве. Фельдмаршал терпеливо слушал, пока столовая вокруг них постепенно пустела. Хранители, один за другим, покидали помещение, отправляясь выполнять свои обязанности. Киран

объяснил, почему он отдал корону Олдрену, а потом они, наконец, рассказали о пожаре, времени, проведенном в доме Сибил, и своих подозрениях, что Олдрен – который вовсе не был Олдреном – устроил пожар, чтобы укрепить свое положение регента Нихалоса.

– Это довольно серьезные обвинения, – заметил Томбелл.

Зейлан кивнула:

– Мы знаем об этом, но он единственный, у кого была причина сделать нечто подобное.

Фельдмаршал сделал глоток из своей кружки. Казалось, сказанное возымело на него действие.

– Спасибо за такой откровенный рассказ. То, что происходит в Нихалосе, заставляет меня задуматься. Я очень надеялся, что при вашем правлении связь между людьми и фейри может усилиться, но мне понятны ваши мотивы отказа от короны, – сказал наконец Томбелл, обращаясь к Кирану.

Глупая болтовня, подумала Зейлан и быстро перешла к сути разговора.

– И что мы теперь будем делать?

– Мы? – сухо рассмеялся фельдмаршал. – Мы, то есть ты и я, ничего не сделаем. Киран волен сражаться за свою страну и корону, но мы – Хранители. Мы не подчиняемся ни одному из королевских домов и служим только Соглашению. То, что делают фейри, нас не касается.

– Но Олдрен...

– Это не имеет значения, – строго прервал ее Томбелл. – Я рад, что ты смогла оставить свои предубеждения относительно принца Кирана, и твое желание помочь достойно уважения. Но мы – Хранители, а не королевская гвардия. Соглашение остается в силе до тех пор, пока мы сохраняем нейтралитет, поэтому я благодарю вас за подробное объяснение и разрешаю Кирану оставаться у Стены, пока он не решит отправиться обратно в Мелидриан. Но это все, что я могу предложить с точки зрения поддержки.

– Олдрен – угроза! – взмолилась Зейлан.

Томбелл тряхнул головой так, словно ему приходилось уговаривать непослушного ребенка.

– Для кого?

Зейлан прикусила язык: фельдмаршал был прав. Для людей и Соглашения Олдрен не представлял никакой непосредственной угрозы, но Хранительнице все равно не нравилась идея позволить ему уйти от ответственности. Этот фейри был опасен. Даже больше, чем эльвы, которые регулярно перебирались через Стену. Ибо он был безжалостен и непредсказуем, а будучи правителем объединенных народов фейри, имел больше власти, чем кто-либо когда-либо с момента заключения Соглашения.

– Вам следует отправиться спать. Сегодня был долгий день, и я хочу, чтобы завтра ты немедленно приступила к тренировкам. Тебе нужно наверстать упущенное, – сказал Кори, поднимаясь со своего места. Зейлан не могла поверить, что этот разговор закончился вот так, но теперь она знала фельдмаршала достаточно хорошо, чтобы понимать, что сегодня он не позволит ее аргументам изменить свое мнение. И все-таки Хранительница не могла так просто отпустить его.

– Кори?

Фельдмаршал повернулся к ней:

– Да?

– Есть еще кое-что.

Он приподнял брови:

– Еще?

Зейлан кивнула.

– А это не может подождать?

– Нет, это важно.

Вздыхнув, фельдмаршал снова сел. Он смотрел на послушницу в ожидании, но Зейлан внезапно растеряла все слова. Говорить с ним об Олдрене было легче, чем о собственных способностях. Ища помощи, Хранительница оглянулась на Кирана, и тот подбодрил ее легкой, едва заметной улыбкой.

Зейлан глубоко вздохнула:

– Могут ли Хранители блокировать магию фейри?

– Что ты имеешь в виду?

– С некоторых пор фейри не могут творить магию в моем присутствии.

Кори нахмурил брови:

– Чепуха.

– Это правда, – заверила Зейлан.

Фельдмаршал с сомнением взглянул на Кирана.

– Так и есть, – сказал тот. – Зейлан заблокировала мою магию, поэтому я не смог подчинить себе землю и воду, когда мы оказались в ловушке огня. Она подавила мои способности.

– И как же вы тогда смогли выйти из огня? – тоном, все еще полным скептицизма, спросил Томбелл.

– Я не знаю... вообще... – призналась Зейлан, глядя на свои невредимые руки. – Когда пламя достигло нас, огонь меня не жег, а словно проникал внутрь. Его тепло просачивалось в мою кожу, как вода в сухую почву. Я поглотила пламя и таким образом проложила нам путь наружу.

Томбелл, пробурчав что-то невнятное, потер подбородок.

– Никогда еще не слышал ничего подобного.

Это было совсем не то, что надеялась услышать Зейлан. Девушка надеялась на ответы, потому что, как бы ни был полезен этот дар в ее деятельности в качестве Хранительницы, незнание смущало ее. Так или иначе, Зейлан отличалась от других Хранителей, в то время как хотелось ей только одного: просто быть одной из них.

– Не может быть, чтобы я была единственной.

– И все же, видимо, это именно так, – с задумчивым видом ответил Томбелл.

– Может, это связано с тем, что я женщина? Быть может, женщины развивают этот дар, когда становятся женщинами-Хранительницами. Тогда понятно, почему этого никто не мог знать, ведь я – первая, – озвучила Зейлан мысль, которая уже приходила ей в голову раньше.

– Это возможно, но крайне маловероятно. Почему женщины должны реагировать на магию иначе, чем мужчины? Если бы это было так, то мужчины и женщины-фейри должны были бы отличаться в своих способностях, так же как алхимики-женщины и алхимики-мужчины, – ответил фельдмаршал и снова взглянул на Кирана: – А у вас действительно не получается творить магию?

– Действительно.

– Можете попробовать?

Киран, как и Зейлан, прекрасно знал, что ничего не выйдет, однако не отказал Томбеллу в этой услуге. Фейри поднял руку, пытаясь, по-видимому, подчинить своей воле воду в кружке, но она оставалась совершенно спокойной, отчего напряженный взгляд Кирана казался нелепым.

– Не выходит, – спустя несколько секунд сообщил Киран, опуская руку. – Моя магия будто исчезла. То же самое было и в Туманном лесу. Я смог использовать магию, только когда Зейлан отделилась от меня на достаточное расстояние.

– Это очень странно и удивительно, – произнес фельдмаршал, который только сейчас, казалось, безоговорочно им поверил. – Я поговорю с несколькими другими Хранителями и попытаюсь что-нибудь узнать, но я еще никогда за все эти столетия не встречал Хранителя с

таким даром. Так что будет лучше, если ты пока не станешь рассказывать другим новобранцам об этой своей способности.

Зейлан кивнула: она в любом случае не собиралась этого делать. Однако девушка искренне надеялась, что фельдмаршалу удастся что-нибудь выяснить. Кори пожелал им спокойной ночи, и Зейлан с Кираном остались в столовой одни. В большой комнате было пугающе тихо, в то время как мысли Зейлан становились просто устрашающе громкими.

– Эти два разговора были довольно бессмысленны, – сухо заметил Киран.

Зейлан повернулась к нему:

– Что ты теперь будешь делать?

– В отношении чего?

– В отношении Олдрена.

– Пока не знаю, – устало ответил Киран.

– Мы обязательно найдем решение.

Киран поднял брови:

– То есть ты мне pomoжешь?

Зейлан кивнула.

– Но ведь фельдмаршал запретил тебе это делать.

– Знаю, но мне никогда особенно хорошо не удавалось следовать приказам, – с улыбкой ответила она.

Быть может, Олдрен и не был проблемой Хранителей, но после того, как этот фейри попытался убить их, он стал ее личной проблемой. Зейлан не могла так просто смириться с покушением на свою жизнь.

Киран вернул ей улыбку:

– Спасибо!

– Рано благодарить, я еще ничего не сделала.

– Это неправда. Ты сделала для меня больше, чем кто-либо другой, – возразил Киран, и его улыбка стала теплее и нежнее.

Внезапно рука фейри коснулась ее лица. Легким, как перышко, прикосновением Киран убрал прядь ее волос за ухо, нежно дотронувшись пальцами до щеки. В груди Зейлан распространилось странное чувство, и словно наваждение, девушку с головой накрыли воспоминания об их поцелуе. Стало очень тепло, и возникло стремление, желание наклониться вперед и соединить губы Кирана со своими губами...

Испугавшись собственных мыслей, Зейлан вскочила на ноги.

– Пора спать, – торопливо выпалила она. – Как сказал фельдмаршал, сегодня был долгий день, да и мне следует отдохнуть, если я хочу не отстать от других на завтрашних тренировках.

Лицо Кирана приняло озадаченное выражение, но спорить он не стал. Зейлан отправилась в общежитие, а бывший принц Неблагих – в комнату Ли. Спальное помещение было наполнено голосами и смехом послушников, которые – наверное, из-за холодов – в полном составе находились в комнате. На миг Зейлан задумалась о том, не повернуть ли обратно, чтобы вернуться только тогда, когда погасят свет, но не хотела давать идиотам вроде Деррина такую власть над собой. Поэтому она вошла в помещение и направилась к своей кровати. Кое-кто из послушников уже спал, другие читали или писали письма, третьи играли в карты или тихо беседовали между собой.

Подойдя к своей койке, Зейлан остановилась. После недолгих колебаний она сняла униформу, оставшись лишь в одной тонкой рубашке и нижнем белье. Взгляды всех остальных послушников сжигали ее кожу, словно огонь. Зейлан молча сложила униформу и забралась в кровать.

– Что, и это все? – спросил один из послушников. На этот раз ее задевал не Деррин, но это никак не улучшало ситуацию. Такое поведение показывало лишь то, что все они одинаковы. Зейлан натянула одеяло повыше и вцепилась в тонкую ткань так крепко, как только могла.

– Я думал, что сегодня мы наконец-то увидим больше, – прокричал другой.

– Да, давай, расслабься, нечего стесняться, – вклинился третий.

Мужчины расхохотались.

– Помочь тебе раздеться? – спросил еще какой-то новобранец. Или это вообще был кто-то из уже обученных Хранителей? Зейлан точно не знала. Знала она только то, что ее сердце бьется слишком быстро, ладони чересчур влажные, а одного кинжала явно недостаточно, чтобы удержать целую орду Хранителей, если они набросятся на нее ночью.

– Оставьте ее в покое, – велел Этен. – Она не проститутка, а одна из нас.

– Ну уж нет, – все-таки вмешался Деррин. – Она – шлюха, подстилка для фейри.

– На твоём месте я бы не стала так широко разевать свою варежку, а то, глядишь, какой-нибудь кинжал снова угодит тебе в живот. Ты ведь не хочешь этого?

– Ты мне угрожаешь?

– Нет, просто предупреждаю – как равнодушный товарищ.

Зейлан не могла видеть Деррина, но представляла себе его разгневанное лицо. К ее облегчению, после предупреждения Этена все остальные заткнулись. Через некоторое время свет в комнате был потушен. Она закрыла глаза, надеясь поскорее заснуть, чтобы наконец обрести хоть малую толику заслуженного отдыха. Зейлан казалось, что за последние несколько дней она ни разу не сомкнула глаз, хотя караулили они с Кираном всегда по очереди.

Но, как девушка ни надеялась уснуть, сон к ней все не шел, потому что она по-прежнему была настороже. Но теперь Зейлан боялась не эльвы, а мужчин, с которыми делила эту комнату и которые представляли почти такую же огромную опасность. Мышцы девушки были напряжены, она прислушивалась к каждому звуку – а их было много. Со всех сторон раздавались кашель, фырканье, хрипы и храп.

Раздраженная, Зейлан перевернулась на другой бок и прижала ладони к ушам, стараясь перекрыть поток звуков. Ничего не вышло. На некотором расстоянии от ее кровати двое Хранителей еще разговаривали друг с другом, и еще Зейлан услышала глубокий стон, будто кто-то из мужчин мастурбировал, удовлетворяя себя самостоятельно. Непрошенная мысль закралась в голову. Что, если он при этом думал о ней? Зейлан затошнило, едва она подумала об этом.

Здесь Зейлан точно не уснет. Слишком велик был страх, что она проснется с чьими-то нежелательными руками на своем теле. Девушка откинула одеяло и поднялась с кровати.

– Куда ты? – спросил Этен.

– Принесу себе попить, – солгала она, медленно пробираясь через комнату, освещенную только тусклым светом лун. Она отчетливо ощущала на себе взгляды Хранителей, но проигнорировала их. В коридоре, освещенном керосиновыми лампами, она ускорила шаги. Тихий голос в голове спросил Зейлан, не разумнее ли было бы повернуть назад и провести ночь на дереве. Она ведь много лет спала под открытым небом. Впрочем, тогда у нее и в мыслях не было лечь в теплую постель, в отличие от сегодняшнего дня.

Зейлан добралась до комнаты Ли, но едва подняла руку, чтобы постучать, как дверь распахнулась, и она оказалась лицом к лицу с Кираном. В свете свечей, что горели у него за спиной, фейри смотрел на нее сверху вниз. Киран уже снял рубашку, и Зейлан беспрепятственно окинула взглядом его обнаженный торс. В центре его груди находился треугольник Стихии Огня, который фейри вырезал на своей коже во время коронации. Под ним, словно зеркальное отображение, располагался символ Стихии Воды.

Но теперь это были не единственные его шрамы. Так же как и лицо, вся левая половина его тела была изрисована шрамами. Расплавленная и зажившая кожа ползла по груди бесформенными вихрями. Зейлан уже не раз видела эти шрамы, когда они жили у Сибил, но от этого

смотреть на них не становилось легче. Она ненавидела Олдрена – или кем он там был – за то, что тот сделал с Кираном.

Киран сделал шаг в сторону:

– Входи.

Зейлан шмыгнула мимо фейри в комнату:

– Ты ждал меня?

Киран закрыл дверь и приблизился к девушке:

– Я знал, что ты придешь.

– Откуда?

– Я только что практиковался в магии, а потом произошло это... – Он указал на лужу воды на полу и тихо рассмеялся. – Вот я и понял, что ты придешь. Чего я не знаю, так это почему ты здесь.

Она взглянула на него. Оранжево-желтый свет мерцал в чертах его лица, которые теперь были девушке так знакомы, что, глядя на Кирана, она больше не испытывала ни ненависти, ни недоверия, ни даже презрения. Да, Киран был фейри, но он был и ее другом.

– Можно мне переночевать здесь?

В глазах Кирана мелькнуло что-то неуловимое. Мелькнуло и тут же пропало.

– А разве ты не хотела присоединиться к другим новобранцам?

– Забудь о них, – сказала Зейлан, садясь на кровать. На секунду девушка замерла, но, когда Киран не сделал никаких попыток прогнать ее, скользнула под одеяло. Она была полностью вымотана.

На мгновение Киран застыл на месте, а потом принялся расхаживать по комнате, задувая одну свечу за другой, пока их не окутала полная темнота.

Во мраке ночи Киран лег рядом с девушкой. Кровать Ли была невелика, и, казалось, было совершенно невозможно устроиться под одеялом вдвоем, не касаясь друг друга, и тем не менее Зейлан старалась сохранять дистанцию. Границы между ними в последнее время стали опасно размытыми. Но под весом Кирана кровать прогнулась, невольно приблизив их друг к другу. Зейлан чувствовала жар тела юноши и его дыхание – почти рядом с ее ухом. Вздвогнув, Хранительница повернулась к фейри спиной и все равно чувствовала взгляд, который покалывал в ее затылке, и замечала малейшее движение его тела.

В хижине Сибил Зейлан часто ложилась рядом с Кираном, но то было другое. Тогда он не знал о ее присутствии. Однако теперь фейри ощущал ее близость, что заставляло саму Зейлан воспринимать себя более осознанно. Но, возможно, это только из-за глупой болтовни других Хранителей...

Внезапно сильная рука Кирана обхватила Зейлан за талию, и фейри своей теплой грудью прижался к ее спине. Она замерла, но осталась лежать. Прежняя Зейлан тут же подскочила бы и кастрировала бы Кирана своим кинжалом. Кинжала у нее при себе не было, потому что мысль пойти к нему казалась такой безопасной по сравнению с перспективой остаться в общежитии, что Хранительница даже не подумала о том, чтобы взять с собой оружие.

– Расслабься, – пробормотал Киран ей на ухо. – Ты в безопасности.

Он еще теснее притянул Зейлан к себе. Она почувствовала, как фейри зарылся лицом в ее волосы, и сделала глубокий, спокойный вдох. Потом еще один. И еще.

Зейлан больше не обращала внимание на трепет в груди, целиком сосредоточившись на Киране. Наконец спокойствие Неблагого передалось ей, и веки девушки отяжелели. Какая-то ее часть, которая не хотела засыпать в объятиях фейри, боролась с этим. Но другая, большая часть сознания, доверяла Кирану, и Зейлан в конце концов погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Глава 15 – Киран

– Свободная земля —

Сквозь полуприкрытые веки Киран смотрел, как Зейлан надевает свою форму. Вот уже третью ночь девушка проводила в его постели, и это утро было вторым, когда фейри наблюдал, как она одевается. В том, как эта Хранительница надевала свою униформу, было даже что-то благоговейное. Она зашнуровывала кожаный нагрудник, который был призван защищать ее сердце от лезвий и когтей, так осторожно, словно он мог рассыпаться под прикосновениями ее пальцев.

– Почему ты так рано встала? – сонным голосом спросил Киран.

Зейлан подняла взгляд. На лице девушки мелькнули и почти тут же исчезли вина и раскаяние, но он все равно успел заметить быструю перемену в ее лице.

– Мне нужно на тренировку.

– Еще даже солнце не взошло.

– Я хочу подготовить оружие.

Киран сел на постели, и одеяло соскользнуло с его обнаженной груди.

– Это Томбелл тебе приказал?

– Нет.

Киран скривился. Каждое утро Зейлан была первой, и каждый вечер – последней послушницей на площади. Она работала вдвое больше и сражалась, по крайней мере, в пять раз лучше, чем большинство других новобранцев, однако получала лишь малую толику признания.

– Тебе не нужно ничего доказывать фельдмаршалу и этим мужчинам. Ты отличная Хранительница.

– Спасибо, но ты ошибаешься. Спи. – Она взяла меч, который подпирал дверь, но вместо того, чтобы пристегнуть оружие к поясу, посмотрела на него, как на заплесневелое яблоко.

Киран перекинул ноги через край кровати.

– Что-то не так?

– Мне просто не хватает моих лунных серповидных ножей, – ответила она, пристегивая магический меч, связанный со Стихией Воды, к своему поясу. – Я купила его целую вечность назад на рынке в Амаруне. С тех пор они множество раз спасали мне жизнь. А потом я потеряла их в схватке с эльвой.

– Мне очень жаль. Трудно найти хорошее оружие.

Зейлан разочарованно улыбнулась и вышла из комнаты, не сказав больше ни слова. Желудок Кирана превратился в комок ярости. Ему нравилось делить с этой девушкой свою постель. Нравилось ощущение ее теплого, мягкого тела рядом, нравилось, что ее красивое лицо было первым, что он видел, просыпаясь утром. Однако Киран не был ни слепым, ни глухим и безмерно ненавидел то, как другие Хранители разговаривали с Зейлан. Ненавидел те ужасные слова, которые мужчины бросали ей в лицо только потому, что Зейлан предпочитала спать с ним, а не в зловонной комнате, полной Хранителей, которые не видели в ней ничего, кроме куска мяса, хотя эта девушка могла кастрировать большинство из них безо всяких усилий.

Прошлым вечером он спросил Зейлан, не мешает ли ей такое обращение Хранителей. Она пожала плечами, заверив, что ей приходилось выслушивать подобные оскорбления и до поездки в Нихалос, но это никак не улучшало ситуацию. Кирану хотелось предпринять что-нибудь против этих мужчин, но он был уверен: Зейлан не понравится, если фейри будет сра-

жаться за нее. Поэтому Киран сдерживал свои порывы, хотя временами это давалось с большим трудом.

Не двигаясь, он продолжал сидеть на кровати, ожидая возвращения своей магии. Потом, подняв руку, призвал воду из таза, просто чтобы проверить, что его силы все еще действуют. Затем Киран надел свою форму Хранителя и направился в столовую. Взяв себе свежих фруктов и миску овсяной каши, фейри уселся за стол в одиночестве. За каждым его движением пристально следили Хранители, сидевшие в столовой за завтраком.

Киран, не обращая на это внимания, думал о том, что ему предпринять против Олдрена. Пока что он пребывал в растерянности. Олдрен был не только правителем Неблагих, который на следующее зимнее солнцестояние станет королем, но, благодаря Валеске, уже стал королем Благих, а значит, самым могущественным фейри Мелидриана. Разговор ни к чему не приведет, а других средств, чтобы противостоять Олдрену, у Кирана просто не было. Для этого бывшему принцу нужна была помощь гвардии или Хранителей, но ни на то, ни на другое он рассчитывать не мог. Если бы только удалось доказать, что Олдрен – не тот, кем все его считают! Но как это сделать? Олдрен, конечно, не признается в этом сам и немедленно велит казнить Кирана, если принц станет обличать его.

Возможно, фельдмаршал был прав и лучше было бы не делать ничего. В конце концов, Олдрен не виноват ни в чем, если не считать того, что он попытался убить его, Кирана. Это ведь не означало, что новый правитель Неблагих был плохим королем для своего народа, а Киран теперь был в безопасности, с Хранителями. Возможно, со временем бывшему принцу даже удастся убедить Томбелла принять его в послушники.

От всех этих раздумий у Кирана даже заболела голова, но, к счастью, решение ему нужно было принимать не сегодня и не завтра.

Он вышел из столовой и ступил во двор перед Стеной. Взгляд фейри скользнул по каменному колоссу. Киран отчетливо помнил свое первое посещение Свободной земли. В то время он был представлен Хранителям как принц Талон, и базу он осматривал вместе с королем Андроисом. Тогда он так гордился, что наконец посетил Стену. Сердце бешено колотилось, а кожу покалывало, будто он окунал руку в ведро с ледяной водой. В то время Талон решил, что это из-за волнения, но сегодняшний Киран знал, что это покалывание было признаком магии, которую он утратил в Амаруне. Вблизи Мелидриана она ожила и скоро привела к нему Неблагих.

Киран шел по площади, и вокруг него суетились Хранители, деловито выполнявшие свои обязанности. Среди них фейри обнаружил Зейлан. Девушка была уже не одна. Рядом с Хранительницей находился Этен и еще добрая дюжина других мужчин. Тренировка началась. Разбившись по парам, Хранители сражались друг с другом, а капитан Ремхолл, шагая между рядами, делал замечания, указывая на ошибки. Дойдя до Этена и Зейлан, он какое-то время смотрел на их схватку, затем что-то сказал Этену, молчаливым кивком похвалил Зейлан, а затем перешел к следующей паре новобранцев. Лицо Кирана озарилось гордой улыбкой.

– Принц Киран, – прозвучал рядом с ним глубокий голос фельдмаршала.

– Просто Киран.

– Простите, привычка... – улыбнулся Томбелл и тоже обратил свое внимание на послушников. Скрестив руки за спиной, он наблюдал за тренировочными боями. – Я слышал, Зейлан снова провела ночь в вашей постели.

Киран покосился на фельдмаршала:

– Это вопрос?

– Нет, но что бы вы с ней ни делали в этой комнате... это ошибка.

Киран сжал руки в кулаки. Он ценил Томбелла. Фельдмаршал был хорошим человеком, и было очевидно, что он заботится о благополучии своих людей, но то, что происходило между

Кираном и Зейлан за закрытыми дверями, его совершенно не касалось. Особенно если этот мужчина пришел осудить ее.

– Мы ничего не делаем, – ответил, тем не менее, Киран, потому что знал, что Зейлан захочет, чтобы он это сказал. – Мы просто спим.

Фельдмаршал поднял свою перерезанную шрамом бровь:

– И я должен в это поверить?

– Зачем мне вам лгать?

Томбелл развернулся к Кирану. Другие Хранители смотрели на фейри со страхом и презрением, но фельдмаршал – нет. Его взгляд встретил взгляд бывшего принца.

– Если с вами она просто спит, то почему тогда не проводит ночи в собственной постели?

– Может, потому, что в собственной постели она находится в окружении мужчин, которые обзывают ее шлюхой.

– Но лишь по той причине, что она проводит ночи с вами.

– Нет, ко мне это не имеет никакого отношения. Ваши люди ведут себя так с тех пор, как Зейлан появилась на Стене...

Томбелл снова посмотрел на послушников, и хотя Киран не знал этого точно, он подозревал, что фельдмаршал наблюдает за Зейлан.

– Разве можно винить их в этом? Зейлан – красивая женщина.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Киран. – Что она сама виновата в том, что ее оскорбляют?

– Нет, но она знала, во что ввязывается.

– Она принимает насмешки и оскорбления, потому что в противном случае ее могло бы здесь и не быть, но это не значит, что нужно заставлять ее терпеть. Вы обязаны учить своих Хранителей быть не только способными воинами, но и хорошими людьми. Ни один мужчина из моей гвардии не позволил бы себе так неуважительно отнестись к гвардейцу-женщине.

Уголки рта Томбелла дрогнули:

– Но мы ведь не фейри, а люди.

– Прежде всего вы – Хранители, а поведение ваших мужчин вредит Зейлан, а значит, и защите Свободной земли. Подумайте об этом, – сказал Киран. Высказав все это фельдмаршалу, Киран развернулся и пошел искать себе занятие, надеясь, что этот разговор не дойдет до ушей Зейлан, потому что такое вмешательство со стороны принца могло навлечь на него ее гнев. Но как ни смела или храбра была Зейлан в битве, как бы ни относилась она к другим новобранцам, уважение к Томбеллу и страх быть изгнанной со Свободной земли не позволяли ей высказать правду. Потому что это место было единственным домом, который она знала.

На улице стоял холод, но со лба Кирана капал пот. Подняв над головой топор, он с размаху разрубил полено пополам. Для рубки дров он мог бы воспользоваться и своей магией: резкий порыв ветра или ледяной клинок сделали бы эту работу за него, но физический труд ему нравился. Он помогал фейри разобраться в своих мыслях. Разговор с фельдмаршалом никак не выходил из головы Кирана: он все думал и думал об Олдрене. Не только о том властолюбивом правителе, которым он стал, но и о том Олдрене, который был его другом. Киран с тоской вспоминал то время, которое они проводили вместе, гадая, когда же Олдрен перестал быть самим собой. Это было после коронации? Или до? Киран вспомнил один из последних разговоров с тогда еще своим другом и то, как Олдрен призывал его отказаться от своего места на троне.

Ты можешь снять корону в любой момент, – говорил он. В тот момент Киран почувствовал, что лучший друг понимает его, как никто другой. Сегодня он гадал, не было ли это всего лишь холодным расчетом, чтобы убрать его с дороги.

Киран ощутил во рту привкус горечи и уже готовился разрубить очередное полено, когда вдруг новое воспоминание, почти погребенное под слоем пепла, всплыло в его сознании. Оно

вернулось так же внезапно, как и воспоминание о поцелуе с Зейлан. Они с Олдреном, вдвоем, стоят в его комнате. Олдрен, который согласился занять трон. И Темные...

Киран вздрогнул. *Во имя короля!* Нужно немедленно поговорить с Зейлан! Он размахнулся и со всей силы всадил топор в деревянную колоду, а потом помчался на площадь. Но послушников там уже не было. Солнце уже стояло высоко в небе, поэтому ноги понесли Кирана дальше, в переполненную столовую. Фейри лихорадочно огляделся, ища взглядом Зейлан. Девушки нигде не было видно, зато взгляд Кирана нашел Этена.

– Где Зейлан? – спросил он без всякого приветствия.

Этен поднял глаза от своей миски:

– По-моему, она пошла в душ.

– Спасибо! – Киран выскочил из столовой и направился в сторону отапливаемой хижины. Из дымохода поднимались клубы дыма. Он толкнул дверь, но в последнюю секунду остановился.

– Зейлан? Ты там?

Никакого ответа.

– Зейлан?

– Что такое?

Киран развернулся. Девушка стояла у него за спиной. Распущенные черные волосы падали ей на плечи, щека была в грязи, словно во время тренировки Хранительница частенько оказывалась на земле. Форму Зейлан сняла, оставшись в черной рубашке и таких же черных льняных брюках. В руках девушка держала банное полотенце.

– Ты – Темная.

Она моргнула:

– Что?

Киран шагнул ближе. Сердце его бешено колотилось. Несмотря на потогонные тренировки, пахло от нее по-прежнему приятно.

– Я кое-что вспомнил. Когда я спросил Олдрена о твоём даре, он сказал, что однажды читал трактат о том, что так называемые Темные обладают этой способностью. Он захотел поговорить об этом с тобой, поэтому мы и пошли к тебе.

Киран не знал, на что рассчитывал, но уж точно не на разочарованную улыбку, появившуюся на губах Зейлан.

– Мне жаль говорить это, но Олдрен тебе солгал.

– Откуда тебе это известно?

Зейлан, миновав его, шагнула к хижине.

– Потому что Темных знают все. Они – преступная банда, а не... что бы то ни было иное. Они не такие, как я. Это убийцы, воры и насильники, и единственный дар, которым они обладают, – распространение страха и ужаса по всей Тобрии.

Киран нахмурился. Он почувствовал, как его охватывает разочарование, но еще – вспомнил, что название этой группы людей показалось ему знакомым еще тогда, в разговоре с Олдреном. Теперь Киран понял почему. Конечно, он слышал еще тогда, когда был Талоном.

– Он говорил так убедительно.

– Он, наверное, скормил тебе эту ложь, чтобы ты привел его ко мне.

– Наверное, ты права. – Киран запрокинул голову. В небе над ним расстилалась туча. Закрывая солнце, она постепенно погружала Свободную землю в сумеречные тени. – Я так глуп и наивен.

– Это не так. Ты просто веришь в хорошее в людях... и в фейри.

– Ну и как это называется? Наивность.

– Нет, это чудесно. Хотела бы я быть хоть немного похожей на тебя. Знаешь, как утомительно, когда никому не доверяешь? Когда ты всегда начеку и каждую секунду ждешь, что тебя предадут или обидят?

Киран взглянул на девушку:

– Ты говоришь о новобранцах?

Но Зейлан не успела ничего ответить, потому что в этот момент раздался громкий удар колокола, который разнесся по всей базе. За ударом последовали крики Хранителей. Их возбужденные голоса и быстрые шаги эхом отзывались в воздухе, когда мужчины по тревоге выбежали на площадь.

– Нас атакуют? – спросил Киран.

Зейлан покачала головой:

– Нет, при нападении колокол бьет не единожды.

– Тогда что это такое?

– Я не уверена, но, возможно, по ту сторону Стены ожидает какой-то посетитель, – ответила она с явным напряжением в голосе.

– Ты думаешь, Олдрен последовал за нами?

Зейлан отыскала его взгляд:

– Вот сейчас и выясним.

Они не бросились на площадь или к воротам вместе с другими Хранителями, оставшись на заднем плане, зная, что им придется бежать в леса, если сюда явится Олдрен.

Киран напрягся и затаил дыхание, когда фельдмаршал отдал приказ открыть ворота. Медленно тяжелая каменная махина поползла вверх, открывая взору вновь прибывших. Зейлан рядом с ним всхлипнула, и тут фейри понял, что по ту сторону Стены ждет не Олдрен, а Ли. Даже на расстоянии Киран сумел разглядеть на лице капитана Форэша явное облегчение, когда тот увидел своих товарищей. Однако Ли пришел не один. Рядом с ним стоял мужчина, и, узнав его, Киран застыл. Ибо у Стены вместе с Хранителем стоял полукровка, который покушался не только на жизнь Кирана, но и, по словам Зейлан, был виновен в смерти его матери.

Что он здесь делал?

Глава 16 – Зейлан

– Свободная земля —

Зейлан смотрела, как Ли вместе с полуэльфом шагнул в ворота. Хранители опустили оружие, Томбелл выступил вперед. Он протянул Ли руку, но Ли не пожал ее, а обхватил фельд-маршала руками в яростном объятии. Томбелл не воспротивился. Несколько секунд мужчины простояли, крепко обнявшись, пока наконец не отстранились друг от друга. Они что-то говорили, одни слова сменялись другими, но Зейлан ничего не могла понять: уж слишком громко шумело у нее в ушах. Ибо радость девушки видеть Ли, живого и здорового, была омрачена ее ненавистью к полукровке. Но ведь должна была существовать причина, по которой Ли привел его к Стене. Возможно, он хотел, чтобы этого убийцу казнили здесь за то, что Зейлан неделями тухла в темнице Неблагих. Против этого она не станет возражать, да и Киран тоже.

– Что здесь делает полуэльф? – спросил Киран.

– Не знаю, но, думаю, скоро выясним, – отозвалась Зейлан. Покинув свое укрытие, девушка, вскинув голову, вышла на площадь. Заметив ее, остальные Хранители отошли в сторону и освободили ей дорогу к Ли. Умные парни.

– Нужно созвать кризисный Совет, – услышала Зейлан слова Ли. – И немедленно уведомить короля и гвардию. Я не знаю, сколько у нас осталось времени.

– Все это нужно спокойно обсудить, не делая поспешных выводов, – ответил фельдмаршал.

– Кори, это... – Ли резко замолчал, когда его взгляд упал на Зейлан. Девушка буквально видела, как страх, напряжение и беспокойство покидают его тело. Какое-то мгновение Ли просто смотрел на нее, а затем рванулся вперед, протиснувшись мимо Томбелла, и, не успев Зейлан сообразить, что произошло, как уже оказалась в его объятиях. Железной хваткой, куда сильнее, чем Этен, капитан Форэш стиснул девушку в своих объятиях и зарылся носом в ее волосы. От него пахло потом, кровью и грязью – вонью, которая Зейлан была до боли знакома. И все же, не обращая внимание на зловоние, Хранительница ответила на объятие, на мгновение забыв о том, кто едва не лишил ее жизни.

– Ты жива! – Теплое дыхание Ли коснулось ее шеи.

– Ты тоже, – улыбнулась Зейлан.

Наконец Ли выпустил девушку из объятий, но не отступил, так что Зейлан пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на Хранителя. Она уже не ждала, что снова посмотрит в эти светлые глаза, которые всего за несколько месяцев стали ей такими родными.

– Мы были в Нихалосе, и нам сказали, что ты мертва.

– Будь это так, Кирану не удалось бы помочь мне бежать.

Взгляд Ли затуманился.

– Я очень сожалею о том, что случилось с принцем.

Кто-то кашлянул за спиной Ли, и это привлекло внимание Хранителя. Озадаченный, он непонимающе уставился на человека со шрамами, который прервал их разговор. Наконец до него дошло.

– Киран? – недоверчиво произнес Ли, делая шаг навстречу принцу.

Тот ответил Хранителю своей кривой улыбкой:

– Привет, Ли!

– Что с тобой произошло?

– Долгая история.

Ли непонимающе тряхнул головой, внимательно изучая изрытое шрамами лицо Кирана. Ему они были в новинку, Зейлан же за время пребывания у Сибил настолько привыкла их видеть, что уже почти не замечала.

– Почему же в Нихалосе думают, что ты мертв?

– Потому что они должны так думать, – ответила вместо Кирана Зейлан, подходя к мужчинам и ощущая на себе взгляды других Хранителей и полукровки.

Лоб Ли прорезали глубокие морщины:

– Почему?

Киран усмехнулся:

– Я же говорю: долгая история.

– Мне кажется, вам всем есть что рассказать, – сказал фельдмаршал, подходя к ним. Его рука опустилась на плечо Ли: – Мы встретимся в комнате для переговоров через час и тогда поговорим. Ли, сейчас в твоей комнате спит Киран, но тебе мы найдем другое место, где ты сможешь ночевать.

– А как насчет Вэйлина? – спросил Ли.

Все повернули головы в сторону полукровки, который до сих пор хранил молчание. Зейлан судорожно сжала кулаки. Наконец-то она оказалась лицом к лицу с этим ублюдком, и их не разделяла никакая перегородка. В коридоре дворца он, застав ее врасплох, одержал верх, но больше этого не случится. Зейлан проклинала себя за то, что появление мужчин пришлось на то время, когда она шла в душ и при ней не было меча. Будь у нее оружие, она бы покончила с жизнью Вэйлина здесь и сейчас, потому что он не заслуживал жить ни секунды дольше.

– Ему тоже выделим комнату, – ответил Томбелл на вопрос Ли.

Зейлан замерла. Полуэльфа следовало отправить в темницу или сразу на эшафот, но уж точно не в одну из одноместных комнат, что имелись на базе. Взгляд девушки метнулся к Ли, но тот, похоже, был согласен с фельдмаршалом.

Да что же это такое, во имя Короля?! Бессмыслица какая-то. Полукровка – убийца! Однако Зейлан молчала, проглотив слова, которые вертелись у нее на языке. Она доверяла суждениям Ли и решила дать ему шанс объясниться, прежде чем выкладывать фельдмаршалу, что натворил полукровка.

– Увидимся через час, – повторил Томбелл и двинулся прочь. На ходу фельдмаршал потер лоб, словно бурные события последних нескольких дней вызвали у него головную боль. Другие Хранители, постояв еще несколько мгновений, тоже разошлись по своим постам. Некоторые из них поприветствовали Ли, но никто не остановился. На площади остались только Зейлан и Киран.

Тело Зейлан дрожало от напряжения, а руки девушки были так крепко сжаты, что ногти оставляли на коже следы в виде полумесяцев. Жалкий полукровка. Хранительница поклялась убить его, если однажды столкнется с ним лицом к лицу так, что их не будут разделять железные прутья решеток. Зейлан хотелось выцарапать Вэйлину глаза, но Ли, словно прочитав ее мысли, быстро встал между ними и успокаивающе выставил руки перед собой:

– У тебя, наверное, много вопросов.

– Всего один: что он здесь делает?

– Может, обсудим это мирно?

– Я никуда с ним не пойду.

– Зейлан, пожалуйста, – едва слышно взмолился Ли, и она поняла, что выполнит любое его желание. Ли всегда был на ее стороне, всегда был рядом. С самого первого дня он поддерживал юную послушницу, как никто другой. Ради Зейлан Ли остался в Нихалосе и, рискуя своей жизнью, последовал за полукровкой, чтобы обелить ее имя.

– Согласна, но делаю я это только ради тебя.

– Спасибо! – мягко улыбнулся Ли.

Зейлан взглянула на Кирана. Тот кивнул ей, и они с Вэйлином и Ли все вместе направились в его комнату. Конечно, девушка представляла себе воссоединение с Ли совершенно иначе, но была благодарна хотя бы за то, что он вернулся живым, потому что так у нее оставалась возможность однажды выплатить долг. Кроме того, без капитана Форэша Свободная земля была бы куда более мрачным местом.

Киран запер дверь на засов, и некоторое время единственным звуком в комнате, которая казалась заметно меньше, когда в ней находились четыре человека, был свист ветра, пробивающегося сквозь трещины в деревянных стенах. А может, комнату просто переполняло напряжение, и от этого казалось, что она превратилась в маленькую, удушливую коробку. Киран сел на кровать, Ли встал перед камином, а Вэйлин сжался в самом дальнем от Зейлан углу, словно боялся ее. Вот и пусть боится. Хранительница скрестила руки на груди:

– Так зачем ты его сюда привел?

– Потому что он невиновен, – вздохнул Ли.

– Значит, он не убивал мою мать и не пытался убить меня? – спросил Киран. Зейлан восхищалась его спокойствием и хладнокровием, но, вероятно, именно это отличало принца от таких людей, как она.

– Нет, он сделал это, но все не так просто, – произнес Ли, посмотрев на Вэйлина, который до сих пор не произнес ни слова. Многозначительные взгляды, которыми они обменялись, не понравились Зейлан. – Он сделал это не по своей воле – его вынудили. Он – кровный раб.

Киран резко втянул в себя воздух.

Зейлан, напротив, даже не пошевелилась. Никогда раньше она не слышала ничего подобного.

– Что это значит?

– Кровные рабы – это жалкие создания, проклятые магией крови, – ответил Киран, не сводя с полукровки глаз. – Проклятие связывает их с хозяином или хозяйкой так, что они не могут не подчиняться приказам. Заклятия крови были запрещены еще до войны. Они унизительны.

Ли кивнул.

– Вэйлин не может об этом говорить, но я предполагаю, что именно поэтому он и убил твою мать, и тот человек, который приказал ему это сделать, желал и твоей смерти. Если Вэйлин умрет, мы никогда не сможем узнать, кто его хозяин или хозяйка. Вот почему мы здесь.

– И он не может говорить о своих деяниях? – спросила Зейлан.

– Нет.

– Это делает его довольно бесполезным.

– Он не бесполезен! – запротестовал Ли, подходя к полукровке так, словно хотел защитить его.

Она покачала головой:

– Проклят он или нет, он все равно убийца.

– Но ведь и жертва тоже.

Зейлан не могла поверить в то, что слышала. Ли рисковал собственной жизнью, чтобы схватить полукровку и отдать его под суд, а теперь хотел его пощадить?

– Почему ты защищаешь его?

– Потому что он мой друг.

Зейлан фыркнула:

– Вот как? И давно вы знакомы? Месяц? Два?

– А разве это имеет значение? Мы знали друг друга всего несколько дней, когда я решил тебе помочь. И уже через несколько недель по своей воле остался с тобой в Нихалосе. Ты ведь не сомневалась в нашей дружбе, правда?

Смущенная, Зейлан опустила взгляд:

– Нет.

– Мы с Вэйлином спасли друг другу жизни. Я ему доверяю.

– А я – нет.

Бледные глаза Ли сузились:

– Это твое решение, но это не дает тебе права судить о Вэйлине.

– А ты что на это скажешь? – спросила Зейлан, обращаясь к Кирану. Тот до сих пор, как и полукровка, хранил молчание, и это несмотря на то, что именно его мать рассталась с жизнью.

– Я уже не знаю, что и думать, – сказал Киран, сжав большим и указательным пальцами переносицу так, словно его мучила та же головная боль, что и Томбелла. – Кроме того, сейчас я мало доверяю своей интуиции. Нас пытался убить мой самый лучший друг.

Глаза Ли расширились:

– Олдрен?

Киран кивнул:

– Он устроил пожар в нашем убежище.

– Они утверждают, что вы предатели, – сказал Ли.

– И что с того? – прошипела Зейлан, не выпуская из виду полуэльфа. – Еще они говорят, что мы мертвы.

Грубость девушки никак не повлияла на Ли.

– Как вам удалось сбежать?

Вообще-то сейчас Зейлан не хотелось об этом говорить. Она еще не закончила с полукровкой, но, возможно, то, что она скажет, каким-то образом изменит мнение Ли. Поэтому девушка поведала капитану то же самое, что рассказала Томбеллу. Киран подтвердил, что не может творить магию рядом с ней, и когда полукровка попытался подчинить своей власти воздух в комнате, то понял, что его магия тоже исчезла.

– Удивительно, – пробормотал Ли, задумчиво морща лоб.

– Ты что-нибудь слышал об этом раньше? – спросил Киран.

Хранитель покачал головой:

– Нет, никогда.

– А Темные могут иметь к этому какое-то отношение?

Морщины на лбу Ли стали глубже.

– А при чем тут они?

– Когда я спросил Олдрена, тот упомянул о них.

– Темные – преступники.

– Я так и сказала, – встряла Зейлан. По крайней мере, об этом Ли рассуждал здраво, к тому же он должен был это знать. Ведь когда-то капитан Форэш и сам принадлежал к числу Темных. – Но хватит отвлекаться. Об этом потом, мы еще не закончили с этим... полукровкой.

– Его зовут Вэйлин, – поправил ее Ли. – А что с ним?

– Почему ты притащил его сюда?

Ли, так внимательно выслушавший ее рассказ, снова занял оборонительную позицию, и Зейлан никак не могла этого понять. Почему этот полукровка был так для него важен? Не потому ведь, что в Мелидриане они спасли друг другу жизни, правда же?

– Вероятно, по той же причине, по которой ты привела с собой Кирана, – ответил он.

– Киран здесь, потому что не может оставаться в Нихалосе, не подвергая себя опасности.

– У Вэйлина та же проблема. Как только я выпущу его из виду, проклятие вернет его хозяину или хозяйке. Я обещал ему помочь снять проклятие. Тогда он сможет рассказать нам все.

– Ты знаешь, как это сделать? Как снять проклятие?

– Нет, пока нет.

Фыркнув, Зейлан всплеснула руками:

– Просто чудесно...

– Почему ты так озлоблена?

Зейлан, застыв на середине движения, хмуро уставилась на Ли.

– А как иначе? – спросила она голосом, который был острее меча на его поясе. – Из-за этого подонка я неделями тухла в темнице Неблагих! Мне пришлось срать в ведро и жрать то, что не ели даже свиньи! Каждое утро я просыпалась со страхом, что сегодня меня казнят. Двое гвардейцев напали на меня и закололи мечами, думая, что я умру. И все это – из-за него. Прости, конечно, что я так *озлоблена*, но он – один из виновников худшего периода в моей жизни!

С каждым словом голос Зейлан становился все громче и громче. Девушка бы не удивилась, если бы эта ее вспышка привлекла внимание некоторых любопытных Хранителей. Вряд ли кто-то из них знал, что произошло в Мелидриане. Слухи ходили ходуном: какие-то из них соответствовали истине, повторяя то, что рассказали Томбеллу Зейлан и Киран, другие, в свою очередь, были чистым вымыслом.

– Я все понимаю, – сказал Ли невыносимо спокойным голосом. – Но Вэйлину тоже пришлось нелегко. И ему нужна наша помощь.

– Мне плевать.

– А мне – нет.

– Тогда, может, нам стоит проголосовать? Кто за то, чтобы убить этого полуэльфа? – Зейлан вскинула в воздух руку, уверенная, что Киран последует ее примеру. Этот полукровка не только лишил жизни мать принца, но и пытался убить его самого. Однако рука Кирана не поднялась, и фейри смущенно отвел взгляд. – Ты серьезно?

– Думаю, он заслуживает шанса объясниться.

Ошеломленная, она уставилась на Неблагого:

– Как ты можешь так говорить? Он зарезал твою мать!

– То же самое говорили и о тебе, но я оставил тебя в живых.

– Потому что я невиновна! – взорвалась она.

– И он, возможно, тоже, – ответил Киран, прислонившись к стене. – Если сделать это его и в самом деле заставила кровная клятва, он не виноват. Ты понятия не имеешь, насколько могущественным является это проклятие. У раба нет собственной воли, и, чего бы ни захотел его хозяин или хозяйка, он должен это делать. Тело больше не принадлежит ему, и если Ли говорит, что ему можно доверять, я ему доверяю.

Шокированная, Зейлан в ужасе покачала головой. Неужели Киран и Ли окончательно потеряли рассудок? Оба они желали смерти полукровки. Теперь же они хотели защитить его, помочь ему, спасти его.

– Пожалуйста, Зейлан, – сказал Ли, шагнув к девушке. Его когда-то успокаивающая близость Зейлан не понравилась, но она не отступила. – Я не требую, чтобы ты доверяла Вэйлину. Ненавидь его, сколько хочешь, но, пожалуйста... пожалуйста, поверь мне. Разве я хоть раз сделал что-то, что заставляет тебя усомниться во мне?

Зейлан поджала губы:

– Нет.

– Тогда, пожалуйста, не сомневайся и сейчас. Дай мне время. И когда Вэйлин сможет свободно излить свою душу, а ты все еще будешь желать ему смерти, мы сможем обговорить это еще раз. Но убить его сейчас – это все равно что казнить связанного человека. Это несправедливо.

Жизнь вообще несправедлива, – подумала Зейлан.

Ничто из того, что произошло за последние несколько месяцев, не отвечало критериям справедливости. Было несправедливо отправить ее в Нихалос. Несправедливо заключать ее в

темницу, нападать и пытаться сжечь дотла. Зейлан, конечно, не была совершенно невинной, но она была хорошим человеком.

Но что, если Вэйлин – тоже?

Нет, потому что он – не человек. Он – полукровка!

А Киран – фейри. Но ему ты доверяешь.

Во имя Короля! Зейлан еще никогда не чувствовала себя такой растерянной и раздираемой на части собственными чувствами. Она ненавидела фейри, но любила Кирана.

Что? Нет, Зейлан не любила Кирана, она ценила его. И доверяла Ли, но не полуэльфу. И от этого готова была рвать на себе волосы. Но что ей оставалось, кроме как оставить полукровку в живых? Зейлан хотела, чтобы Ли встал на ее сторону, но действовать за его спиной она не собиралась. Девушка была обязана этому Хранителю очень многим и не хотела терять друга в его лице.

– Хорошо, пусть живет. Но это только ради тебя.

Ли улыбнулся:

– Этого достаточно.

Зейлан кивнула и, не обронив больше ни слова, вышла из комнаты. Перед встречей с фельдмаршалом ей нужно было хоть немного времени, чтобы прийти в себя, потому что девушка чувствовала, что вот-вот развалится на части.

Глава 17 – Ларкин

– На черном рынке —

Черного рынка больше не существовало. От прежнего убежища для фейри, Хранителей и алхимиков остались только руины и пепел. Глаза Ларкина горели, и слезы, вызванные плотной завесой клубящегося дыма, бежали по его щекам. Моргнув, он слегка потрянул головой. Это было невесомое, почти мимолетное движение, но над его головой тут же поднялось облако пыли. Ларкин стоял посреди поля битвы, какого не видел уже очень много лет. Даже разрушения, оставленные в центре Нихалоса неудавшейся коронацией Кирана, и те близко не стояли с той разрухой, которая сейчас предстала взору Хранителя.

Бой закончился. Пыль осела. Пожар, не найдя более никаких легковоспламеняющихся вещей и материалов, утих. Ветер уносил прочь дым и вонь обгорелых трупов.

Ларкин сглотнул. В горле пересохло. Меч пропитался черной кровью противника. Эльвы. Сначала раздались взрывы, распространяя первые пожары, следом ворвались люди в капюшонах, которые напали на рынок с оружием. Им еще можно было противостоять, но за ними пришли эти твари. Огромными стаями, каких Ларкин не видел никогда прежде, они обрушивались с неба, убивая на своем пути все, что двигалось.

В сознании Ларкина вспыхнули крики людей. Вокруг стояла полная тишина, но он слышал их, будто наяву. Казалось, никто, кроме него, не выжил. Но этого не могло быть! Должны были быть и другие!

Он медленно обвел взглядом окрестности. Разрушения, кругом одни разрушения. Палатки практически потеряли свою форму; все вокруг покрывало одеяло из серого пепла, разбавленное кое-где оранжево-красным светом разрозненных костров.

Ларкин сошел с кучи, на которой стоял, и опустился на колени рядом с Ярой. Бок о бок они сражались с эльвами, но женщину это не спасло. Одна из тварей, вонзив свои острые черные когти в грудную клетку Яры, вырвала из ее груди все органы.

– Покойся с миром, – пробормотал Ларкин. Подумал было о том, чтобы снять с себя плащ и накрыть им Яру, но что толку? На этом рынке не хватит ни плащей, ни одеял, ни ткани, чтобы накрыть все трупы. И едва это осознание пришло к Хранителю, чувство пустоты в его груди усилилось, а в животе что-то сжалось. Что ему теперь делать?

Тихий голос в голове нашептывал Хранителю, что нужно как можно скорее убираться отсюда, пока это еще возможно, потому что битва довела до предела и его. Болело все тело. Одежда Ларкина была изорвана в клочья; он чувствовал пульсацию множества ран, которые пытались затянуться, и кровь на своей коже, еще не успевшую засохнуть. Но как он мог повернуться и уйти перед лицом смерти стольких невинных людей?

Не оставалось никаких сомнений, что эта атака была направлена не на рынок, а на Темных, которые находили здесь свой приют. Вероятно, за этим стояли те же люди, что были виновны в остальных убийствах. Но как они нашли рынок и, что более важно, как им удалось управлять эльвами? Это не могло быть совпадением. Никак. Он никогда не видел, чтобы такое количество эльв атакowało одну и ту же цель. Иногда эти твари собирались в стаи и нападали на деревни, но чтобы такая орава? Ведь как минимум сотня этих костлявых летающих существ с острыми клювами и когтями обрушилась на них прямо с неба.

Застонав, Ларкин выпрямился. Колено болело, в боку саднило. Должно быть, эльве, которая добралась до него, удалось сломать ему пару ребер. Прижав больное место рукой, Хранитель, тяжело дыша, пробирался через груды обломков, проверяя, не остался ли кто-то в живых. Улики он поищет позже, сначала это.

– Есть кто живой? – хрипло крикнул он через всю площадь голосом, севшим от вдыхаемого дыма. Ларкин закашлялся, в глазах на миг потемнело. Он пошатнулся, но сумел сохранить равновесие, потому что за свою бытность Хранителем научился бороться с болью и слабостями своего человеческого тела, которые существовали только в голове.

Ларкин крикнул снова.

Никто не ответил.

Хранитель двинулся дальше, хотя каждая клеточка тела требовала, чтобы он лег и отдохнул. Но о сне не могло быть и речи. Ларкин не хотел представлять, в каком кошмаре может оказаться, если реальность – и та была сплошным ужасом. Он перешагнул через труп эльвы, которая смотрела на него своими большими безжизненными глазами.

Как им удалось командовать вами?

Этот вопрос никак не отпускал Ларкина. Более того – вселял страх. Мужчина был напуган больше, чем хотел признать даже перед самим собой. Если это случилось однажды, то могло случиться снова. А ведь эти эльвы были еще маленькими и, можно сказать, безобидными, по сравнению с теми чудовищами, что прятались в тени Мелидриана.

И вдруг Ларкин услышал чей-то стон. Тихий, словно едва слышный шелест листвы на ветру, и все же это был стон. Застыв на месте, Хранитель прислушался, пытаясь определить, откуда доносился звук. Исполненный муки хрип привел его к телу мужчины, скрытому под чьим-то безжизненным трупом.

Ларкин оттащил труп мертвеца и прямо в пепел опустился на колени перед живым. Горький вкус желчи наполнил его рот, когда Хранитель увидел одежду мужчины. Он был не на их стороне, он принадлежал к числу нападавших. Веки мужчины задрожали, словно он мог потерять сознание в любую секунду. Из живота у него торчал кинжал, и если рану не обработать вовремя, мужчина просто умрет. Больше всего на свете в этот момент Ларкин хотел вонзить собственный клинок прямо в череп этого ублюдка, но это означало бы потерять все шансы на ответы.

Выругавшись, Ларкин принялся залечивать рану, используя то немного, что было под рукой. Несколько раз ему приходилось делать подобное для своих братьев на Стене. Кто-то из них выжил, кто-то – нет. Умелыми движениями он вынул кинжал, промыл рану и с помощью лезвия и огня прижег кровотечение. Мужчина, закричав, потерял сознание, что на данный момент было, возможно, и не самым худшим вариантом. Его кожа была бледна, на губах – ни кровинки. Будет чудом, если раненый проживет еще несколько часов, но Ларкина это не волновало. Он не собирался спасать жизнь этого мужчины, а просто продлевал ее, чтобы получить ответы.

Обработав рану как можно лучше, Хранитель поднял мужчину и понес его через рынок к деревьям. Стена тумана, которая когда-то защищала рынок, исчезла: ее магия была мертва. Ларкин прислонил мужчину к дереву. Голова раненого склонилась набок, черные волосы сползли в сторону. Ларкин резко втянул в себя воздух. Мужчина был полукровкой: это ясно доказывали уши с заостренными кончиками.

Несмотря на то что полуэльф был без сознания, Ларкин связал его, прежде чем отправиться на поиски воды и других выживших. Несколько бурдюков с водой под обрушившимися палатками он нашел, а вот выживших больше не оказалось. Все были мертвы. Кто-то погиб во время взрыва, кого-то зарезали или закололи кинжалом, остальных разорвали эльвы.

Прихватив с собой воду, Ларкин вернулся к полукровке. Хранитель жадно сделал несколько больших глотков, чтобы смыть горький, пыльный вкус с языка, а остаток жидкости вылил на голову полуэльфа. Тот рефлекторно вздрогнул, и через мгновение веки над темно-кариими, покрасневшими от дыма глазами приоткрылись. На лбу смертельно раненого мужчины зияла рваная рана, похожая на ту, что была на лбу Ларкина.

Раненый ошеломленно огляделся, но Ларкин был так близко, что его широкие плечи полностью закрывали полукровке обзор поля битвы.

– Кто ты такой? – спросил Ларкин.

Полуэльф моргнул, видимо, в попытке сфокусировать свой взгляд на Хранителе.

– Где... – Голос прервался, мужчину сотряс приступ кашля. Его лицо исказилось от боли, и в следующий раз, когда полукровка поднял голову, в уголке его рта показалась кровь.

Долго он не продержится, – подумал Ларкин и, взяв один из бурдюков с водой, поднес его к губам полукровки. Тот пил очень осторожно и осмысленно. Казалось, с каждым глотком боль все сильнее охватывала его тело. И Ларкин даже мог бы почувствовать к этому мужчине нечто вроде жалости, если бы он и его товарищи не уничтожили десятки людей и фейри.

– Как тебя зовут? – снова спросил Ларкин.

– Оделл. – Слишком быстрый ответ, чтобы быть ложью.

– Почему ты и твои люди напали на рынок?

– У нас не... – Полукровка снова начал кашлять. —
... Не было выбора.

Ларкин поднял брови:

– Почему?

– Он грозил убить их всех.

– Убить кого?

– Наши семьи в Ли... – Оделл начал отхаркивать кровь. Ларкин выпрямился и снял с него путы, потому что в таком состоянии мужчина не смог бы далеко уйти.

– Ваши семьи в Ливатте? – подсказал Ларкин.

Оделл кивнул.

– А кто хочет их убить?

– Я... не знаю, – прохрипел Оделл, но голос его звучал решительно, словно мужчина тратил последние силы на то, чтобы рассказать Ларкину все, что знал. – Он выглядит как... Неблагодетель. И может повелевать эльвами.

Ларкин нахмурил брови:

– То есть он может отдавать им приказы?

Оделл кивнул.

Ларкин никогда не слышал о такой способности. Существовали фейри, которые рождались с каким-то даром. Одни умели необычайно хорошо музицировать, другие обладали талантом создавать самые прекрасные картины, а одна из советниц Валески якобы могла даже заглядывать в будущее, но даже этот дар казался ничтожным по сравнению с возможностью командовать эльвами. Ни один фейри не обладал такой силой. И тем не менее Ларкин не сомневался, что Оделл говорил правду. В конце концов, Хранитель своими глазами видел целую прорву эльв.

Ларкин всмотрелся в бледное лицо полукровки. Полуприкрытые веки мужчины подрагивали. Хранителю нужно было тщательно выбирать следующие вопросы, потому что, судя по тяжелому, хриплому дыханию полуэльфа, времени у него оставалось совсем немного.

– Но почему рынок?

Оделл сглотнул.

– Темные...

Оделл не закончил фразу.

– Что – Темные?

– Убить... убить их, – простонал Оделл, хватая ртом воздух. Его веки дрогнули, отчаянный взгляд полукровки в последний раз встретился с взглядом Ларкина, а потом глаза муж-

чины, лежащего на земле, остекленели, стали пустыми и безжизненными. Прерывистые звуки его дыхания затихли навсегда.

Вздыхнув, Ларкин выпрямился во весь рост, глядя сверху вниз на мертвого полукровку. Его слова не имели смысла. Зачем Неблагодару убивать Темных? Вряд ли они со своей преступной деятельностью добрались и до Мелидриана.

С другой стороны, Яра и остальные Темные работали на короля Андроиса, так что к этому мог приложить руку и он. Неужели они пересекли границу по заданию короля, чтобы после людей приняться за фейри? Это означало, что Андроис все время нарушал договор, и это давало Хранителям не только повод, но и право его наказать. Это лишит его права на трон, что неминуемо приведет к волнениям в стране, возможно, даже к восстаниям.

Но в любом случае заглядывать так далеко было слишком рано, потому что для ареста короля потребуется куда больше доказательств, чем подозрения одного Хранителя, основанные на словах мертвого полукровка. Единственный способ подтвердить это подозрение – поговорить с кем-нибудь из Темных. Но где их найти, если рынок теперь был полностью разрушен?

Глава 18 – Элрой

– Амарун —

Пальцы Элроя скользнули по кончикам светлых волос Фрейи, рисуя картину близости. Они ведь были молодоженами, влюбленной парой, искавшей уединения.

Фрейя в ответ улыбнулась ему такой теплой и любящей улыбкой, что почти сумела убедить его. И все же улыбка принцессы была так же лжива, как и ее объяснения на кухне, что припасы им нужны для долгой романтической поездки. Причем в этих словах была даже толика правды. Они действительно планировали поездку, но только она должна была привести их не к подножию Гор Сокровищ, а на борт «Хелениш».

Радостная дрожь охватила Элроя при мысли, что скоро он вновь увидит свой корабль. Много, слишком много времени прошло с тех пор, как он в последний раз стоял на его палубе. Элрою не доставало мягкого покачивания судна на воде, трепета парусов на ветру, волн, разбивающихся о нос корабля, но ждать оставалось недолго.

– Что мне сказать королю, когда вы не вернетесь? – спросил Йель, который вместе с Элроем, Рэй и Фрейей стоял во дворе замка, ожидая, когда лошадей выведут из конюшни. Было свежее весеннее утро, и роса сверкала в сиянии восходящего солнца, отгоняющего последние тени ночи.

– Понятия не имею, – ответил Элрой, снова накручивая на палец прядь светлых волос, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Фрейя позволяла ему эти вольности, потому что понимала: чем больше близости они демонстрировали, тем влюбленнее выглядели, а значит, вызывали больше доверия. – Скажи ему, что в Зеакисе есть такая традиция – отправляться после свадьбы в плавание без всякого предупреждения.

Йель фыркнул:

– И он в это поверит?

– Скорее всего, нет, однако смирится с этим, чтобы не расстраивать меня. – Элрой пожал плечами, так как пользовался полным доверием короля. При дворе принцу Диглану разрешалось делать все, что он хотел. Элрою такое положение было по душе, так что два или три раза он даже этим воспользовался. Сначала он попросил принести ему виноград без кожуры, в следующий раз – расписать стену в замке. Оба желания Андройсом были исполнены. При виде отвратительной, отчасти даже непристойной картины король даже не моргнул глазом. Он делал все возможное, чтобы заслужить расположение Элроя и получить его поддержку в войне.

Долго же ему придется этого ждать. Элрой был не против подраться в кабаке, а хорошая, честная дуэль между двумя воинами была отличным поводом сделать ставку, но в войну вступать он не хотел. Этой цены не стоило даже бессмертие. Элрой готов был заплатить за него многое: пират даже согласился жениться на Фрейе, ну, или, по крайней мере, на двойнике принцессы, как ему стало известно позже. Он попытался использовать это обстоятельство, чтобы вымогать бессмертие у отца Фрейи, но король не собирался вмешиваться в это дело. Андройс не собирался довольствоваться меньшим, нежели войска принца Зеакиса, но об этом не могло быть и речи. Элрой не станет покупать себе бессмертие ценой жизней невинных людей.

Наконец конюх вывел трех оседланных лошадей. Он помог Фрейе и Рэй сесть верхом и пожелал хорошей поездки. Предложенные лошади были красивыми животными с блестящей шерстью и высокими холками. Было даже немного жаль, что их придется бросить в порту.

– Вы уже знаете, когда вернетесь? – спросил Йель, проводя рукой по волосам. На борту «Хелениш» он выбривал голову налысо почти каждый день, якобы для того, чтобы лучше чувствовать море, но поскольку в Тобрии матрос выдавал себя за гвардейца из гвардии Зеакиса,

его лохматая грива беспрепятственно росла, и теперь его лицо обрамляло великолепие всколоченных локонов.

– Нет, пока нет, но недели три нас точно не будет, – ответил Элрой. – Я хочу, чтобы ты и все остальные как можно дольше держали позиции здесь, в Амаруне, и прежде всего следили за королем. Что бы он ни говорил и ни делал, по возвращении я хочу об этом знать. Ясно?

Йель покорно кивнул, хотя ему, вероятно, не меньше, чем Элрою, хотелось вернуться в море.

Они попрощались и отправились в Пятое кольцо, чтобы повидаться с Мойрой, прежде чем уехать в Нихалос. Неторопливо, чтобы не вызвать подозрений, они проехали через двор и повели лошадей через огороженные стеной сады.

– Моя жизнь в твоих руках. Мое будущее в твоих делах. Избавь меня от скверны и защити меня от фейри... – раздалось по другую сторону стены. Всякий раз, оказываясь на границе королевских садов, Элрой слышал эти слова, произносимые приверженцами королевской религии. После смерти Хелении пират побывал во многих местах и познакомился со множеством культур и религий. Собственная вера Элроя была разрушена смертью любимой, но до сих пор он не позволял себе судить о других религиях и верованиях. И даже сейчас не осуждал этих людей. Элрой просто их не понимал. Андроис был человеком. Таким же, как и сам Элрой. В правителе Тобрии не было ничего божественного, а стремление короля Андроиса к власти и богатству разоряло его собственный народ. И все же молитвы не прекращались. Нет, с каждым днем они становились все громче и громче.

– Научи меня и придай мне форму. Защити меня и уследи за мной. Ты – владыка. Ты – сила. Твоя милость – честь для меня. Я недостоин твоей похвалы. Моя жизнь в твоих руках... – повторялись строфы. То была лишь одна из многих молитв, которые Элрой слышал за последние несколько недель.

Перед закрытыми воротами они остановились, но одного мановения руки Фрейи оказалось достаточно, чтобы гвардейцы открыли их. С тех пор как Андроис отрезал дочери язык, он больше не обращался с ней как с пленницей, словно не считал нужным опасаться немой женщины. Однако решительное выражение лица принцессы показывало Элрою, как сильно король ошибался. Глядя прямо перед собой, Фрейя совершенно не обращала внимания на верующих, которые копошились вокруг нее, словно стая мелких рыбешек у брошенных в воду хлебных крошек. Каждый пытался уловить взгляд девушки или даже прикоснуться к ней, но гвардейцы оттеснили людей раньше, чем кто-либо из них успел это сделать.

И они беспрепятственно продолжили свой путь через первое кольцо. Миновали «Королевский» и множество других привилегированных магазинов, товары в которых предназначались только для самых богатых горожан. Несмотря на простой плащ, надетый на Фрейе, они не остались незамеченными. Люди останавливались, и пока одни начинали читать молитвы, другие принимались шептаться.

– Бедняжка больше не может говорить.

– Чудо, что принц не бросил ее.

– А она может издавать хоть какие-то звуки?

– Думаю, на ее месте я бы покончил с собой.

– А я бы покончил с собой, если бы у меня было такое лицо, как у тебя, – пробормотал Элрой, покосившись на Фрейю. Но девушка не рассмеялась над его комментарием, а только крепче натянула поводья своей лошади, вынуждая животное скакать быстрее, потому что не могла даже приказать этим людям замолчать. Они остановились перед рынком. Элрой велел Рэй ожидать в заранее установленном месте встречи, пока они с Фрейей будут разыскивать Мойру, потому что появиться на своих лошадях перед полуразрушенной хижинкой женщины-алхимика они не могли. Это привлекло бы нежелательное внимание, а ведь Фрейя хотела предупредить старуху об отце, прежде чем вновь покинуть город.

В рыночном зале пахло благородными духами, дорогими специями и вкусной едой. Несмотря на раннее время, людей на рынке было много, и смешаться с толпой удалось без труда. Некоторое время Элрой и Фрейя бродили по рядам, пока не почувствовали, что за ними никто не следит. В тот же миг они выскользнули наружу через другую дверь. Фрейя натянула на лицо капюшон, а Элрой спрятал свою униформу под бесформенным одеянием из коричневой ткани. Потом пират полез в карман и вытащил пакет с финиками.

Фрейя бросила на него злобный взгляд.

– Тоже хочешь?

Принцесса разочарованно покачала головой.

– Что? Я проголодался, – проговорил Элрой, запихивая финик в рот. Он украл их у одного из торговцев, когда они с Фрейей проходили мимо. Пират, правда, не собирался красть финики, но при виде такого разнообразия товаров просто не смог удержать свои руки при себе. Элрой скучал по своей прежней жизни: все эти приличия при дворе здорово его утомляли.

Прожевав финик, новоиспеченный муж Фрейи полез в другой карман своего плаща.

– Кстати, у меня есть кое-что и для Мойры.

Нахмурившись, Фрейя взяла мешочек из его рук.

– Волчий хвост, – сказал он. – Ты в прошлый раз ей приносила.

Принцесса, сморщив носик, пристально изучала его своим взглядом, но Элрой понятия не имел, что она хотела этим сказать. Она злилась на него? Это не те травы? Или они больше не подходили? Элрой совершенно не понимал, в чем дело, но писать на ходу Фрейя не могла, а останавливаться никто из них не хотел. Они оставили позади первое, потом второе кольцо. В третьем домики были намного меньше, теснее жались друг к другу, а люди выглядели менее безмятежными и даже измученными жизнью. В четвертом кольце в воздухе витала вонь сточных вод, потому что здесь не было канализации, которую король оборудовал в первых кольцах. Неровные улицы, изрытые выбоинами, были засыпаны кучами мусора; в переулках в поисках пищи сновали крысы. Бедность и нищета бросались в глаза, страдания с каждым шагом усиливались. Наконец они достигли пятого кольца и хижины Мойры. В этом районе война, казалось, началась уже давно. Крыши были разрушены, окна выбиты, а покосившиеся двери едва держались на петлях, словно их постоянно пинали ногами.

Хижина Мойры выглядела не менее ветхой. Никто бы не заподозрил, что именно здесь обитает могущественная женщина-алхимик. По крайней мере, Элрой считал, что Мойре присуща определенная власть, раз уж она была наставницей Фрейи. В прошлый раз, когда они приходили сюда, хижину окружали скелетоподобные кустарники. Теперь на них набухли сочные зеленые почки, но даже это не могло придать этому месту красоты.

Фрейя постучала.

Послышались шаги, потом дверь открылась и в проеме показалась Мойра – скрюченная старуха с жидкими тонкими волосами, которые казались скорее темно-серыми, чем черными, из-за множества седых прядей на голове. Ее глаза расширились:

– Что ты здесь делаешь, девочка?

Фрейя улыбнулась Мойре.

– Мы можем войти? – взял на себя роль посредника Элрой.

Взгляд старухи метнулся к пирату. Мойра недоверчиво смотрела на него, так что Элрой никак не мог понять, помнит ли она, что в прошлый раз оставила его на холоде, снабдив одним лишь тонким одеялом. Теперь на улице стало теплее, но Элрой не хотел оставаться на улице, словно дворовая псина. К тому же теперь его лицо было знакомо многим местным жителям.

– Снаружи я больше ждать не собираюсь, – скрестил он руки на груди.

Глаза Мойры, обрамленные сеточкой морщин, превратились в узкие щелочки. Но прежде чем старая ведьма успела что-то сказать, Фрейя схватила ее сухую, жилистую руку и впирила

в нее свой молящий взгляд. Тяжело вздохнув, Мойра отступила в сторону, пропуская их в хижину. Никто не мог отказать в просьбе немой девушке.

Внутри хижины ощущалось приятное тепло. В камине горел огонь, над ним висел чайник с чаем, от которого исходил восхитительный аромат трав. Большого в этом скромном жилище увидеть было нельзя. Чуть поодаль располагались маленькая кухня, стол и шаткая на вид койка. Самым уютным в этом домишке был, пожалуй, старый, покрытый пятнами, изорванный ковер, прикрывающий прогнившие доски пола.

– Чаю? – спросила Мойра.

Фрейя покачала головой.

– Мы ненадолго, – объяснил Элрой. Зря терять время было нельзя. Он, конечно, был уверен, что сегодня отец Фрейи будет спокоен, да и Йель своими ловкими оправданиями сумеет выиграть для них время, но все же лучше было не рисковать.

Они сели за шаткий стол, и Фрейя тотчас же достала свои письменные принадлежности.

– Значит, то, что ты лишилась языка, – правда? – спросила Мойра.

– Его ей отрезал отец, – ответил Элрой, чтобы сэкономить время.

Глаза Мойры стали большими, как блюдца:

– Король Андроис?

Фрейя кивнула.

– Почему он это сделал?

Фрейя умоляюще посмотрела на Элроя. Тот подавил вздох, потому что приехал в Тобрию не для того, чтобы быть голосом принцессы. Но, тем не менее, пересказал Мойре все, что ему рассказывала Фрейя. Оставалось надеяться, что в конце этого путешествия его ждало бессмертие, по крайней мере словосочетание «секретная библиотека» звучало очень многообещающе. К тому же, в отличие от этого Ларкина, книги не могли скрыть от него свои знания. Пират все еще не мог поверить, что Хранитель не раскрыл ему тайну. В мизинце этого проклятого Ларкина было больше чести и долга, чем во всем его теле. И это едва не вызывало у Элроя чувство восхищения.

Когда Элрой закончил свой рассказ, в глазах Мойры стояли слезы. С дрожью в пальцах, которую женщина даже не пыталась скрыть, она схватила Фрейю за руки.

– Девочка, мне так жаль, мне безумно жаль. Я знала, что твой отец – недостойный человек, но это... – она покачала головой, не закончив фразу. Непролитые слезы, которые она сдерживала, делали ее и без того хриплый голос еще более осипшим.

Фрейя, глаза которой тоже блестели стеклянным блеском, высвободила свои руки и начала писать.

Мой голос потерян, этого уже не изменишь, но война еще не началась.

– Вы хотите попытаться помешать ему, – заключила Мойра.

Фрейя кивнула.

– Что вы задумали?

– Мы отправляемся в Нихалос, чтобы поговорить с Кираном, – сказал Элрой, в очередной раз удивляясь тому, каким само собой разумеющимся стало это *мы*, хотя он этого и не хотел. Существовала Фрейя и ее страна – с одной стороны, сам Элрой и его корабль – с другой, а между ними – только его желание обрести бессмертие. По крайней мере, такое разделение имелось в его голове, однако в сердце таилось гораздо большее. Элрой любил Тобрию и местный народ. Любил черный рынок и то, как людям нравились его карты. Был очарован магией и Фрейей. Эта девушка была для него не просто средством достижения цели – она была его другом. – Мы надеемся, что он поможет нам сорвать планы Андроиса.

Фрейя, одобрительно кивнув, написала:

Мне очень жаль, что я не смогла украсть из библиотеки книгу, которую вы хотели, но не сможете ли вы раздобыть для меня оружие, выкованное Огнем? Оно мне просто необходимо.

Мойра покачала головой:

– Мне очень жаль, но пока нет.

Фрейя кивнула и бросила на Элроя понимающий взгляд. С ним принцесса уже это обсуждала. Фрейя отчаянно хотела иметь магическое оружие, чтобы защищаться от эльв в Нихалосе. Элрой не знал, умела ли девушка обращаться с мечом, но сделать остановку в Аскане все равно не помешает. Там команда пирата могла пополнить свои запасы, к тому же на черном рынке можно будет подкупить фейри, которые сопроводят их в Нихалос.

Знаками Элрой показал Фрейе, что понял ее, и тогда принцесса повернулась к Мойре и принялась что-то писать. Несколько секунд в хижине слышались только потрескивание огня и скрежет пера принцессы.

Но пришла я не только из-за оружия. Я хотела предупредить тебя и остальных.

– Предупредить? – Мойра в ужасе вскинула голову. – О чем?

О моем отце. Он знает о моей магии и о том, что меня научила ты. Здесь ты больше не в безопасности.

В глазах Мойры вспыхнул страх:

– Он... он знает об этом?

Принцесса кивнула.

– Тогда почему я все еще жива?

Стратегия. Он отложил твою казнь до того момента, когда она возымеет наибольший эффект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.